

ОХОТТА

и ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО

8

2014

2014,
N 8

На весеннюю охоту

ВНОВЬ НАПАДАЮТ

Виктор ГУРОВ

Есть легионы сорванцов, у которых на «языке «государство», а в мыслях пирог с казённой начинкой.
М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

Вроде бы немного стихли атаки на весеннюю охоту, развёрнутые в 2003 г., как вновь накатилась волна с требованием запретить её в связи с вступлением России в АЕВА и катастрофическим сокращением гусеобразных из-за того, что в России на них ведётся охота весной, когда в «сердобольной» Европе она под запретом. И вот 18.03.2014 г. в Общественной Палате РФ рабочая группа инициировала проведение круглого стола — «Отмена весенней охоты на водоплавающих птиц». Председательствовала заместитель председателя группы Д. Хмельницкая. Во вступительном слове она отметила, что «причиной проведения слушаний послужила «широкая» общественная дискуссия по данному поводу и обращение в Палату РФ инициативной группы, собравшей 39 780 подписей в поддержку данной инициативы. Председатель заявила: «Нам бы хотелось разобраться, с чем связана такая ожесточённая дискуссия, и выслушать разные доводы по данной проблеме».

У меня вызвало оторопь заявление председателя Алтайской краевой общественной организации «Глебовское экологическое общество» А. Грибкова. В подтверждение своего «за» запрет весенней охоты, он привёл «ужасные» сведения по Алтайскому краю. Где за последние 10 лет популяция гусеобразных сократилась в 2 раза, а глухарей за 5 лет в 1,5 раза. В его словах звучал, в частности, такой довод: «При существующей культуре охотников весенняя охота недопустима, люди не знают видов птиц, стреляют во всё, что шевелится. Это уже не охота, а просто стрельба по живым мишеням». Он убеждён: «Основная масса охотников — это браконьеры». Что на это скажете? Видно, г-н Грибков не знает дословного перевода «brasconnier» с французского. Как можно огульно сваливать в одну кучу охотников и браконьеров. Это же тяжкое оскорбление правильных и настоящих охотников, которых большинство. Я бы посоветовал г-ну Грибкову прочесть статью «Что есть охота?» (журнал «Охота и охотничье хозяйство», № 4, 2004 г.) Олега Кирилловича Гусева. Он пишет: «Охотник, если это охотник, а не браконьер и не садист, никогда, ни при каких обстоятельствах не лишит жизни живое существо просто так, зря,

ради потехи или забавы».

Достойный ответ прозвучал в выступлениях Президента РОРС (Ассоциации «Росохотрыболовсоюз») Т. Арамилевой и её первого заместителя, председателя МООиР В. Кирьякулова. Они попросили не путать охотников с браконьерами. Такие горе-охотники, о которых говорил г-н Грибков, были бы немедленно исключены из общества. Также они отметили, что РОРС ратует за то, чтобы все охотники изучали теорию и умели различать виды птиц. Для этого в обществе работают секции молодых охотников, во многих регионах регулярно проводятся летние лагеря молодёжи, в которых будущие охотники получают соответствующую подготовку и знания по охотминимуму. РОРС ведёт большую работу по совершенствованию охотничьего законодательства, включая необходимость сдачи экзамена по охотминимуму при получении охотничьего билета, который, кстати, отменён с получение нового охотбилета.

Читателям будет интересно узнать и мнение А. Межнева, сотрудника Департамента охоты МПР. Он, в частности, сказал, что и сроки охоты, и объём добычи уток, гусей и вальдшнепов в России, несмотря на её огромную территорию, значительно меньше, чем в странах Западной Европы. К тому же в большинстве центральных регионов охотник может добыть гуся только весной, так как осенью пути пролёта другие. Объективных причин закрывать весеннюю охоту у Департамента нет.

В. Кузенков, главный редактор журнала «ОХОТА», биолог-охотовед обратил внимание участников стола на экономическую составляющую весенней охоты. Охотпользователи понесут финансовые потери. При этом уровень браконьерства не снизится, а только возрастет. Причина. На одного охотинспектора приходится тысячи га угодий, а выделяется на охрану 6 л бензина на машину. О каком охотнадзоре можно говорить. Мы забыли, когда-то рядовые охотники были первейшими помощниками охотинспекторов. Сегодня охотников 3 млн. — это внушительная сила в борьбе с браконьерами. Но их никак не могут на законодательном уровне привлечь к охране. При грамотной организации и правильной охране угодий сроки весенней охоты можно было бы увеличить до 30 дней без ущерба для воспроизводства водоплавающих.

Горечь и сожаление прозвучали в выступлении первого заместителя

главного редактора «Российской охотничьей газеты» А. Лисицина. Он отметил — за время его работы редакция получила массу писем от охотников не только с критикой закона и правил охоты, но и с наболевшими вопросами, которые могли бы послужить пищей для размышления по совершенствованию охотничьего законодательства. Многие письма редакция направляла в Департамент охоты МПР, но, к сожалению, воз и ныне там. Ничего существенного не было предпринято. Там нас (то есть в нашем лице наших читателей-охотников) не слышат, а в последнее время даже перестали приглашать на проводимые Департаментом заседания.

Заслуживает внимание выступление шеф-редактора «РОГ», кандидата биологических наук С. Фокина. Он предложил разработать регламент проведения весенней охоты, начиная с выдачи разрешений и путёвок и заканчивая контролем за охотниками в угодьях. По его мнению, охота на гусей и селезней не должна быть массовой и должна разрешаться только тем охотникам, у которых действительно есть подсадные, шалаши, скрадки, чучела и профила. Необходимо исключить всякое хождение с ружьями весной в угодьях. При охоте с подсадной запретить стрельбу влёт, даже по селезням, а также нахождение с собранным ружьём вне шалаша, за исключением добора подранка. Этот регламент должны подготовить специалисты и предложить его для утверждения МПР в качестве дополнения в «Правила охоты». Он предложил в дальнейшем тему полного запрета весенней охоты раз и навсегда снять с обсуждения.

Не «безынтересным» было выступление и научного сотрудника лаборатории сохранения биоразнообразия и использования биоресурсов ИПЭЭ РАН Софьи Борисовны Розенфельд. Она напомнила, что весенняя охота во многих странах Европы запрещена, что в Северной Америке ежегодно добывают 3—4 млн. гусей. И сокращалась, а в России их всего столько гнездится. С. Розенфельд посетовала, что традиция разбивать регионы на северные, южные и центральные зоны, в каждой из которой охота ведётся 10 дней, так и не была отменена в ряде областей. По этой причине любой охотник, перемещаясь по территории России, имеет право добывать гусей с марта по середину июня.

С. Розенфельд настаивает на полном запрете охоты в Сибири и на Дальнем

Востоке, где численность водоплавающих падает катастрофически. Чтобы подобное предлагать, ей следует знать, что сокращение гусеобразных происходит из-за того, что на зимовках в южной и юго-восточной Азии голодающим населением идёт бесконтрольный отлов и отстрел прилетевших птиц. Например, амурских кобчиков тысячами ловят в северной Индии, южной Африке и поедают. В России уж точно на них не охотятся. Да что там кобчики! Летучие мыши пошли уже африканцам в пищу. А судьба кулика-лопатня? Он гнездится только на Чукотке. Его популяция сегодня 150—250 пар. Скоро и его доедят в южной Азии. Подобных примеров г-жа Розенфельд знает больше меня, но молчит. Я удивляюсь, при такой «информированности» почему С. Розенфельд в своих выступлениях ни разу не подняла проблему о запрете весенней охоты для «новых русских» в тундре по всему побережью океана? Гуси прилетели домой! Так создайте, господа чиновники и природолюбцы, гусям благоприятные условия для гнездования и выращивания потомства. Рядовые охотники из Ставрополя и Кубани за ними следом вряд ли перемещаются.

Её беспокоит, что «в России за последние 10 лет отсутствуют достаточно достоверные данные о численности и добыче водоплавающих птиц. Все данные по численности учёные получают только на основе учётов на зимовках в зарубежных странах». И кто вам мешает этот учёт проводить? Я не поленился и повторно прочитал опубликованные в «Российском охотничьем журнале» № 4, 2013 г. две статьи С. Розенфельд «Закроют ли весеннюю охоту?» и «Где наши гуси и сколько их?». Меня расстроило, что уважаемая Софья Борисовна за круглым столом, к сожалению, нового ничего не сказала. И её выступление с трибуны круглого стола и названные статьи вплелись как «лыко в строку» в общий хор противников весенней охоты. По этой причине я вынужден иногда делать ссылки на её статьи, а выводы читатели сделают сами. Почему С. Розенфельд оставила без внимания выступления таких видных учёных, как А. Линьков, В. Кузякин, В. Рябцев и др.? Она бы там нашла и ответы на свои вопросы.

С. Розенфельд убеждена, «во многих субъектах РФ происходит переэксплуатация водоплавающих». Если С. Розенфельд располагает такими данными, то их следовало бы обнародовать. А так это заявление бездоказательное и от лукавого. Я не раз приводил данные: кто и сколько добывает мигрирующих гусей, уток и вальдшнепов. Ещё раз подтверждение нашёл в статье А. Линькова «Весенней охоте — да или нет?» («РОГ» № 6 2013 г.). Он пишет, что в России добывается ежегодно около 200—250 тыс. гусей, 6—8 млн. уток и 200 тыс. вальдшнепа. И где вы увидели «переэксплуатацию»? А вот европейские охотники — миллионами! К примеру, в Италии охотников 850 тыс., а отстрели-

вают они в год до 1,5 млн. вальдшнепов. Такая же картина по гусям и уткам. В маленькой Дании охотники добывают до 65 тыс. гусей. Мы охотимся на пролётную птицу 2,5 — 3 месяца в году. На гуся 10 дней весной и максимум пару недель осенью, и то не везде. Это подтвердил и А. Межнев, а вот в Европе — до 7 месяцев. Правда, по словам С. Розенфельд, мы теперь весной тоже охотимся «около» 3 месяцев. Жаль, С. Розенфельд в своём выступлении не затронула проблему необходимости поисков с западными партнёрами каких-либо договоренностей о регламентации охоты на пролётных птиц. Экономика охотничьего хозяйства в Западной Европе в основном держится на ресурсе российского происхождения. Запретив весеннюю охоту, Россия превращается в страну, выращивающую «охотничий ресурс» для высоко прибыльной охотничьей отрасли Европы и прокорма населения в районах южной, юго-восточной Азии и Африке на зимовках птиц. Разве это справедливо? Это ещё вопрос, кто больше заботится о сохранении? Кто поставит гусей, уток и вальдшнепов к европейскому столу? Что бы ни писали противники весенней охоты — Россия!

Встаёт закономерный вопрос, а почему Европа так ополчилась на нашу весеннюю охоту? Видите ли, по её мнению, она ведёт к сокращению гусеобразных. Лукавят европейцы, ох, лукавят. Бдят свой интерес. Почему они не видят безобразий в их стане? Взять, к примеру, такую страну ЕС как Голландия, где охота под влиянием «зелёных» ограничена. Но у них есть традиция (как у наших киногероев известного фильма — перед Новым годом ходить в баню) выбирать яйца из гнёзд чибиса. Что интересно, в 2003 г. Европейский суд признал законность такого изъятия в рамках Директивы ЕС по охране диких птиц (ст. 9), согласно которой сбор яиц может производиться в ограниченном количестве в интересах традиционных способов охоты. А вот нам, невзирая на то, что весенняя охота часть нашей национальной культуры и традиционна, отказать — это уже полахивает двойными стандартами.

Природолюбцы уверяют нас: Россия, запретив весеннюю охоту, получит доступ к программе малых грантов AEWA, проектам Глобального экологического фонда, а также многочисленным источникам иных доноров. Вот где собака зарыта! Сами-то не можем выделить достаточно средств. Поэтому надеемся — «Заграница нам поможет». Жаль, противники весенней охоты в её закрытии видят только плюсы. Одной из причин сокращения водоплавающих, по утверждению С. Розенфельд, «является катастрофический упадок культуры охоты. В связи с отсутствием нормального экзамена по охотничьему минимуму, основанного на соответствующей методической базе и существующей структуре перечня видов, отнесённых к объектам охоты... Большинство охотников не умеют отличать виды, не знают охотничьего законода-

тельства и Правил охоты. Как можно доверить ружьё человеку, который столь безответственно относится к объекту охоты!» А кто в этом виноват? Власти выдали охотничьи билеты всем желающим. Они всё сделали для того, чтобы дискредитировать общества охотников, выдать охотников из угодий, превратив их в край не пуганых браконьеров. А мы всё сокрушаемся, почему охотники такие «тупые». Без истинных охотников, как сказал выше В. Кузенков, никогда не возродить охотничье хозяйство России и тем более численность гусеобразных.

Удивляет, почему защитники природы видят угрозу пролётным гусям, уткам и другим птицам только в весенней охоте. Почему они и словом не обмолвятся, сколько гибнет этой птицы от нерадивого хозяйствования? За примерами ходить далеко не надо. Пожары, трагедия в ноябре 2007 г., когда во время шторма в Керченском проливе затонуло 10 судов. В море вылилось по разным данным от 3-х до 6 тыс. т нефтепродуктов, на дно ушло 7 тыс. т серы! Погибшую птицу сгребали как мусор. Почему пропустили мимо ушей упрёк академика А. Яблокова, что нефтяники ежегодно выливают до 5 млн. т нефти на землю, в реки и озёра. Почему бездумно вырубаются токовища глухарей в Алтайском крае и других регионах. Что мешает создать надёжную государственную службу охотнадзора? Вот где кроются причины оскудения наших угодий. Не с того конца радетели природы пытаются решать проблему.

На мой взгляд, надо, прежде всего, определиться — есть ли в России охотничья отрасль? Если есть, то нужна **КОНЦЕПЦИЯ** её развития, а таковой, к сожалению, нет. Нет и **Государственного штаба**, который бы возглавил вывод охотничьего хозяйства страны из кризиса. Нет сомнений, под запрет весенней охоты европейцы выделяют так страстно желаемые гранты, отводя России, как поёт А. Пугачёва, роль пастушки, пасущей гусей у стен дворца короля. На мой взгляд запрещение весенней охоты с точки зрения практической — ошибочно, экономиче-ской — вредно, а социальной — преступно. Ну, запретим весеннюю охоту. Но как всегда найдутся ловкачи, которые продавая разрешения на проведение «ограниченных» охот в научных, воспитательных и других целях. Скрыть такие «охоты» от простых охотников не удастся. Всё это будет развращать охотников, толкать их на протестное браконьерство и способствовать росту социального напряжения.

И в заключение. Участники круглого стола признали, что охотничье законодательство нуждается в существенной доработке. Было предложено создать в Палате рабочую группу по оптимизации весенней охоты, в которую войдут и участники круглого стола. «Теперь задача нашей рабочей группы — разработать рекомендации и продвигать их в жизнь» — сказала в заключение Д. Хмельницкая.

Издательство
охотничьей
литературы

143900, Московская область, Балашиха-центр, а/я "Книжная лавка охотника и рыбака"

ОХОТНИЧЬИ ПРОСТОРЫ

Литературно-художественный альманах

Альманах «Охотничьи просторы»

Охотничьи просторы. Книга 78 (4-2013 г.)
В номере: В.Б. Чернышёв - «Оползень»; А.Д. Мухачёв - «Запах тайги»; В.В. Аннико - «Я тебя не знаю...»; В.Я. Приходько - «Из дневника воронежского охотника»; С.В. Дурягина - «Месть доезжачего»; В.Е. Терёшкин - «Секач»; И.А. Салов - «Волки»; А.А. Сирина - «Охота у зявков и зявенов»; П.Б. Юргенсон - «Моя жизнь»; Н.П. Феоктистов - «Джина» и другие.
Издательство «ЭРА», 2013 г., 304 стр. Код для заказа - 1420.
Цена - 170 руб.

Охотничьи просторы. Книга 79 (1-2014 г.)
В номере: Ю.В. Чернов - «Глухарь из Чуула»; В.В. Аннико - «Архары Каратау»; А.С. Кайков - «На побережье Чукотки»; С.В. Дурягина - «Рассказы о Михалыче»; Н.М. Мелёхина - «Тяга»; В.В. Рунов - «Апрельские гуси»; Н.И. Яблоцкий - «Типы былого»; А.Н. Зырянов - «Добывание пушных зверей с помощью гуманных самоловов»; и другие.
Издательство «ЭРА», 2014 г., 304 стр. Код для заказа - 1435.
Цена - 200 руб.

Справочник охотника

Лев Емельянович ТРУТНЕВ
Справочник охотника-любителя.
В книге изложена биология основных охотничьих животных России, приведены наиболее распространённые способы охоты на них. Отдельные главы посвящены охотничьему снаряжению, приёмам стрельбы из охотничьего оружия и охотничьим собакам. Даются множество советов охотникам.
Издательство «ЭРА», 2010 г., 432 стр. Код для заказа - 1231.
Цена - 290 руб.

Под редакцией Е.Е. СЫРОЕЧКОВСКОГО
Полевой определитель гусеобразных птиц России.
Определитель включает в себя таблицы определения и видовые очерки по 76 видам гусей, казарок и уток, встречающихся на территории России. Представлены цветные изображения птиц в различных возрастных и сезонных нарядах, в полёте и на воде. Книга имеет влагостойкую суперобложку.
Москва, 2011 г., 224 стр. Код для заказа - 1385.
Цена - 500 руб.

Художественная литература

Всеволод Петрович СЫРОЕВ Избранное. В 3-х томах.
Том первый: повести «Хозяин Малого Хингана» и «За чёрным соболем»; рассказы охотоведа из сборника «В северных джунглях»; «Не отоснится мне пора таёжной охоты...» (статьи, заметки, очерки и лесные были).
Том второй: повести «Золотая Ригма. История жизни одной уссурийской тигрицы» и «Светлые струи Амгуни»; «Удивительные звери» (рассказы о приключенных животных); «Манящая природа Приамурья» (очерки, воспоминания, поэтические пробы).
Том третий: повести «Амурские звероловы. Год из жизни Богатырёвых» и «Мятежная душа. История жизни одного охотоведа»; рассказы «У охотничьего костра»; «Памятные встречи» (воспоминания).
Издательство «Приамурские ведомости», 2013 г., 1056 стр. Код для заказа - 1424.
Цена за 3 тома - 1800 руб.

Николай Аполлонович БАЙКОВ
Собрание сочинений. Том III. Тайга шумит.
В третий том Собрания сочинений включены сборники очерков и рассказов «Тайга шумит», «По белу свету», «У костра» и «Сказочная бэль».
Издательство «Рубеж», 2013 г., 512 стр. Код для заказа - 1423.
Цена - 500 руб.

Альберт Сергеевич КАЙКОВ
В туруханском тайге.
В книге А.С. Кайкова воссоздан мир людей, чья жизнь проходит на природе: северных охотников и рыбаков. Автор рассказывает, насколько трудной была и остаётся жизнь переселенцев, как они выживают в условиях первозданного северного края и холодной природы.
Изд. «Беловолье», 2014 г., 272 стр. Код для заказа - 1442.
Цена - 250 руб.

Вадим Борисович ЧЕРНЫШЁВ
Рядом. Пыж! Рассказы о собаках.
Книга одного из старейших писателей России Вадима Чернышёва посвящена собакам - охотничьим, полукровкам, бездомным и комнатным. Рассказы о них, написанные в классическом стиле, продолжают традиции русской литературы о собаках, заложенные Тургеневым, Чеховым, Куприным и Пришвиным.
Издательство «ЭРА», 2014 г., 192 стр. Код для заказа - 1441.
Цена - 250 руб.

Александр Александрович ЧЕРКАСОВ
Мир зверей.
Впервые эта книга вышла под названием «Записки охотника Восточной Сибири» в 1867 году. Записки отличаются превосходным русским языком, уникальными наблюдениями за жизнью животных. Описаны особенности и техника охоты на разных зверей в сибирской тайге.
Изд. «Воениздат», 2007 г., 392 стр. Код для заказа - 1381.
Цена - 560 руб.

Константин Дмитриевич ЯНКОВСКИЙ
Дикая каминь.
В рассказах Константина Янковского предстаёт перед нами удивительный таёжный мир, мир доброй природы, мир деревьев и трав, зверей и птиц. Автор, охотовед и хранитель тайги, постиг красоту, гармонию тайги и стремится передать её читателю.
Издательство «ЭРА», 2011 г., 272 стр. Код для заказа - 1263.
Цена - 230 руб.

Валентин Сергеевич ПАЖЕТНОВ
Моя жизнь в лесу и дома. (Подарочное издание.)
Воспоминания выдающегося зоолога, автора уникальной методики выращивания медвежат-спирот для выпуска в дикую природу, доктора биологических наук В.С. Пажетнова. В оформлении книги использованы живописные и графические работы В.А. Горбатова.
Изд. «Вече», 2014 г., 456 стр. Код для заказа - 1437.
Цена - 1200 руб.

Виктор Михайлович ЛУКАШОВ
По охотничьим тропам.
«Краски на небе блекли, заря догорала, плавно уходя под покров нависающей ночи. Стрелой пронёсшийся цирок поставил точку в сегодняшней охоте...»
Автор книги, заядлый охотник, увлекательно рассказывает о прекрасном и захватывающем мире охоты и дикой природы.
Изд. «СФК-фис», 2010 г., 192 стр. Код для заказа - 1384.
Цена - 200 руб.

Вадим Алексеевич ГОРБАТОВ
Среди льдов и джунглей. (Подарочное издание.)
Новый альбом известного российского художника анималиста познакомит читателей с животным миром и природой различных уголков земли - от кромки Ледовитого океана до экватора. Зарисовки, наброски, акварели составляют основу альбома.
Изд. «Вече», 2014 г., 336 стр. Код для заказа - 1434.
Цена - 1700 руб.

Бологодская областная универсальная научная библиотека

Полный каталог книг на нашем сайте в интернете: охотничьи-просторы.рф

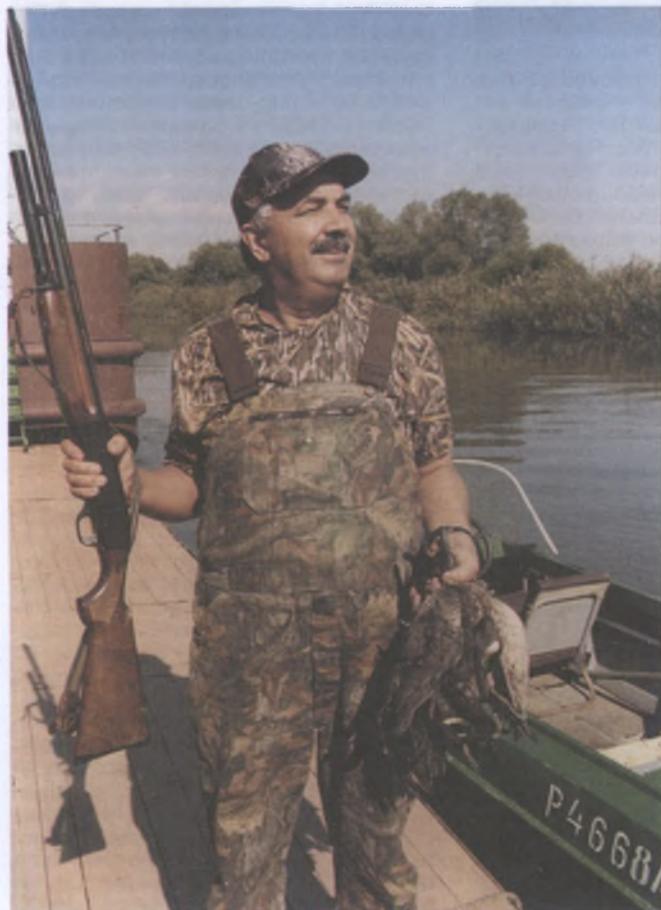
КНИЖНАЯ ЛАВКА ОХОТНИКА И РЫБАКА

Самая любимая осенняя охота

А. ДИГИЛЕВИЧ

Охота на кулика на Камчатке

С. УСИКОВ

В Камчатском крае, как с недавнего времени именуется наш полуостров, говорят именно «на кулика». Это не случайно, и хотя видов этой дичи, разрешенных к отстрелу, немало, однако в подавляющем большинстве случаев охотник покусается на одного конкретного представителя куличьиной породы — среднего кроншнепа или кулика-ягодника. Причин такому предпочтению несколько. Во-первых, эта птица держится преимущественно на открытых тундровых пространствах, поскольку питается плодами голубики, шикши, брусники и других ягод. Во-вторых, именно с кулика начинается долгожданный летне-осенний сезон охоты, ну, и в-третьих, нет вкусней и нежней дичины, чем осенний, залитый жиром, часто почти не уступающий по весу и размеру чирку, кулик-ягодник, по праву называвшийся в старину царской дичью.

Появляется средний кроншнеп на полуострове в первой декаде мая вместе с запрещенным к отстрелу дальневосточным кроншнепом. Уже к началу августа выводки полностью становятся на крыло и молодые птицы размером почти сравниваются с родителями. Охота на кулика открыта обычно с середины августа, и множество охотников на Восточном и Западном побережье Камчатки греют душу на этой не слишком утомительной, приятной и спокойной охоте, лишь бы только погода не подвела. Охотники из краевого

центра предпочитают собираться на Халактырском пляжке — участке тихоокеанского побережья, протянувшемся на многие километры. Пляж представляет собой широкую прибойную песчаную полосу, сопрягающуюся с прибрежной тундрой, покрытой сетью ручьев, небольших речек, образующих в устьевой части лиманы, и озер. В урожайную осень тундра буквально устлана разносортным ягодным ковром, что привлекает не одних только куликов, но и медведей, полярных сусликов — евражек и прочих любителей сладкого. Зачастую, в полном смысле, некуда присесть, чтоб не оставить на одежде ничем не отстирываемые фиолетово-красно-черные пятна.

Способ добычи ягодника в первые недели сезона практически всегда один — с подхода, и лишь в редких случаях стрельба на утренних и вечерних перелетах, где поначалу удача сопутствует охотнику нечасто, так как на местности преобладает местный кулик и постоянных маршрутов он не придерживается. «Самотоп» на этот момент — самый верный шанс положить в рюкзак, если повезет, конечно, несколько красавцев с длинным изогнутым клювом. В выводах в это время преобладает еще не настеганная молодежь, часто подпускающая стрелка на достаточное для уверенного выстрела расстояние, иногда птицы поднимаются в нескольких метрах от человека. Окраска кулика настолько мас-

кирует его на фоне растительности, что близкий взлет птицы заставляет охотника вздрагивать от неожиданности, к тому же подъем сопровождается характерным переливчатым криком, и все это далеко не способствует меткому выстрелу. Полет кроншнепа нельзя назвать маневренным, и даже тот, кто пропуделял по нему в упор, имеет хорошую возможность для повторного выстрела. Впрочем, ягодники иной раз делают такие маневры, что бекасу впору позавидовать, да еще и негодующе кричат, но это происходит только после выстрелов. Стронутые кулики, независимо от того, стреляли по ним или нет, как правило, далеко не отлетают, а, протянув несколько сот метров, снова падают на тундру. Заметив место посадки, можно попытаться вновь подкрасться на выстрел, учитывая при этом одно обстоятельство — после приземления птицы довольно быстро перемещаются от точки посадки, и надо не забывать это иметь в виду при подходе к району предполагаемого нахождения стаи. Одиночки, пары и тройки куликов используют эту же тактику. Тундровые увалы и гривы, массивы и одиночные кусты кедрового стланика облегчают задачу охотника по скрадыванию птиц. Нередки случаи, когда спугнутые птицы садятся на прибойную морскую или океаническую полосу, где их неплохо видно на черно-сером вулканическом песке. Используя различные укрытия и складки местности, охотники часто подбираются к куликам на дистанцию выстрела. Очень хорошо, если во время охоты дует сильный ветер, а на побережье это не редкость, тогда кулик подпускает очень близко. Взлетает он всегда навстречу воздушному потоку, причем, как и все пернатые, что тоже нужно учитывать. Как-то я сам, укрываясь от надоевшего норд-оста, зашел в неширокую низину меж двух увалов, поросших поверху кедром. Шагая по зарослям уже вянувшего иванчая, неожиданно согнал ягодника, сначала бойко стартовавшего. Но как только птица поднялась чуть выше стланика, ветер подхватил ее и, не смотря на все усилия крыльев, кулик завис на месте, словно вертолет, став моей добычей. Впоследствии выяснилось, что в ложбинке, тянувшейся на несколько сот метров, пряталось от сильного ветра десятка три куликов.

В большом количестве охотников на угодьях в дни открытия есть одна положительная сторона — птица под постоянным беспокойством вынуждена все время перелетать и часто попадает на соседних стрелков. Кроншнеп выдает себя в полете своим голосом, слышным на приличном расстоянии и всегда есть время подготовиться к стрельбе, услышав его песню. Случается, причем, что кулик пролетает

молчком, уходя невредимым от охотника, но здесь уж пенять можно только на самого себя. После удачных выстрелов нужно четко запоминать место падения ягодника, так как без собаки найти даже чисто сбитого кулика, не наметив ориентиров, достаточно проблематично. Если четкого ориентира нет, необходимо не отводя глаз от точки падения птицы, обозначить место выстрела, к примеру, сбросив рюкзак, и только потом начинать поиски. Это значительно облегчит задачу, ведь иногда приходится не единожды возвращаться на «исходную», чтоб еще точнее откорректировать искомую точку. Подранка же отыскать самому почти невозможно, за исключением случаев, когда птица падает на песчаные косы или приборку, но и здесь часто приходится побегать, настолько быстро перемещается на своих длинных ногах кулик. Хорошо работающая собака в этом случае значительно облегчает жизнь охотнику. Однажды на этой охоте со мной приключился случай, внятного объяснения которому я до сего времени найти не смог. Со старшим сыном, которому по молодости лет носить дробовик было пока тяжело (хотя с малокалиберным карабином он управляется вполне сносно для шестилетки), с тундры подняли двух ягодников. После дуплета первый шлепнулся в стелющийся ковром шикшовник, метрах в тридцати, и был четко виден, другой утянул низом и завалился на поляну, поросшую высоким иван-чаем. Справедливо рассудив, сперва вдвоем принялись за поиски второго кулика, против ожидания, нашли его довольно скоро и вернулись к первому, приметно сереющему трофею.

Удивлению моему не было границ, когда вместо кулика на траве оказалась кучка перьев и два последних маховых сустава от обоих крыльев. Хорошо было видно, что перья не выщипаны, а именно срезаны дробью, точно так же, как и кости крыльев, в них отчетливо зияют прострелы от «семерки», и ни капельки крови, вообще ничего! Обшарили все вокруг в радиусе полусотни метров — никакого результата! Вполне возможно, что птица стала добычей горноста, поскольку этот мелкий хищник довольно дерзок, чему я сам неоднократно становился свидетелем. Был случай, когда «горняк» совершенно нахально, не стесняясь присутствия разговаривающих людей и охотничьего костра, пытался утащить кулика, лежащего в полуметре от огня. Тушка птицы была сильно разбита дробью выстрелом с близкого расстояния и мало на что годилась. Поэтому мы с любопытством наблюдали за действиями зверька и не препятствовали горностаю в захвате чужой собственности.

Конечно, от постоянного преследования птицы «умнеют» и уже спустя неделю взлетают на предельном расстоянии, а отдельные «профессора» смазывают пятаки за сотню метров, но все

равно найдутся какие-нибудь ротозеи, которые доставят вам удовольствие посадить их на мушку. Правда, чтобы найти таких, придется прошагать не один километр, но это ли ни наслаждение, шагать теплым осенним днем по мягкому травянистому ковру под мерный гул близкого океана, с ружьем в руках, вдыхая йодистый морской воздух, время от времени нагибаясь, чтоб отправить в рот пригоршню ягод. Близкое соседство с водной стихией позволяет наблюдать жизнь связанных с ней млекопитающих и птиц, и если очень повезет, увидеть незабываемое, как подфартило мне стать свидетелем охоты стаи касаток на нерп, в свою очередь промылявших лососей в прибойной полосе.

По мере продвижения осени и наступления ночных заморозков, начинается подлет северного кулика. Летят кулики преимущественно в темное время суток, и иной раз, даже в городе, в ночном небе слышна переличатая трель кроншнепов. Вначале появляются отдельные стайки, численностью до двух десятков особей, затем количество постепенно увеличивается. О прибавлении численности куликов-ягодников в угодьях могут проинформировать охотники, как это не странно прозвучит, их следы. Дело в том, что прибрежная тундра изрезана сетью дорог, на которых стаи куликов оставляют крестообразные отпечатки своих лап, перемещаясь при кормежке. Отлично видно следы птиц потому, что дороги покрыты разной толщины слоями морского песка, а также пыли, наносимых сильным ветром. По этой же причине, старые следы быстро заносятся и остаются только свежие, максимум суточной давности. Наблюдательный охотник может с достаточной точностью определить подлет свежих стай ягодников. Вот тут наступает время охоты на перелетах и подкарауливание стай с куличинными профилями. Такая охота может продолжаться в течение целого дня и быть очень

результативной, но к ней требуется предварительная подготовка, и, прежде всего, нужны качественные профили. Прекрасные профили можно изготовить из толстого (3—4 мм) технического паронита. Он имеет серо-коричневый цвет, практически полностью идентичный с расцветкой кулика, что очень удобно, так как это избавляет от необходимости покраски, достаточно жесток и не гнется при ветре. Единственный недостаток таких профилей, это вес, поскольку паронит — материал довольно тяжелый, что не очень существенно, ведь много профилей здесь не требуется. Стая в 15—20 голов вполне достаточно для приманивания собратьев. Главное условие успеха — правильно рассадить профили на местности. Прежде всего, их хорошо должно быть видно со всех ракурсов, место необходимо подобрать более-менее просторное, где достаточно много ягодных кустов с созревшими плодами. Необходимо учитывать направление и силу ветра, как, впрочем, на всякой охоте, и прочие погодные нюансы вроде осадков, тумана, что не редкость вблизи океанов и морей. Недавно в продаже появились импортные чучела куликов, издалека создающие полную иллюзию живых птиц, однако стоят они очень дорого и большинству охотников не по карману. При всех несомненных достоинствах эти чучела имеют один, но очень серьезный недостаток — изготовлены они из пластика, и случайные дробины при попадании буквально откалывают от них кусочки пластмассы, если температура воздуха близка к нулю, а при «минусе» в лучшем случае чучело просто трескается. Охотясь с профилями, нужно быть готовым к появлению стрелков, принявших вашу высадку за настоящих ягодников, Охотниками их назвать нельзя, чтобы, как говорил В. Астафьев, не испакостить хорошее, древнее русское слово. Как правило, эти умники передвигаются на полноприводных джипах, палат по

птице, не отрывая зада от сидений и от большого ума не в состоянии отличить профили от живых куликов. Так что лучше будет при приближении подобных деятелей заблаговременно как-то обозначить свое присутствие около стаи.

Обязательный атрибут охотника за куликами — качественный манок. Результативность охоты с ним намного выше, независимо от того, как вы охотитесь, с профилями ли, на пролете или с подхода, неважно. К сожалению, в продаже мне не приходилось видеть вообще никаких манков на кулика, ни плохих, ни хороших. Появившиеся недавно электронные имитаторы голосов птиц я в счет не беру — эта новинка для настоящего охотника не представляет интереса, поскольку не требует никакого мастерства, да и противоречит охотничьему законодательству. Я много лет пользуюсь совершенно случайно доставшимся пластмассовым свистком от детской игрушечной флейты, который почти идеально передает свист среднего кроншнепа. С его помощью удается «сбить» с маршрута не только одиночек, но и стайки куликов, подманив их на выстрел. Вообще-то не скажешь, что кулики — птицы слишком умные, иногда они «покупаются» и на обычный свист, лишь отдаленно напоминающий их собственный голос, но все-таки хороший манок, как говорится, здорово расширяет горизонты. Маскировка стрелка не требует особых усилий и ухищрений, никаких специальных укрытий сооружать нет надобности. Достаточно быть одетым в летний камуфляж, а в качестве скрадка подойдет куст кедрача, тальника, а также обычная растительность в виде высокой травы, иван-чая или любые другие заросли, могущие укрыть присевшего охотника. Конечно, если вы просто будете торчать на голом месте, как столб, шансов на удачу будет значительно меньше, но и чрезмерно усердствовать в этом плане не имеет смысла.

Массовый осенний пролет кроншнепов длится недолго, причем, если он попадает на ненастные дни, то напоминает безоглядное бегство, птицы, не обращая внимания на ветер и дождь, тянут по своему маршруту. Охота в это время очень добычлива, особенно, если вы заняли позицию прямо в коридоре пролета. Обычную норму в 10 куликов за день охоты можно выполнить довольно легко и быстро. Кстати, об этой самой суточной норме отстрела, как уже говорилось выше, она ограничена десятью птицами, но кто не попадал в ситуацию, когда норма сделана, а куликов, либо другой дичи, вокруг еще предостаточно. У многих охотников азарт (а вовсе не кровожадность) берет верх, и норма превышает, иногда довольно существенно. Большой ли это грех? Подавляющее количество любителей выезжают в угоды, в лучшем случае, раз в неделю, в выходные дни, и далеко не всегда им сопутствует удача добыть положенное число трофеев. Вместе с тем выпадают дни, когда есть возможность, как говорится, отвести душу, и складывается абсурдная ситуация. Если бы вы охотились каждый день, то, к примеру, за неделю отстреляли бы 70 кроншнепов, и считалось бы, что вы не нанесли ущерба природе, а, допустим, добыв в течение этой же недели, но за один день, 15 куликов, автоматически попадаете в число злостных нарушителей. Подобное положение тем более странно потому, что речь идет о достаточно многочисленном виде пернатой дичи. Видимо, назрела необходимость в пересмотре и изменении таких нормативов.

Но вернемся к сути. Особенно славится пролет кулика на охотоморских тундрах полуострова. Однако точно попасть на него получается крайне редко, мне удалось сделать это пока лишь однажды, но впечатления от этого явления яркие до сих пор. Лет кулика шел вдоль тундровой реки Начилова, во время циклона. Ненастье наступило

внезапно, что для наших мест не редкость. Еще на вечерней зорьке стояла теплая, тихая погода, кулика на окрестных тундрах было немного, в основном одиночные птицы и пары с тройками, а уже ранним утром был настоящий вал ягодников. Не успевшь удуплетиться по одной стае куликов, как на подлете уже следующие, причем даже не реагирующие на близкие выстрелы. Буквально через четверть часа я прикончил патронташ, о чем не жалел лишь потому, что к этому моменту промок насквозь, несмотря на брезентовый плащ-накидку. Машина наша стояла на берегу реки, около пустующего балка, в котором во время лицензионного лова красной рыбы выписывал разрешительные бумаги рыбинспектор. Вернувшись на стан, я достал запасные патроны, но обратно не пошел, а набив железную печку дровами, разжег огонь и принялся сушиться. Непогода все усиливалась, ветер с дождем сатанел, но пролет куликов не прекращался, а напротив, стал интенсивнее. Стоя в дверном проеме балка в одном мокром трико, я расстрелял весь свой боезапас по куликам, проносившимся над кронами берегового ивняка, благо мой дратхар Хант безотказно подавал сбитую птицу, а стаи все шли и шли по направлению к югу. Это был пролет настоящего, тяжелого северного ягодника, из дробовых прострелов у которого сочился, пропитывая перо, прозрачный жир, а не кровь, настолько были упитанными птицы.

Сама стрельба по куликам не сложна, полет их особой быстротой и маневренностью не отличается, да и на подъеме птицы не слишком бойки. Самый подходящий номер дроби — семерка. Крупнее дроби № 5 применять нет никакого смысла, и то уже по позднему осеннему кулику. Семерка, даже на дальнем расстоянии (40—50 метров), уверенно перебивает кости. Какой-то выдающейся крепостью на рану ягодник не выделяется. Несмот-

ря на очевидность вышеизложенного, множество охотников искренне считает, что чем крупнее дробь, тем лучше, и лупит по птице чуть не «нулями», получая то промахи в результате обноса, то, выражаясь языком классика, «обер-офицерскую котлетку». Как-то, перед сезоном, посчитав количество имеющихся патронов недостаточным, я не обнаружил в продаже нужной дроби и пришлось брать «восьмерку». Вид у нее был какой-то мелковатый, «неубоистый», но выхода не было и пришлось брать то, что есть. К моему удивлению, патроны, снаряженные этим номером, показали достаточно хорошие результаты, правда, дальней стрельбой ими я не увлекался, а до 40 метров брал кулика почти без подранков.

Калибр ружья здесь может быть любой, от 12-го до 20-го, причем меньшие предпочтительнее из-за большей экономичности, поскольку птица достаточно крупная и заряд в 24—28 грамм дроби обеспечивает уверенное поражение на нормальной дальности. Патроны пригодны как собственной сборки, так и заводские, для дальних выстрелов лучше с контейнером. Правда, в наше время в покупных патронах наметилась тенденция снижения нормального дробового снаряда, попадают патроны 12 калибра, причем отнюдь не стендовые, с навеской, по всем нормам соответствующей шестнадцатому, а то и двадцатому калибру, свинец жалеют, что ли? Причем цена таких патронов ничем не отличается от нормальных. Много лет я заряжаю для этой охоты патрон с 30 г дроби № 7 с двумя древесноволокнистыми пыжами, уменьшенным на 0,2 г зарядом «Сокола», на который досылаю две прокладки диаметром 19 мм, вырубленные из жесткого двух-

миллиметрового картона. Иногда пыжи заменяю подобранным количеством мягкой туалетной бумаги, которая прекрасно амортизирует дробовой заряд. Выстрел получается резкий, с хорошей кучностью, позволяющей уверенно брать кулика даже на пределе дистанции для дробовика. Более того, эти патроны прекрасно зарекомендовали себя и при стрельбе иногда попадающих на мушку чирков и даже кряковых уток. Патроны типа «магнум» и «мини-магнум» для этой охоты будут явным расточительством. Кроме того, опытными стрельбами доказано, что снаряжение таких патронов мелкой дробью не дает никаких преимуществ по кучности и резкости боя.

Тип оружия также самый разнообразный, и двустволки и полуавтоматы, хотя для ходовой охоты, конечно, удобнее образцы с малой массой. Из модных сейчас инвесторов и насадок, а проще говоря, внутренних, либо накручиваемых на ствол втулок с различными дульными суждениями, наиболее оптимальными будут получоковые. Я, правда, очень сильно сомневаюсь в практической полезности этого «ноу-хау», за которое приходится доплачивать, и немалые деньги, к тому же. Но если в одноствольном оружии оно еще хоть как-то оправдано, то уже в двустволках выглядит явно лишним «наворотом», поскольку два ствола для того и делались, чтоб иметь возможность добыть дичь и накоротке и на пределе дистанции при посредстве разной сверловки. Да и способов снаряжения дробовых патронов и с укучнителями, и с дисперсантами сколько душе угодно. Бой ружей с инвекторами, как показали испытательные отстрелы, несколько уступает по резкости цельным стволам, поэтому операции с вкручиванием-выкручивани-

ем превращаются в бестолковую возню. Впрочем, реклама, внешне убедительный вид и чудовищная длина некоторых образцов этих «новинок» делают свое дело, помогая найти покупателей среди определенной части охотников, в просторечии именуемых «прынками».

В августе, на тундрах, да и в лесу еще полно всякой летучей кровососущей братии, особенно ранним утром и по вечерам. Иногда от них спасает хороший морской ветерок, но лучше иметь при себе какую-нибудь «химию», благо, ее сейчас достаточно в продаже. С недавних пор я доверяю только отечественному товару, импортные грешат высокой стоимостью, да и расчитаны, видимо, на «фригидных» иностранных комарих, так как местные кровопийцы, похоже, только интенсивнее летят на запахи заграничной химии.

На случай неожиданного дождя или тумана нужно брать с собой легкую непромокаемую накидку, не будет мехой и свитерок, поскольку во время вышеназванных погодных явлений температура падает очень чувствительно, несмотря на летний сезон. Что касается обуви, то здесь наиболее приемлемым вариантом будут высокие, прочные ботинки типа «берцы». Кроссовки, конечно, более легки и удобны, но в них набивается мелкий лист и веточки с ягодников и, что самое неприятное, их прокалывают острые колочки с кустов шиповника.

В заключение хочу заметить, что охота на кулика-ягодника очень азартна, несмотря на кажущуюся непрестыжность и простоту. Удовольствие от нее будет еще более полным, если отдать должное тут же приготовленной, знаменитой камчатской шурпе из ягодника. И, как говорится, ни пуха, ни пера, и приятного аппетита!

Коварство красоты

М. КАЛИНИН. Фото автора

У южной стены моего деревенского дома растут роза и клематис. Они очень красивы, и каждый по своему. Огромные цветы клематиса и нежно-розовые (цвета незамутненной радости, как говаривал Виталий Бианки) цветы розы. Кто бы ни проходил мимо, обязательно обратит на них внимание. Роза царственно хороша. Ее длинные плети усыпаны цветами и бутонами. Когда цветок начинает терять свои благоухающие лепестки, на смену ему распускается другой — и так все лето. Роза, как и подобает царице, имеет свою свиту. Целый день около нее выются изящные махаоны и чопорные адмиралы, а когда на землю опустится вечерний сумрак, начинают баловать танцы ночных бражников.

Клематис давно и безнадежно влюблен в розу. Каждый год, когда его лианы-руки тянутся к ней, они встречают лишь натянутую прово-

локу и по ней устремляются вверх, так и не прикоснувшись к царице цветов. Однако клематис настойчив и упрям, недаром его русское название — ломонос. Терпеливо ждал он своего часа и дождался. В это лето не успели натянуть проволоку, и цепкие лианы клематиса наконец обвили розу. Буйство их любви породило такой костер фиолетово-розовых цветов, что даже бабочки, поймавшие много на цветущих лугах, изумленно трепетали крыльшками, не решаясь прикоснуться к влюбленным. А те все теснее сплетались друг с другом, наслаждаясь теплом, солнцем и любовью.

Но вот с Большого озера подул ветер. Под его напором закачались розовые плети. А ведь известно, что у розы есть не только цветы, но и острые шипы. Они безжалостно изранили стебли клематиса и... поникли фиолетовые звезды. Так, первая же буря разрушила союз двух прекрасных цветов. А мне подумалось: не так ли и у людей?

Клематис

Соболья напасть

В. ФИЛЬ, биолог-охотовед

Необычность в поведении соболей на охотке заметили задолго до начала охотничьего сезона. К наступанию холодов уровень воды в реках держался достаточно высоким. Где прежде частенько приходилось перетаскивать лодки по перекатам, или вместо мотора применять шест, сейчас проходили нормально, не цепляясь винтом за дно. В это время, особенно, если шли на лодке рано утром или ближе к вечеру, неоднократно на брёвнах многочисленных заломов видели соболей. Иногда, при приближении лодки, зверьки бросались в воду и переплывали реку. По всем медвежьим тропам вдоль реки частенько встречался помёт соболя. Это радовало.

Всё предсказывало обильный «урожай» зверя к предстоящему сезону. Подошла последняя декада октября. Установились ночные морозы, по реке пошла шуга. Если в тёплое время река не представляет серьёзного препятствия на пути соболя, то в холодную воду, да ещё с плывущими по ней хлопьями шуги соболь идёт крайне неохотно. Зверьки начали скапливаться вдоль рек, как бы в ожидании «мостов», когда замёрзнут отдельные плёсы.

Недалеко от базовой избушки, на реке образовались своеобразные мосты в виде упавших и перекинувшихся с берега на берег подмытых водой топей или козений. С одной стороны «мост» держался за берег оставшимися корнями, с другой — упёршимися в грунт верхними, обломанными ветвями. В двух местах, пытаясь сохранить такую переправу и для себя, привязали макушки упавших деревьев тросом. Мост оставался по крайней мере до весны. Выпал первый снежок. Следы показали, что зверьки держатся вдоль северного берега реки и через мостики каждую ночь на ту сторону речки переходит по 2—3 соболя. Сразу же отпала необходимость поднимать все ловушки на стационарных путях. Оказалось достаточным «высыпать» больше капканы вдоль берега реки. Результаты не заставили себя ждать.

К концу ноября «лимит» на добычу шестидесяти соболей был освоен. Среди пойманных зверьков преимущественно были молодые — сеголетки и более взрослые самцы. По цвету волосяного покрова представилось, что звери были «не нашими». Они откуда-то пришли. В это же время и определился характер миграции. Если ранее следы показывали общее передвижение животных с севера на юг, то теперь зверьки перемещались потоками вдоль берега реки вверх, к горам. Позднее — в обратном направлении по противоположному берегу.

Пришельцы вели себя необычно.

Они преследовали друг друга. Иногда по следу одного за ночь проходило 3—4 других. Зверьки шли в режиме «гонок». Там, где один соболь догонял другого, между ними завязывались драки. На месте оставались вытопанные площадки, порой до десятка квадратных метров. Здесь же отмечались клочья «шерсти» и даже капли крови. Правда, ни разу не пришлось найти зверька убитого другим. В то же время, трижды, попавшихся в капканы соболей разрывали другие. Жертвами оказывались более мелкие самки. Да, «джельтменами» этих самцов соболей назвать было нельзя.

Заметили и другое явление. Пришельцы тщательно разыскивали местных, «аборигенов» этих угодий, преследовали их. Шёл типичный процесс «аннексии» территорий «противника». Перед этим мы несколько лет применяли такую технологию добычи соболя, чтобы отлавливать преимущественно взрослых самцов и молодняк. Это возможно. Логика таких действий проста. Из популяции изымаются наименее продуктивные особи. Молодняк у соболя до двухлетнего возраста не размножается, к тому же в этой возрастной группе отмечается наибольшая смертность. Её в какой-то мере можно заменить промысловым изъятием. Следовательно, чем больше в популяции взрослых самок, понятно до определённого уровня, тем лучше результаты воспроизводства. Для сравнения и обобщения результатов нашей работы, другая половина участка, где охотился напарник, осваивалась в традиционном плане и служила контролем. Излишнего отлова самцов мы не остерегались, считая соболя вполне способным быть полигамом.

Необычно интенсивная миграция, где среди пришельцев были в основном самцы, разрушила многие наши построения в структуре местной части популяции. Здешние самки изгонялись со своих мест пришельцами. Они мигрировали за пределы участка, а там другой охотник, полностью лишённый тех «предрассудков», что называются законопослушностью или хотя бы боязнью ответственности за нарушения норм добычи соболя, спокойно вылавливал их. Известно, что мигрантов значительно проще добывать. Они в процессе перемещений проявляют очень высокую поисковую активность и становятся жертвами своего любопытства, да, наверно, и дефицита пищи, которую в новых местах отыскивать труднее.

По рации удалось связаться с руководством «Камчатпромохоты», объяснить ситуацию с соболем и запросить разрешение на дополнительный лимит добычи. Ответ затянулся на неопре-

делённо длительное время. Ждали возможности работать дальше, а тем временем соболи «потоком» шли вверх, к горам.

Мы ежедневно ходили по маршруту к тундре вдоль ключа, на котором стояла избушка. Характер миграции соболя уже стабилизировался. На маршруте к большой оленьей тундре, в полукилометре от избушки, была небольшая локальная кочкарная поляна. При ширине в 50—60 метров она протянулась ровно на четыреста шагов, значит, метров за 300. Пересекая ключ, соболи как бы стекались к этой поляне. Они искали ягоды голубики, мышковали. Выкапывали орехи кедрового стланика. Их здесь с осени, под кочками, напрятали кедровки. На маршруте ежедневно отмечали (зачёркивали) все следы. Редкие пороши также позволяли отметить, сколько зверьков прошли через тундрочку в прошлую ночь. Интенсивность миграции нарастала. Если сначала через тундру проходило 5—7 зверьков, то к середине почти месячной переколёвки за ночь перебегало 15—20. Позднее, интенсивность потока стала затухать, а в среднем, в одном направлении, тундру за ночь пересекало 12 соболей. Таким образом, только в этом потоке, вдоль реки Рассошины, прошло, как минимум, три сотни зверьков.

Через десяток дней в управлении «Снизосшли» и добавили лимит на дополнительный отлов 10 соболей. Выставили капканы только вдоль тропы, всего успели поставить 12 ловушек. Через два дня капканы пришлось закрыть, «план» оказался «перевыполнен» на целых два зверька. По закону в буквальном смысле, конечно, браконьерство. Вновь бродим по тропе, пересекаем тундру, считаем количество прошедших соболей. Иногда тропим следы. Ежесуточный ход соболя, по прямой, в среднем, оказался не так уж и велик. Зверьки перемещались за ночь всего на 2—3 километра. Конечно, каждый в отдельности «набегивал» за это время в три раза больше. На первый же взгляд казалось, что при таком энергичном ходе они должны пробегать за ночь десятки километров. Этого не случилось. Вероятно, и у соболей есть «нормы» среднесуточного пробега. Впрочем, это «постоянство» в перемещениях животных применяется при учётах численности и расчётах плотности их населения в угодьях.

Нам уже надоело доказывать руководству, что при таких миграциях, а тем более практически одних самцов, их надо интенсивно отлавливать. Ответ, как обычно, был один — вопрос решается в Москве. В конечном счёте Анатолий Коваленко «не выдержал» такой затяжки с решением вопроса, и,

будучи директором госпромхоза «Елизовский», не знаю, насколько это было правомерно, но разрешил добыть ещё один «лимит». Случилось это уже к концу декабря. Миграционный поток зверьков недалеко от избушки закончился. Река стояла, проезд был нормальным. Поехали на противоположную сторону реки, надеясь найти поток миграции в обратном направлении.

Так и получилось, в пяти—шести километрах выше избушки удалось подняться на противоположный берег и захватить «хвост» миграционного потока соболя. Проходило за ночь вдоль Рассошины по 5—7 зверьков. Однако ширина перехода была довольно большая, почти до одного километра. Плотно перехватить мигрирующих зверьков было сложно. По крайней мере надо было выставлять «поперёк хода» двадцать—тридцать ловушек. В самые короткие дни это было почти невозможно. В первый день удалось выставить всего десяток капканов. На следующий день добыча составила всего три соболя. Конечно, показалось мало. Однако заметили, что соболи охотно бегут по следу «Бурана», если он совпадает с направлением их хода. Каким-то образом сумели сориентироваться и снегоходом накрутили «восьмёрку». На месте пересечения следов, в центре восьмёрки, установили по четыре — пять ловушек. Недалеко друг от друга, чтобы попавшийся

зверёк служил акустической приманкой для других. Таким образом, в работе их было больше двух десятков. На другой день из девяти прошедших зверьков ушли от капканов только два. Ниже по течению реки, куда направлялись мигрирующие соболи, нашли ещё одно «узкое место». Там они проходили по лесной гриве шириной всего в 200 метров. Снова организовали «помощь» в виде снеговой дорожки, сходящей пологим клином в середине гривы. Соболи пошли по ней, а способ постановки капканов группами позволил отлавливать почти всех прошедших зверьков. Из десятка мигрантов мимо ловушек проскакивали всего один — два. Через неделю план выполнен, и иссяк поток мигрантов; из пойманных соболей самками оказались только четыре.

Позднее, когда выбрались в город Ключи, местные охотники определили, что это шкурки не «еловских» соболей, они «маимлинские». Вероятно, в бассейне реки Маимли что-то «проморгали» местные «хозяйева» угодий, не заметили вспышки численности соболя. Резко увеличилось их количество и зверьки, естественным образом предупреждая перенаселённость угодий, двинулись в путь осваивать новые территории. Возможно, что и по каким-либо иным причинам. Мало ли какие испытания проводились на территории полигона, расположенного там. Соболи просто могли пытаться поки-

нуть оказавшуюся опасной для них территорию.

Рассказал эту историю не только с целью сориентировать охотников насколько важно вовремя оценить обстановку и применить подходящие к случаю схемы добычи зверьков. Более всего поразила система регулирования пушного промысла. В ситуации, когда была допустима и даже целесообразна добыча дополнительных 300 соболей только на нашем участке, бюрократическая машина была вынуждена раскручиваться до уровня Москвы, в конце концов, так и не решив проблемы. Позднее сосед очень популярно объяснил, как можно было решить «проблему» отлова излишка. «Что у тебя молочных фляг нет. Лови, обрабатывай шкурки, консервируй, как положено. Храни до следующего сезона, а там можешь сдать норму в госпромхоз, а лучше на базар. На рынке и платят больше и спрос не ограничен лимитами». Правда, рынок в те времена не был свободным, а имел своё наименование — «Чёрный». Не хотелось попадать через такой рынок в тот реестр, что именовался «Чёрным списком», да и страшновато было. Действительно, что бы проще? Отловил бы весь поток мигрирующего соболя, по крайней мере на своей половине участка, а после можно заниматься чем-то другим, да и изгнанных самок не пришлось бы вновь «накапливать» года три. Так и говорят: «Век живи — век учишься, а всё равно...»

Фото В. Токарева

Хищническое поведение бурого медведя в горах юга Сибири

В. КОЖЕЧКИН, кандидат биологических наук
М. СМИРНОВ, доктор биологических наук, профессор

Бурый медведь — один из наиболее ярко выраженных эврифагов. Отсутствие трофической специализации сочетается у него с высокоразвитой рассудочной деятельностью (Крушинский и др., 1981), что делает весьма интересным изучение его этологии, и, в частности, пищевого поведения.

Приемы пищедобывательной деятельности медведя отличаются высокой степенью адаптированности. В разных участках обширного ареала бурого медведя акценты специализации смещаются как в сторону растительной, так и плотоядности. Они могут меняться посезонно, по годам, в зависимости от пола и возраста, а также индивидуальных склонностей зверя.

Полного развития медведи, по данным В.Г. Гептнера (1967), достигают примерно к 10 годам. Взрослея, звери потенциально становятся более склонны к хищничеству. Достаточно высокая степень психического развития медведей дополняется хорошо развитыми органами чувств, огромной физической силой, способностью бесшумно подкрадываться к намеченной добыче, при необходимости быстро бегать, хорошо прыгать и неутомимо плавать. Все это ставит их в исключительное положение среди крупных млекопитающих лесных биоценозов.

Систематический перечень трофических связей бурого медведя в горах юга Сибири достаточно велик (Смирнов, Зырянов, 1988). Только добытые животных кормов включает восемь разделов. Из них — охота на средних и крупных млекопитающих, в т.ч. копытных, наиболее трудна. В этой охоте медведи применяют весьма эффективные приемы, направленные на сближение с потенциальной добычей (Смирнов, 2002). Основные из них: регулярный, намеренный обход мест отела копытных с целью поиска новорожденного молодняка; преследование животного на расчете на его изнурение, изменение, в том числе по нату; преследование неокрепшего молодняка, ослабленных взрослых (беременных, больных, подранков), преследование с целью поставить в невыгодное положение (загнать в густую чащу леса, топкое, илистое место, в воду и др.); скрадывание пасущихся животных с задачей внезапного нападения накоротке; подкарауливание зверей в местах их концентрации, в том числе у солонцов, троп с использованием укрытий (валежин, кустов и проч.). Медведю свойственна также защита, прятанье добытой жертвы от других потенциальных потребителей.

Медведь — смертельно опасный хищник

Фото И. Шпиленка

Бурые медведи применяют ряд приемов умерщвления крупных млекопитающих (Смирнов, Зырянов, 1988; Смирнов, 2002): а) мощный удар передней лапой по голове, часто сопровождающийся повреждением костей черепа; б) удар передней лапой по спине жертвы, вызывающий переломы позвоночника; в) прыжок на спину жертвы и перекусывание крупных кровеносных сосудов шеи; г) хватка зубами или когтями передних лап за туловище зверя, за бок, бедра, живот (пах) и повреждение внутренностей жертвы.

Несмотря на неплохую, в целом, работанность общей картины хищнического поведения бурого медведя в ареале, детальных описаний случаев нападений его на диких копытных в научной литературе достаточно мало.

Данная работа имеет своей целью проанализировать многостороннюю информацию о хищнической деятельности этого зверя в конкретном экорегионе. Здесь, в горах юга Сибири, обитает семь видов парнокопытных (марал, косуля, лось, северный олень, сибирский горный козел, кабарга, кабан). На конкретных примерах рассмотрим, какие из хищнических приемов наиболее характерны для южносибирского подвида бурого медведя, обитающего в горах юга Сибири, в применении к отдельным видам диких копытных этого региона. За период с 1954 по 2012 гг. проводили опрос охотоведов, зоологов, опытных охотников (всего 60 человек), анализировали собственные наблюдения, а также

литературные источники. Мы обобщили данные о 25 (35,2 %) случаях охоты медведя на марала (изюбря), 20 (27,0 %) на лося, 10 (13,5 %) на козуля, 8 (10,8 %) на кабанов, 6 (8,1 %) на северных оленей и 4 (5,4 %) на сибирских горных козлов. В результате был выявлен следующий репертуар хищнического поведения медведя на изучаемой территории.

Поиск новорожденных животных

Марал. Беспомятные и слабые новорожденные детеныши являются легкой добычей хищников. В период отела маралов медведь активно разыскивает и поедает молодых телят, но найти их остатки в траве удается редко по той причине, что звери съедают их обычно полностью. Известен случай, когда на побережье оз. Байкал в районе мыса Б. Солонцовый в июне 1991 г. в экскрементах медведя был обнаружен роговой чехол новорожденного изюбря (сообщение зоолога В.Н. Степаненко). По наблюдениям охотоведа А.П. Суворова, в июне 1981 г. в бассейне р. Котель (Восточные Саяны) вспугнули медведя, пожиравшего только что задавленного им теленка марала (Суворов, 1991).

В начале лета, 03.06.1979 г., в зарослях черемухи по пойме р. Мерген (правый приток р. Каа-Хем) вспугнули самку марала, которая отбежала и остановилась недалеко. Там, где она находилась, на площади 30x7 м, по словам охотоведа А.Г. Данковцева, «вся трава была укатана». Можно было зак-

лючить, что оленуха довольно долго защищала своего теленка от нападавшего, судя по следам, небольшого медведя, но упорство хищника увенчалось успехом. По обнаруженным остаткам (ключья шкуры) заключили, что олененок родился недавно (два—три дня) и не мог убежать (Смирнов, 2006).

А.К. Федосенко (1989) в 1985—1988 гг. на горных склонах в бассейне р. Б. Уры (Саяно-Шушенский заповедник) изучал экологию бурого медведя. Исследователь наблюдал, как этот хищник, в период отела маралух, упорно искал затаившихся новорожденных телят, прочесывая полосы и островки леса на горных склонах. 12.06.1986 г. один из наблюдаемых медведей, спустя всего час, отыскал и съел мараленка, только что накормленного и спрятанного оленухой.

Лось. Результаты охоты медведя на новорожденных лосят известны по рассказам ученых из Баргузинского заповедника. В мае 2003 г. остатки одного из них были найдены А.А. Аналиным у тропы вдоль р. Большой в 18 км от Байкала. Другой лосенок был добыт медведем в устье р. Сосновки в мае 2005 г. (сообщение Е.А. Дарижапова).

Сибирская косуля. По наблюдениям в Байкало-Ленском заповеднике, медведи часто проверяют места отела косули и выкармливания молодняка. Следы их жизнедеятельности встречаются здесь повсюду. Так, в районе мыса Рытый, в июне 2004 г., там, где произрастал сомкнутый сосняк-жердняк, с густыми зарослями рододендрона даурского, крупный медведь обнаружил и съел молодого теленка косули (данные зоолога М.Д. Ипполитова). На сопредельном с территорией заповедника «Столбы» участке, в начале июля 2004 г., в излучине р. Мана, на надпойменной террасе в смешанном лесу, в экскрементах медведя также обнаружена свежая шерсть косуленка.

Сибирский горный козел. По данным зоолога С.В. Истомова, в Саяно-Шушенском заповеднике, в местах обитания козерога (урочища Хемтерек, Малые Уры, Узунсук, Кургол и др.), в период отела (конец мая — начало июня) на скалистых склонах и в распадках встречаются чаще средневозрастные медведи и самки с молодым, занятые поиском новорожденных козлят.

Кабарга. В горно-таежном поясе, в биотопах кабарги, в период ее отела и выращивания молодняка, медведи не пренебрегают поиском новорожденных. Это один из приемов охоты медведя на мелких оленей, при котором спастись новорожденному теленку достаточно сложно. Случаи, когда на «пикуюлку», имитирующую писк кабаржонка, прибегали взрослые медведи, отмечались неоднократно.

Кабан. Обнаружив опоросившуюся свинью, медведь, крадучись, подходит к гайну, и убивает сразу нескольких молодых поросят. Так, по сви-

детельству охотника-промысловика П.Г. Сасина из с. Сизим, в верховьях р. Каа-Хем летом 1982 г. он обнаружил логовище в укромном месте, где крупный медведь таким способом уничтожил помет из семи особей.

Северный олень. По наблюдениям в Западном Саяне (природный парк Ергаки) в верховьях р. Анягуш, в типичных оленьих местах, где проходит отел, в пойменной луговине 17 июня 2007 г. эколог М.Г. Бондарь обнаружил свежий фрагмент задней ноги с копытцем новорожденного олененка, которого съел медведь. Других крупных хищников в этих местах не отмечали.

Преследование

Марал. Медведь редко преследует марала, более выносливого бегуна, поскольку это требует от него больших энергетических затрат. Тем не менее зарегистрировано несколько охот этих хищников на маралов путем упорного преследования. В августе 1980 г., в районе Медвежьего озера (Центральный Саян) днем на открытом травянистом склоне видели марала-быка с большими рогами, за которым гнался крупный медведь. Не сбавляя скорости, звери скрылись в лесу. Второй случай отмечен в августе 1986 г. по р. Бедей (правый приток Абакана). В первой половине дня неожиданно на звериную тропу выбежал марал (бык). Отставая метров на 10, его преследовал медведь, он тяжело дышал, но бежал быстро (данные А.А. Баранова).

На склоне руч. Веселого (заповедник «Столбы») 3 мая 1992 г. встречен след медведя, преследовавшего марала. Несмотря на то, что хищнику удалось загнать его в глубокий снег на северном склоне, охота оказалась неудачной. Через 70 м погоня была прекращена.

Затаившийся мараленок (в период отела медведи ищут новорожденных)

Фото Т. Красикова

В июле 2002 г., в Западном Саяне, научный сотрудник С.В. Истомов наблюдал вблизи озера Экспедиционное на территории Саяно-Шушенского заповедника, как в утренние часы крупный медведь скрадывал молодую маралуху, спокойно пасущуюся на открытом месте. Она подпустила его на 80 м, после чего бросилась бежать. Убегая, оленуха стала кружить по поляне, оставляя преследователя далеко позади. При этом медведь несколько раз пытался «обрезать», перехватить оленя, но все его усилия остались безрезультатными. Охота продолжалась около 40 мин., затем звери скрылись в лесу.

В мае 2011 г. на восточном берегу Байкала в 0,5 км от берега медведь преследовал изюбря, затем загнал зверя на россыпь каменных глыб, где у изюбря застыла нога. Это и послужило причиной гибели оленя (данные зоолога Е.А. Дарижапова).

Лось. Взрослый лось является наиболее трудной и опасной добычей для бурого медведя. В весеннее время, после выхода из берлоги, голодные звери в поисках добычи иногда нападают на лосей по окрепшему насту, но такие случаи достаточно редки. Так, в начале апреля 2005 г. по руч. Большой Кершул (Восточный Саян), медведь пересек на гари кормовой след лося и начал его скрадывать. Следы погони прослежены на протяжении 2 км, при этом лось проваливался в глубокий слежавшийся снег до 70 см, и не мог быстро бежать, а медведь пытался ступать в следы лося, что позволяло ему экономить силы. Чем закончилась охота до конца не установлено (данные охотника А. Юрьева).

Кабан. При нападении медведя на семейную группу самок с молодым они моментально разбегаются в разные стороны и затаиваются в укрытия. Крупные, сильные самцы-секачи порой ожесточенно обороняются. В таких случаях медведю бывает трудно справиться с кабаном. Осенью 1982 г. на р. Ужеп (левый приток р. Каа-Хема) был добыт медведь, лежавший на заваленном лесным хламом кабане-секаче. У сильно израненного медведя были глубокие раны-борозды от клыков на шее, видимо, секач под натиском хищника упорно сопротивлялся (Смирнов, 2001). Во время таких драк кабан может нанести медведю смертельные удары, от которых тот гибнет. В ноябре 1982 г. в Каа-Хемском районе Тывы обнаружен медведь, убитый кабаном-секачом (Смирнов, Шургин, 1991). Охоту медведя на двух кабанов наблюдал 18 ноября 1985 г. промысловик Каа-Хемского КЗП Руквицин У.И. Этой же осенью, в местности Мерген на р. Каа-Хем, охотники также видели медведя, преследовавшего одиночного кабана. Интересно, что осеннее снижение численности кабанов в восточных районах Тывы, неурожайных по кедровым семенам и лесным ягодам 1982 и 1985 гг., охо-

товеды промысловых хозяйств и охотники-производители объясняли главным образом усилившейся в эти периоды хищнической деятельностью медведя (Смирнов, Шурыгин, 1991).

Северный олень (сокжой). По Алтаю, Саянам, Хамар-Дабану и Байкальскому хребту сведений о нападениях бурого медведя на северного оленя в высокогорной зоне мало, поскольку из-за ограниченной области распространения и низкой численности оленей такие наблюдения затруднены. При случае медведи пытаются выслеживать и этих копытных. Так, в Байкало-Ленском заповеднике в гольцово-и-подгольцовой зоне, где обитает небольшая популяция дикого северного оленя, ежегодно отмечаются в летний период заходы медведей. В июне 2007 г. и в июне 2010 г. зоолог М.Д. Ипполитов отмечал преследование хищником взрослых северных оленей в ягельной тундре. Причем 28 июня 2010 г. днем он наблюдал организованную охоту двух медведей на четырех сокжоев, отдыхавших на снежнике. При этом более крупный медведь занял верхнюю позицию и обходил снежник (200 x 150 м) выше по склону, а более мелкий выбежал на оленей и попытался сделать нагон, но охота оказалась безуспешной.

Скрадывание

Марал. Днем 06 мая 2009 г. на открытом склоне в долине руч. Б. Слизневая, на территории заповедника «Столбы», старший госинспектор А.В. Литау наблюдал за охотой медведицы, у которой было два медвежонка, на самку марала с двумя телятами. В процессе сближения медведица ползла, можно сказать, «стелилась», используя камни, как прикрытие. Когда хищник приблизился на расстояние около 100 м, маралу подняла голову, насторожилась и через две—три секунды сделала стремительный бросок вдоль гривы, за ней бросилась медведица. Звери скрылись по другую сторону хребта.

Опираясь на материалы фотофиксации медведей в заповеднике «Столбы» в теплое время года, установили, что крупные самцы регулярно выходят на солонцы, которыми пользуются копытные. Учитывая перемещения слоев воздуха, хищники обычно заходят на солонец с верхней части склона, чаще после прошедшего дождя, так как влажный воздух способствует более обостренному восприятию запахов.

Лось. Кормящиеся на озерах лоси, по-видимому, доступнее как объекты охоты для крупных медведей. В конце июня—июле в долине р. Лена (Байкало-Ленский заповедник) пойменные озера различной величины — место традиционной концентрации лосей. Звери выходят на кормежку, как правило, зазвело и перемещаются по мелководью всю ночь вброд, а на глубоких участках плавают. В двух случаях останки двух лосей, добытых медведями в июле 1997 г., найдены на

мелководье в урочищах «Курулинский лом» и «Бокурские озера». При этом следы волока туши остались на берегу, а добыча была закопана в лесу в 40—50 м от уреза воды. В первом случае погиб взрослый самец, во втором — молодой бык в возрасте 2—3 лет. Ночью, с 19 на 20 августа, на озере Негнедай наблюдали неудачную охоту медведя на лосей. Около 0 час. 40 мин., когда на мелководье находилось не менее 7 лосей, мирный плеск кормившихся животных неожиданно сменился громким шумом бросившихся в воду тел, и последовавшие за этим звуки разбегающихся по мелководью и быстро плывущих по глубине лосей, сменились тишиной. Утром по следам было установлено, что крупный медведь крадучись подполз к берегу, прыгнул в воду и пытался атаковать близко кормившегося лося. Эта охота закончилась неудачей, и примерно через 30 м погони хищник вышел из воды. После нападения медведя все лоси сразу покинули озеро, даже те, которые находились на расстоянии 250—300 м от хищника. Видимо, лось в соседстве с медведем чувствует себя в воде менее уверенно, чем на берегу.

На восточном побережье оз. Байкал на территории Баргузинского заповедника, по наблюдениям зоолога А.А. Ананина, отмечено несколько случаев успешной охоты медведя на лося вблизи высокогорных озер. Так, в апреле и мае 2003 г. у термального источника в 10 км от Байкала обнаружены остатки двух взрослых лосей, убитых медведем. Они находились в 20—25 м друг от друга. Еще одного лося медведь убил в августе 1999 г. у моренного озера вблизи верхней границы леса.

По материалам Г.Д. Дулькейта (1953), в районе Алтайского заповедника летом обнаружили двух самок лосей, убитых бурым медведем.

В Саянах нам известен всего один достоверный случай нападения медведя на лося. Это произошло в мае в урочище Чулаксы (Саяно-Шушенский заповедник), где зверь убил взрослого самца лося (сообщение зоолога Б.П. Заваяцкого).

Не всегда крупный медведь, напавший на лося, одерживает успех. А.Н. Зырянов (1991) упоминает о случае, зарегистрированном в октябре 1984 г. на р. Верхний Китат — правый приток р. Казыр (Восточный Саян), когда лось, после изматывающей борьбы, острыми копытами передних ног убил напавшего на него хищника. У медведя была сломана передняя конечность и раздроблена грудная клетка.

Северный олень. В мае 1996 г. на западном склоне Баргузинского хребта в 35 км от Байкала, на берегу горного ручья, вблизи верхней границы леса в кедрово-пихтовых насаждениях с зарослями кустарниковых берез и ив, медведь выследил и добыл взрослого северного оленя. В октябре этого же года в 14 км от Байкала в зарослях кедрового стланика другой медведь

также убил северного оленя у тропы (данные А.А. Ананина).

Косуля. По свидетельству лесника В.Расщупкина, в урочище Узунсух, в предгорьях Западного Саяна (Саяно-Шушенский заповедник), в июне он наблюдал, как медведь скрадывал двух косуль, пасущихся на косогоре. После того, как они побежали, медведь бросился за ними. Звери скрылись в лесу.

Кабан. В голодные годы крупные медведи могут выслеживать таких сильных копытных, как дикий кабан. В мае в урочище Малые Уры (Саяно-Шушенский заповедник) медведь убил взрослую самку кабана. Подобные случаи отмечаются и в других горных регионах. Так, в условиях Тывы 15 сентября 1988 г. в бассейне р. Хут в лиственнично-кедровой тайге на перевале «Болдурган» крупный медведь выследил и добыл секача массой около 90 кг. На туше кабана в области шеи обнаружена большая рваная рана, нанесенная ударом лапы хищника. Кроме того, у кабана был вспорот живот и выедены внутренности. Потом тушу медведь вытащил на лесную дорогу, где завалил землей и камнями (Кожечкин, 1991; Смирнов, 2001). Нижние клыки кабана достигали 7 см по внешней кривизне.

Подкарауливание

Марал. В весенне-летний период нападение медведя из засады во время перехода копытных по тропам или к солонцу — обычная тактика хищника. Голод заставляет их нападать на копытных. При этом частота охот во многом коррелирует с неурожаем основных кормов предшествующей осени, когда звери должны были лечь в берлоги с весьма ограниченными жировыми запасами. Такие хищники после выхода из берлоги лежат в засаде, избирая тактику терпеливого выжидания, что позволяет сохранить силы для нападения. По наблюдениям на территории заповедника «Столбы» и его охранной зоны в мае 1993 г., отмечено три случая, когда медведи добывали маралов-пантатчей, нападая на них из засады. Так, по руч. Маслянка (правый приток р. Мана) медведь с шириной лапы в 14 см лег у тропы за плотную стенку пихтача, откуда он атаковал проходившего по тропе марала-быка. Следы, свидетельствующие о борьбе хищника с жертвой, прослежены по сломанным сучкам и зависшим ключьям шерсти оленя на расстоянии около 40 м. Впоследствии хищник кормился здесь в течение нескольких дней. Останки марала обнаружены в двух местах, прикрытые дерном и хворостом. Площадь снятого дерна у каждой кучи составляла 7—8 м². На месте побойки обнаружена черепная коробка марала со сломанными и обьединенными пантами, ребра, позвонки, ключья шкуры и содержимое желудка. Другой случай отмечен по руч. Веселому, левому притоку р. Базаихи. Здесь крупный медведь с

шириной лапы в 15 см также скараулил пантача из засады в молодом подросте пихты у тропы. У жертвы был перебит позвоночник, а вдоль спины вырваны ребра. Тушу с объединенными пантами нашли не съеденной, но хорошо укрытой мхом. Еще один бык, задавленный медведем в мае 1993 г. у тропы, обнаружен по руч. Сосновка (правый приток Маны). Здесь хищник подкараулил пантача в зарослях черемушника.

По наблюдениям научного сотрудника Н. Шабуровой, на западном побережье Байкала у Мыса Покойники (территория Байкало-Ленского заповедника) в апреле 2008 г. южные склоны освободились от снега рано, но насекомых и всходов трав на марянах ещё не было. В это голодное время хищники были активно заняты поиском корма – падали или жертв других хищников. Утром, осматривая открытые травянистые склоны, сотрудники заповедника обратили внимание на то, что два медвежонка смотрели в сторону воронов, которые периодически подлетали к одному и тому же месту, громко кричали и снова отлетали. Как показал осмотр, ночью медведица добыла изюбря у тропы во время перехода на другую маряну. Этот

участок ложбины зарос сосновым лесом и кустарником, среди которых звери проложили свои тропы. На Байкале, в период влажного лета, изюбри регулярно выходят на кормежку на маряны, переходя с одного склона на другой, такие переходы копытных постоянны, что и позволяет медведю их подкарауливать. По наблюдениям 25 мая 1994 г., в Байкало-Ленском заповеднике (Байкальский хребет) медведь поймал изюбря-пантача на переходе через р. Анай. Следы свидетельствовали, что в реку изюбрь зашел спокойным шагом, здесь и произошло нападение медведя. Ко времени обнаружения останков изюбря людьми, хищник съел у жертвы панты и немного мягких тканей, а затем труп оттащил на 10–12 м от берега и укрыл лесной подстилкой.

Медведь может подолгу лежать в засаде, поджидая удобный момент для нападения. В июле 1970 г. одного взрослого медведя спугнул от солонца охотвед А.Г. Данковцев на р. Мерген. В июне 1981 г. опытный охотник Б.Т. Кукарин видел рослого медведя на солонце близ р. Бусийн-Гол (Тува).

В начале июня 1965 г. по р. Большой Голоустной (западное побережье Байкала, Иркутская обл.) крупный

медведь добыл изюбриху в ернике у тропы в 250–300 м от солонца. Верхняя часть позвоночника у неё была перебита. Второй удар пришелся по правому боку, где был вырван кусок лопатки. От места нападения отмечен волок около 10–15 м, видимо, медведь тащил тушу в зубах, а затем завалил её мхом. При осмотре в вымени изюбрихи было молоко.

Неудачная охота медведя на солонце наблюдалась 18 июня 1994 г. в верховьях р. Нуган (Байкало-Ленский заповедник). В эту ночь изюбри постоянно находились на солонце с вечерней зари, сменяя друг друга. В 1 час 20 мин. наблюдали за четырьмя самками изюбря, которые производили много шума, разгребая копытами гравий и переходя по камням с места на место. Неожиданно одна из самок издала сигнал тревоги — рявкнула, после чего наступила тишина и все олени замерли. Через 6–7 сек. самка снова дважды подала голос, и звери бросились бежать. Хотя к солонцу протоптаны мощные звериные тропы, изюбрихи убежали напролом, ломая на своем пути сухие ветви деревьев. При этом одна из самок пробежала в 5–6 м от наблюдателя, расположившегося в 100 м от солонца. В бинокль удалось увидеть

В местах обитания копытных медведи регулярно выходят на солонцы (на переднем плане солонец)

Фото А. Кнорре. Фотография сделана с помощью фотоловушки

среднего размера медведя, выскочившего на солонце через 5—6 сек. после панического бегства копытных и пробежавшего по нему галопом. Примерно через минуту наступила тишина, затем две изюбрихи обменялись тревожными криками с расстояния около 250—300 м от солонца, им ответил самец косули, рывая с интервалом 5—15 сек. на протяжении 5 мин. и потом все успокоилось (сообщение зоолога В.Н. Степаненко).

Далеко не всегда медведь нападает успешно на крупных копытных. Так, в июне 1982 г. по р. Сизая (Восточные Саяны), охотники нашли тушу пантача с загнаивающимися ранами. Следы от когтей хищника остались на корпуре оленя в районе лопаток и на задних ногах. Видимо, раненый марал, убегая, сильно ударил медведя, и он преследование прекратил.

Осеннее нападение медведей на диких копытных также связано с нехваткой наживочных кормов. Так, 31 августа по руч. Веселому (территория заповедника «Столбы») крупный медведь ночью подкараулил из-за колодины на солонце полузрелую самку марала. На месте побойки обнаружены остатки костей голени, бедра, таза и др. Здесь же находилась лежка зверя, невадалеке от места, где он подал маралу.

Лось. На восточном побережье оз. Байкал крупный лось-самец переплыл залив и стал выходить на берег, где, на мелководье у кромки леса, из-за листовенного пня на него напал медведь. Эта опасная битва продолжалась долго, но хищнику все же удалось убить лося (Банников, Устинов, 1966).

В августе 2002 г. на берегу горной речки Таламуш, в 29 км от Байкала, у тропы медведь из засады напал на молодого лося (данные охотника В.И. Алмаши). Два лося, один из которых взрослый самец, были добыты медведем в октябре 1996 г. вблизи верхней границы леса в кедрово-пихтовом, с подлеском из кедрового стланика, лесу из засады у троп, проходивших по долинам двух горных речек (сообщение А.А. Ананина и А.Л. Голубцова). По всей видимости, лоси мигрировали вниз к побережью Байкала, к местам зимовки. В мае — июне 2008, 2009, 2011 г. три взрослых лося были убиты медведями, подкараулившими их: одного у тропы на старой гари, другого — на берегу озера, третьего — на берегу горной речки (сообщение Е.А. Дарижапова и А.А. Ананина).

Сибирская косуля. По материалам, собранным в природе, нападение медведя на косулю отмечается редко, что, видимо, связано с большой осторожностью и высокой подвижностью этого оленя. Летом, в жаркую погоду, хищник использует ночную прохладу, и караулит копытных на солонцах и тропах. При этом косуля не всегда обнаруживает затаившегося хищника. По наблюдениям в заповеднике «Столбы», в июне 1954 г. на солонце, кото-

рый расположен на Лалетинской гриве, медведь добыл косулю (данные практикантки З. Белозерцевой). В июне 1993 г. по руч. Талоконка (левый приток Маны) отмечен случай, где медведь убил косулю на тропе. Тушу завалил мхом. В этом же районе свежая жертва медведя — самка косули (около 2-х лет) обнаружена 23.09.2006 г. в устье руч. Бол. Вайла (правый приток р. Базаихи) в береговой полосе молодого ивняка с крупнотравными прогалинами. Медведь, видимо, подстерег жертву ночью, когда косуля случайно набежала на хищника. У туши были выедены внутренности и объедены мышцы задней ноги, а остатки были прикрыты тонким слоем травы (наблюдения Г.В. Квиткевича). В долине р. Большая Голоустная, на западном побережье Байкала, вечером 14 июня 1970 г. медведь на солонце добыл самку косули (данные охотоведа Б.Г. Клиникова).

П.Б. Юргенсон (1938) на Алтае зарегистрировал один случай, когда медведь задрал косулю. Это произошло в летний период в долине р. Чулышман.

Некоторые медведи во время сезонного «хода» косуль появляются на путях миграций копытных, и, по-видимому, их караулят. Такие места, как правило, избивают тропами зверей. Здесь они не оставляют без внимания подранков во время зверовых охот. Так, в 1972 г. охотник Ю.К. Кашкаров на осеннем переходе ранил одну косулю. На следующий день, идя по кровавому следу, он был атакован медведем, лежавшим около найденного и добытого им подранка.

Кабан. Ряд наблюдений в 1980-х гг. свидетельствуют, что медведи очень часто караулят кабанов на звериных тропах. Вообще в эти годы, например, в Восточно-Тувинском нагорье, изо всех нападений хищных зверей на кабанов 45,4 % составляли нападения именно медведей (Смирнов, 2002). В Амурско-Уссурийском крае за 4 осенних месяца медведь может убить до 12—16 кабанов (Кучеренко, 1977).

Северный олень. Останки взрослого северного оленя, подкарауленного медведем у тропы на берегу р. Большой в 38 км от Байкала, найдены А.А. Ананиным весной 2010 г.

Сибирский горный козел. В горах Западного Саяна горные козлы нередко держатся в глухих ущельях крутых южных склонов гор, покрытых мелким кустарником. Отсутствие достаточной тени и сильное нагревание поверхности скал весной и летом вынуждает зверей дважды (утром и вечером) спускаться на водопой, преодолевая перепад высот около 1000 м. Козлы идут медленно (впереди лидирующая самка, затем молодые, годовалые, замыкают стадо взрослые особи), они подолгу смотрят вниз, пытаются обнаружить опасность. Днем, около 15 часов 3.05.2001 г. в урочище Кургол (Саяно-Шушенский заповедник) госинспектор Г.М. Габдуллаев наблюдал с водохранилища, как медведица, у которой

было два медвежонка, охотилась на горных козлов. Затаившись за крупным валуном, она долго ждала, когда стадо (около 15 голов) подойдет к водопою. После того, как копытные начали пить, медведица несколькими прыжками (стремительно) атаковала козлерогов и добыла молодое животное. По сообщению зоолога Б.П. Завацкого (Саяно-Шушенский заповедник), в разные годы начала 2000-х гг. в мае он обнаружил трех задавленных медведями горных козлов — молодых самцов. Хищники добывали их, очевидно, подкарауливая у троп, ведущих к водопою.

Подманивание и скрадывание оленей во время «рева»

Голос ревущего быка является одним из средств коммуникации оленевых. На наш взгляд, во время гона маралов наибольший интерес представляют два поведенческих приема медведя: скрадывание и подманивание.

Интересные сведения получены от зоолога-биолога охотоведа В.Н. Степаненко, которому 17.09.1985 г. на зарастающей вырубке в верховьях р. Аланка (левый приток р. Ангара) «на трубу» удалось подманить взрослого медведя. В 21 час, когда охотник «подал голос» — «проревел» с небольшим интервалом 2 раза, хищник, находясь на расстоянии примерно 200 м, сразу отреагировал и, молча, стал быстро приближаться. Через 1 мин. он был замечен уже на расстоянии около 100 м, после чего стал передвигаться шагом, и подкраившись на 16 м, пытался напасть. Зверю пришлось застрелить.

О способности хищников подражать голосу оленей, с целью охоты на гонных самцов, отмечалось ранее лишь для тигра (Арсеньев, 1949). Во время гона быки-производители, особенно не имеющие самок, менее осторожны и идут даже на плохую имитацию. Подобно тигру, медведь тоже старается воспользоваться этим приемом, поскольку спровоцированная на звуковой сигнал потенциальная жертва сама сообщает о своем местонахождении. Это еще раз доказывает настолько развитое мышление у бурого медведя.

По сведениям охотоведа Ч.Д. Волкова, 18 сентября 1986 г. в урочище Черный Танзыбей (Западный Саян) в 21-22 часа охотники, вышедшие на рев, пытались подманить марала. На трубу отозвался медведь, который сразу же двинулся в их сторону. Зверь подошел на 50 м, но, почуввав запах человека, фыркнул и убежал. На следующий день ситуация повторилась. Характерной особенностью упомянутого эпизода является то, что медведь сразу же отозвался на зов и сам пытался имитировать голос гонного марала. Звук, воспроизводимый хищником, отличался низким тоном, отсутствием колен и переливов. Аналогичное поведение бурого медведя отмечали охотники в верховьях р. Абакан (Хританков, Кожечкин, 2007). О подобных по-

пытках охоты медведя имитировать голос ревущего марала поступали сообщения и из Прибайкалья. Так, по наблюдениям охотоведа В.В. Володченкова, на хр. Малый Хамар-Дабан, во время охоты на реву, на зов трубы на противоположный склон распадка вышел некрупный медведь (ширина пальмарной мозоли передней лапы 13 см). Когда медведь зашел в лес, оттуда донесся голос «изюбря». Причем медведь делал это так искусно, что обнаружить фальшь было достаточно сложно. Переключка продолжалась до темноты (более одного часа), но в последних «пародиях» начали проявляться медвежьи интонации (Володченков, 2010).

Утилизация добычи

Добыв копытного зверя, медведь часто утаскивает труп за 150—500 м и заваливает мхом, травой и землей. Иногда он не трогает тушу в течение месяца. Обычно же начинает поедать сразу или на вторые—третьи сутки. Около убитого им крупного зверя, не удаляясь далеко, медведь живет в течение нескольких дней, пока не съест полностью. Этот факт нами был подтвержден в местности Сурхая на р. Хут, где он задрал в мае 1978 г. молодую самку марала (Смирнов, 2002). А.К. Федосенко (1989) описал поведение медведицы с двумя медвежатами у найденного ими трупа марала, который они поедали два дня (27-28 сентября 1985 г.). В период отсутствия медведей здесь кормились 10 волков и 20 воронов.

Завацкий Б.П. (1978) экспертно установил, что за одни сутки медведь-самец может поглотить до 40 кг мяса пойманного им крупного копытного зверя. По наблюдениям Г.Я. Бобыря (1991), взрослая медведица после поимки жертвы съела 35 кг мяса. В то же время С.К. Устинов (1987) на основе своих исследований определил, что медведь за один прием способен потребить не более 10 кг мяса от добытого им зверя. Эти сведения, на наш взгляд, свидетельствуют о значительных различиях в степени, так сказать, голодности данной особи хищника, его размеров и обстоятельств, сопровождавших поимку объекта охоты медведя.

Таким образом, можно констатировать, что медведи региона применяют все перечисленные в начале статьи приемы охоты, иногда сочетая скрадывание и подкарауливание с преследованием, скрадывание с подкарауливанием, подманивание со скрадыванием и др. Наиболее часто медведь применяет подкарауливание диких копытных (табл.), ему соответствует и высокая степень результативности — из 28 эпизодов этого приема 26 (92,9 %) были удачными, при скрадывании этот показатель ниже — 76,5 %. На третьем месте стоит преследование, но оно, видимо, часто оканчивается неудачно, показатель

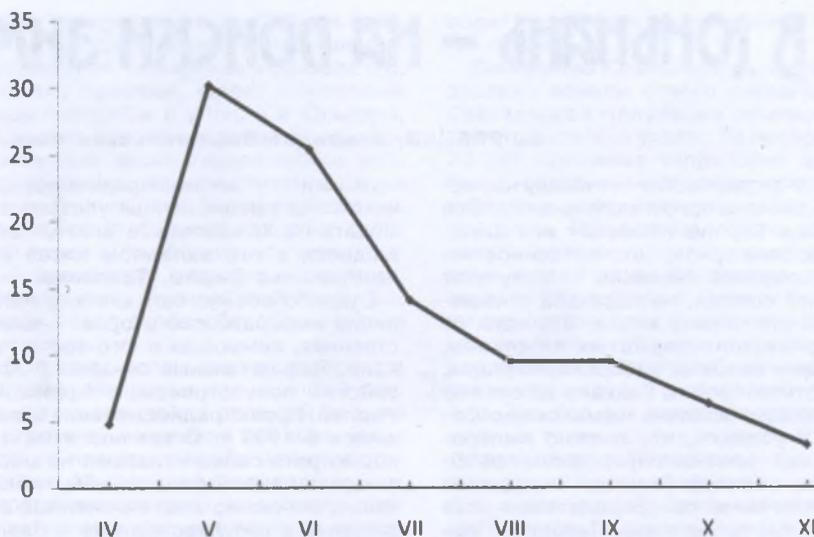

Рис. Число зарегистрированных эпизодов охоты медведей на диких копытных зверей по месяцам, %.

Таблица
Применение бурым медведем отдельных приемов охоты на диких копытных зверей в горах юга Сибири, эпизодов / %.

Приемы охоты медведей	Виды диких копытных животных						Всего
	Марал (Изюбрь)	Лось	Сибирская косуля	Кабан	Северный олень	Сибирский горный козел	
Поиск новорожденных телят	5/19,2	2/10,1	3/30,0	1/12,5	1/16,7	—	12/16,2
Преследование	5/19,2	1/5,0	—	5/62,5	2/33,3	—	13/17,6
Скрадывание	2/7,7	10/50,0	1/10,0	2/25,0	2/33,3	—	17/23,0
Подкарауливание	10/38,5	7/35,0	6/60,0	—	1/16,7	4/100,0	28/37,8
Подманивание во время рева	4/15,4	—	—	—	—	—	4/5,4
Итого	26/100,0	20/100,0	110/100,0	8/100,0	6/100,0	4/100,0	74/100,0

результативности — 15,4 % (правда, не все случаи преследования удалось проследить до конца). Поиск новорожденных, как метод охоты, трудно проследивается. Мы встречали лишь итоги, которые свидетельствуют о его 100%-ной результативности. Выяснить результативность подманивания не удалось по причине усложненности и специфичности наблюдений, и, видимо, очень редкого применения этого метода отдельными особями медведей.

Наибольшую хищническую активность медведи, по нашим материалам (n=63), проявляли в мае—июне, в сумме 55,6 % случаев. В июле она ослабевает, видимо, из-за гона медведей, в августе — сентябре малоинтенсивна, в октябре—ноябре отмечается, как и в апреле, в достаточной мере редко (см. рис.).

Для умерщвления наступившего животного медведи (в тех случаях, когда

удалось установить ранения копытных) применяли удар передней лапой по голове, шее (сентябрь 1988 г., убит секач); удар передней лапой по спине (сопровождающийся переломом позвоночника) и ребрам, лопатке (июнь 1965, май 1993, июль 1982, во всех этих случаях погибли взрослые маралы). При преследовании молодых козлят медведь, догоняя, сбивает их ударом передней лапы по корпусу сбоку, а затем хватает зубами за шею и встряхивает.

Хищническое поведение южно-сибирского бурого медведя, особенно в районах с высокой их плотностью населения, нуждается и в дальнейшем внимательном изучении. Это продиктовано участвующимися в последние годы случаями появления хищников вблизи населенных пунктов, нападениями на домашних животных и людей (Смирнов и др., 2005; Смирнов и др. 2013).

В ЮНЬНАНЬ — НА ПОИСКИ ЗИМУЮЩИХ ОРЛОВ

В. РЯБЦЕВ, кандидат биологических наук. Фото автора

С о студенческих лет я веду наблюдения за орлом-могильником. Все народы Европы называют его императорским орлом, отечественное неблагозвучное название — результат давней ошибки, не имеющей отношения к его образу жизни. Это один из красивейших пернатых хищников, священная птица сибирских народов, в честь которой на Байкале до сих пор совершают древние шаманские обряды. Я убежден, что именно императорский орел был природным прообразом символа Римской империи и поэтому является «прародителем» всех гербовых орлов мира. Лесостепи Иркутской области, Бурятии, а также север Монголии (в бассейне р. Селенги), населяет единая «байкальская» популяция орлов. Она — самая восточная, отделенная от ближайшей — «красноярской» — 600-километровым разрывом ареала.

На моих глазах за 30-летний период байкальская популяция императорского орла сократилась более чем в 10 раз. Если в начале 1980-х в Иркутской области насчитывалось 150—200 пар, то в 2012 г. — лишь 15. Вид исчез на байкальском острове Ольхон, в лесостепных массивах правобережья Братского водохранилища и верховий р. Лены. Судя по публикациям, такая же судьба постигла его и в северной Монголии. Причина — гибель на зимовках. На гнездовых участках весной появлялись не пары, а одиночки, спустя 1—3 года переставали прилетать и они... С учетом неполовозрелых особей и негнездящихся взрослых одиночек вся популяция сейчас оценивается мною в 100—130 особей. В огромном ареале вида, простирающемся на запад до Балкан, байкальская популяция является самой угрожаемой. Крайне важно было выяснить — где зимуют орлы? Спасибо японским коллегам! Благодаря предоставлен-

ным ими спутниковым радиопередатчикам мы узнали: птицы улетают зимовать на Юньнаньское плато, находящееся в юго-западном Китае и в приграничье Бирмы, Таиланда.

Судя по всему, байкальская популяция императорского орла — единственная, зимующая в юго-восточной Азии. Все остальные связаны с Аравийским полуостровом, с Африкой и Индией. Проект радиослежения завершился в 1999 г. С тех пор я мечтал посмотреть своими глазами на места зимовки, выяснить причины гибели наших орлов. Но многочисленные обращения в государственные и благотворительные фонды, коммерческие структуры и общественные организации (в том числе и в Русское Географическое общество) были безрезультатны. Судьба вымирающих байкальских орлов не интересовала тех, кто мог бы помочь. И только благодаря влюбленному в орлов шотландцу Стюарту Миллеру, занимающемуся спасением и реабилитацией хищных птиц, экспедиция в Юньнань состоялась. Приняв в 2007 г. участие в учете хищных птиц в Прибайкалье, Миллер убедился в остроте проблемы, в реальности вымирания байкальских орлов. Вернувшись, приложил огромные усилия для поиска необходимых финансов (для этого даже прыгал с парашютом с самолета!). И если бы не экономический кризис, наша поездка в места зимовок могла состояться много раньше.

Важную роль в экспедиции сыграл Лианксиан Хан — опытный орнитолог, великолепный знаток природы и «паутины» дорог провинции Юньнань; участвовали также его супруга и сын. Лианксиан приезжал на Байкал в 2006 г. в составе группы китайских орнитологов, в последующие годы уделял орлам особое внимание в ходе своих полевых исследований. Еще одним

участником была Дженнифер Саттон — основательница общественной организации «Байкальская Экологическая Волна» (Иркутск).

Уже поездка на поезде по маршруту Иркутск — Куьмин, через Монголию и Пекин, позволила получить общее представление — через какие природные зоны летят на юг наши мигрирующие птицы, до какой степени преобразованы человеком ландшафты на этом пути. В период с 22 ноября по 11 декабря 2013 г. наша команда проехала на автомашине 5,5 тыс. км по китайским провинциям Юньнань и Гуйчжоу. Мы осматривали районы между вьетнамским приграничьем и южным краем Тибетского нагорья (24—28 °с.ш.). Юньнаньское плато, имеющее очень сложный рельеф, понижается с севера на юг. Над относительно ровными участками с высотами 1400—1800 м над уровнем моря многочисленные хребты и «хребтики» поднимаются еще на 500—1500 м. Реки здесь текут в колоссальных ущельях глубиной 2—2,5 км, а самые глубокие — до 3 км.

Удивительно этнографическое разнообразие этого региона Китая! Здесь живут десятки народностей, включая мяо, «и», наси, бай, лаху, тибетцев, монголов, исповедующих даосизм, буддизм, старотибетскую религию бон, ислам, шаманизм, анимизм. Деревни, сохранившие национальные черты, резко различаются по своей архитектуре. Буддистские монастыри и «ступы» вдруг заменяют мечети. Час назад скот был представлен яками, а сейчас наблюдаются только южноазиатские буйволы.

Для тех, кто интересуется природой, это один из самых интересных регионов мира. Чрезвычайно красивый и экзотичный. Перед моим мысленным взором до сих пор стоят речные ущелья фантастической глубины. Гигант-

На границе Юньнани и Сычуани

Гималайский гриф

ские, почти отвесные стены гор, на уступах которых располагаются старинные поселения. Возвышающиеся над облаками, как будто «подвешенные», горные отроги и вершины, напоминающие кадры из «Аватара». Холмы белоснежного известняка, выросшие из синей глади озер, окруженных пологими красной почвой. Причудливые скалы и удивительные карстовые образования резервата Каменный Лес, имеющего статус Участка Всемирного природного наследия ЮНЕСКО.

Разнообразие пород деревьев здесь просто огромно. Горы на юге покрыты субтропическими, а на севере — хвойными лесами (видели мы и березняк). На некоторых хребтах произрастают только кустарники и травы. Одних рододендронов здесь более 600 видов! Смешение таежных и тропических растений особенно бросается в глаза в городских парках. Близкие родственники сибирских лиственниц и елей соседствуют с магнолиями и пальмами. Очень много видов, завезенных намеренно или случайно. Например, эвкалиптов, попавших в Юньнань еще в 17-м веке и широко распространенных как в горах, так и на равнинах. Кактусы и другие пустынные растения, чья родина — Центральная Америка, образуют целые заросли на остепненных склонах. Настоящим бедствием стал бразильский водяной гиацинт, покрывающий гладь озер.

Животный мир представляет собой еще более интересную «смесь». В районе Трех Рек, где рядом друг с другом в глубоких ущельях текут великие реки — Янцзы, Меконг, Брахмапутра, еще недавно соседствовали такие разные виды кошачьих, как снежный барс, рысь, леопард, дымчатый леопард, золотая кошка. Орнитофауна очень разнообразна. Определитель «Птицы Китая» включает 1324 вида и большинство из них — встречаются в Юньнани. Вот над горным лесом летит известная любому сибиряку кедровка, а за ней — очень яркая птица, называемая «огненнобрюхим длиннохвостым личинкоедом». Многие

виды, знакомые нам по Сибири, прилетают сюда на зимовку. Чаше других попадались сибирская горихвостка, коньки, пеночки, юрок. Некоторые виды гнездятся и у нас и в Юньнани, например большая горлица, удо, черноголовый чекан. Уделяя особое внимание хищникам, мы отметили 22 их вида. В число наиболее интересных вошли беркут, большой подорлик, степной орел, орлан-белохвост, чернокрылый дымчатый коршун, курганник, черный гриф, гималайский гриф, бордач, сокол-сапсан, балобан, степная пустельга.

Встретить наших зимующих орлов в регионе, имеющем площадь 350 тыс. кв. км, чрезвычайно сложный рельеф и огромное население (46 млн. человек), не проще, чем найти иголку в стоге сена. Мы заранее составили список перспективных мест, на основе анализа литературы, наблюдений китайского коллеги, данных радиопередатчиков. Как оказалось, императорские орлы зимуют поодиночке, изредка по 2—3, на участках, удаленных друг от друга на десятки и сотни километров. Эти последние «очаги» дикой природы разделены пространствами, полностью преобразованными человеком. Они располагаются на вершинах гор до 2800—3200 м, а также на значительно меньших высотах — в огромных беслесных ущельях, не подвергшихся террасированию. Здесь же обитают и другие виды сибирских мигрирующих птиц, но еще больше — замечательных местных эндемиков.

Другое важное зимовочное обитание наших орлов — водоемы, являющиеся убежищами для водоплавающих. Как мы убедились, численность этих пернатых высока только в резерватах. Ряд из них был создан для охраны черношейного журавля, очень почитаемого в Китае. Это единственный высокогорный вид журавлей. Он гнездится в горах Тибета и Сычуани, а на зиму отлетает в Юньнань, где встречается на высотах от 3200 до 2000 м. Мировая численность вида составляет порядка 5000 особей. Рядом с этими замечательными журавлями про-

водит зиму часть наших императорских орлов.

Посещение Юньнаньского плато позволило понять, отчего численность байкальской популяции «императора» столь сильно упала. За последние 30 лет огромные территории здесь были «освоены» человеком: преобразованы в поля, застроены, покрыты дорогами. Все ровные участки плато заняты полями и плантациями, городами и селениями. Возделаны долины всех рек и ручьев. Полями покрыты горные выступы и плоские вершины, огромные площади склонов террасированы. Причем ширина полей на террасах нередко составляет лишь 1,5—2 м. Кое-где кукуруза и горох растут на таких крутых склонах, где и устоять сложно. Непонятно — как удается эту крутизну возделывать, собирать с нее урожай. Здесь невозможно найти ровный свободный участок, достаточный для установки палатки. Количество дорог просто поражает. Они проходят вдоль каждой реки — причем по обоим берегам, «отпочковываются» в долину каждого ручья. Очень много туннелей, пронизывающих отроги гор. Даже самые крутые и высокие склоны покрыты дорожными серпантинами. Похоже, нет ни одной горной гряды, куда не поднимались бы дороги. Если смотреть в бинокль на вершины Тибетского нагорья с высотами 5—5,5 тыс. м, хорошо видны какие-то вышки, строения, горные разработки. Вершины Юньнаньского плато покрыты многочисленными ЛЭП, многими сотнями (а может быть счет идет на тысячи) ветровых турбин. Где уж тут выживать орлам — не найти ни корма, ни покоя. Карьерами, как огромными шрамами, испещрены все горные хребты. Заводы (иногда — очень крупные) строительных материалов попадают через каждые 10—20 км. В южной части Юньнаньского плато в гравий превращают живописные известковые холмы, украшающие межгорные котловины.

Ситуация с реками и ручьями еще плачевнее. Их преграждает огромное количество плотин. Микроскопические

Черношейные журавли

Фото Бен Хана

Озерные чайки на набережной в Куньмине

Здесь зимуют наши лысухи и утки

Горные гуси

Фото Бен Хана

водоросли придают стоячим водам вид горохового супа. Там, где вода еще течет, она, как правило, имеет вид грязных бурых потоков. Это результат добычи строительных материалов прямо в долинах рек и ручьев, эрозии, сбросов сточных вод поселков и городов. Разве могут в таких условиях выживать уникальные местные рыбы, лягушки, саламандры, водяные черепахи?

Не менее впечатляет размах браконьерства. С ростом благосостояния в Китае резко возрос спрос на «дичь», соответственно выросло и «предложение». В результате вне резерватов мы очень редко встречали уток и куликов. Резко сократилась численность великолепных южнокитайских фазанов, куропаток и перепелов. Это не могло не сказаться и на орлах. Но сокращение кормовой базы хищников — еще «цветочки». В дорогих ресторанах, прежде всего — в Гонконге, подают блюда из самих орлов! Туда браконьеры и свозят свою добычу. Стоимость орла может достигать 10 тыс. юаней (50 тыс. рублей). А еще у «новых» китайцев появилась мода на чучела птиц, особенно хищных и сов. Есть любители содержать живых диких птиц, включая и крупные виды.

Что интересно — с браконьерством борьба ведется лишь в резерватах. Только там есть инспектора. На остальной территории они отсутствуют. Провинция Юньнань занимает одно из первых в Китае мест по резерватам. На них приходится около 8 % её территории. Вне резерватов никто не контролирует охоту, запреты на добычу охраняемых видов зверей и птиц, а также их продажу, содержание в неволе. Например, запрет на отлов мелких птиц сетями был официально провозглашен в Китае еще лет 10 назад. Несмотря на это мигрирующие воробьиные птицы Сибири, включая овсянку-дубровника, продолжают сокращаться в численности. Запрещено содержать в неволе диких птиц. Но на птичьем рынке города Куньмин (столица провинции) мы видели многие сотни живых пичуг, среди которых были и наши, сибирские виды. В Центре реабилитации хищных птиц и сов при Пекинском университете нам показали канюков, ястребов, мелких соколов. Они изъяты из неволи благо-

даря усилиям энтузиастов, но — не полицейским рейдам.

Налицо почти полное отсутствие контроля за использованием животного мира. Это напомнило ситуацию на Родине. У нас, в частности в Иркутской области, тоже никто ничего не контролирует. На огромные административные районы приходится по 1 инспектору по охране животного мира. Встретить инспектора в полевых условиях также маловероятно, как снежного человека.

Но ситуация с оскудением животного мира в южном Китае особенно наглядна. На огромных пространствах, которые еще 100—70 лет назад давали приют уникальной и богатой фауне, сейчас практически уничтожены все крупные млекопитающие. Лишь в самых глухих уголках еще сохранились в небольшом числе различные виды оленей (включая кабаргу), горные бараны, кабаны. Близок к исчезновению дымчатый леопард, немногим лучше ситуация с другими кошачьими средней и мелкой величины. Южнокитайский тигр (это особый подвид) — вымер! Он обитал в джунглях юго-запада Юньнаньского плато, последняя встреча датируется 1994 г. Официально он еще не внесен в список исчезнувших видов, но фактически его больше нет. А место джунглей, в которых он жил, заняли каучуковые плантации. Не лучше ситуация с китайским речным дельфином, обитавшим в реке Янцзы. Уже более 10 лет никто не видел этого уникального китайского эндемика, а сама река столь загажена, что считается самым крупным источником загрязнения Тихого океана. Два уникальных крупных животных исчезли безвозвратно — их нет даже в зоопарках. Огромный серый бык «купрей» еще лет 30 назад встречался в горах Индокитая — к югу от Юньнани. Недавно специалисты МСОП внесли и его в список вымерших видов. На Юньнаньском плато исчез удивительный эндемик — гигантская панда. Теперь она обитает только в соседней провинции Сычуань. Многие виды зверей и птиц сейчас встречаются в Китае единично. Например, численность китайской популяции зеленого павлина (населяет юго-запад Юньнани) оценивается в 50 особей.

В число наиболее редких птиц, обитающих в юго-восточной Азии, сейчас

входит и императорский орел (100—130 особей). **Для его сохранения необходимо продолжить программу спутникового радиослежения за миграциями, найти как можно больше еще неизвестных локальных мест зимовки, придать им статус резерватов.**

Увы, в Китае даже резерваты высшего — национального — уровня подвержены сильной антропогенной нагрузке. В них ведется сельское хозяйство, массовый лов рыбы. Вблизи берегов озера Цаохай (национальный резерват на западе провинции Гуйчжоу) мы видели интенсивное жилищное строительство. А «вплотную» к особому ценному участку этого резервата, где держатся стаи горных гусей, группы черношейных и серых журавлей, сейчас возводятся деревенские дома. В резервате, расположенном на высоких вершинах, мы видели, как распахке подвергаются всё новые клочки целины. Интереснейший водно-болотный резерват Напахай, расположенный в горной котловине на южном краю Тибетского нагорья, все больше страдает от сточных вод близлежащего города Шангри-Ла. Все, увиденные нами, резерваты покрывала густая сетка дорог, даже здесь они проникают буквально в каждый уголок.

В последние годы в китайских резерватах быстрыми темпами развивался туризм. Результаты налицо. В живописных местах построено множество дорожек, беседок, разнообразных павильонов и прочие инфраструктуры. На мой взгляд, природной красоте этим был нанесен большой урон. А главное — «обустроенные» территории сократили и без того крохотные участки сохранившейся дикой природы. Поведение туристов также оставляет желать лучшего. Мусор лежит в траве у дорожек и смотровых площадок. В резервате Дашанбоа (находится вблизи границы с провинцией Сычуань) я наблюдал за джипом, застрявшим в глинистом русле ручья. На выручку ему уже пришли 2 машины. А ведь по правилам передвижаться здесь можно только по дорогам. Всё это живо напомнило мне наш Прибайкальский национальный парк. В этом же резервате местные жители организовали катание туристов на лошадях.

Какой-то «экотурист», имеющий навыки верховой езды, на моих глазах ворвался верхом в стаю горных гусей, отдыхавших на озерном берегу. Заставил их разлететься в разные стороны. В резервате Дакиау стаю таких же гусей, кормившуюся на прибрежном лугу, на наших глазах принудили улететь фотоохотники. А между тем эти водоплавающие встречаются только в некоторых резерватах. Всего в ходе экспедиции нам удалось увидеть не менее 3 тыс. горных гусей, прилетающих на зимовку в Юньнань с гор Тибета и Сычуани, и лишь 120—150 серых гусей.

Наблюдали мы и примеры бережного отношения к нашим птицам. В парках г. Куньмин и на набережной оз. Дьячи проводят зиму десятки тысяч озерных чаек, прилетающих из Сибири. Местные жители их кормят подсушенным хлебом. Чайки берут его прямо из рук! Тем не менее численность и местных, и сибирских мигрирующих птиц, связанных с водно-болотными угодьями, по разным причинам (разрушение местообитаний, беспокойство, загрязнение, застройка) сейчас сокращается даже на охраняемых природных территориях провинций Юньнань и Гуйчжоу. Об этом рассказывали наши китайские коллеги.

Особенно поразил размах «туристического благоустройства» в провинциальном резервате Пужехей (юго-восток провинции Юньнань), которое претендует на международный статус водно-болотного угодья, имеющего важное значение для водоплавающих птиц. Только здесь мы наблюдали большого подорлика и чеглока. Но также увидели на берегу ряды лодок с кабинками, представляющих собой что-то вроде ресторанов. По озерной глади передвигаются многочисленные моторные туристические суда. Большой кусок берега превращен в бетонную набережную, рядом — аппаратура для цветомузыки, динамики. Могут ли здесь выжить птицы — под гремящую му-

зыку и вспышки? В середине озера поднимается гора необычной формы. Со стороны набережной к ней строится мост (двухэтажный!). Боюсь, что скоро число туристов в этом резервате будет многократно превышать количество пернатых.

Есть очень важный нюанс. Как нам рассказали сведущие в этом вопросе люди, посещение резерватов (особенно — национального уровня) стоит немалых денег, а их сбором занимаются частные фирмы. Они оставляют себе львиную долю прибыли, а сами охраняемые территории, несущие от туристов все больший ущерб, получают гроши.

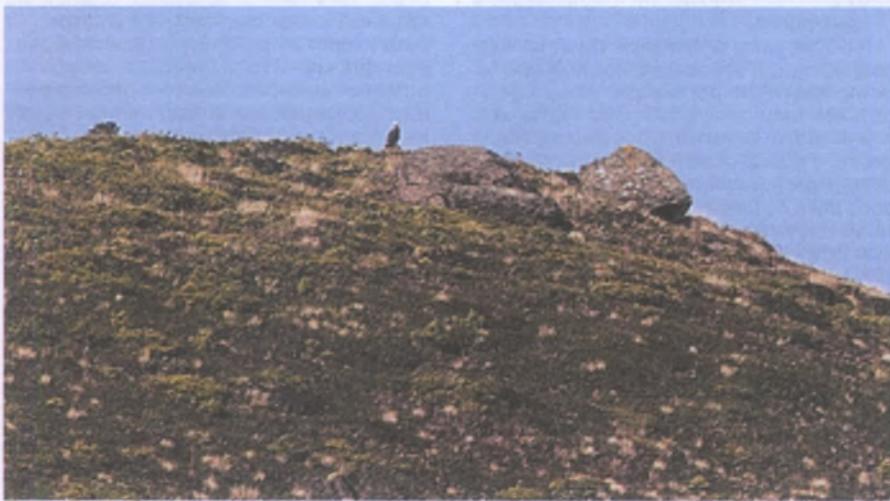
Побывав в заповедно эксплуатируемом людьми уголке мира, еще яснее понимаешь какая огромная ценность — наши заповедники! Ведь они полностью и бесспорно изъяты из любого хозяйственного использования. На их территории природе позволено жить своей собственной жизнью. В нашей стране лишь заповедники и национальные парки в «рыночные времена» сохраняли реальные штаты охраны. Сейчас они оказались островами, окруженными огромными просторами выжженных, вырубленных, застроенных, изуродованных добычей полезных ископаемых, испакощенных самими разнообразными способами земель. Но происходящие в нашей стране «природоохранные реформы» внушают огромную тревогу. В 2011 г. заповедники обязали «развивать познавательный туризм», резко ослабили режим охраны национальных парков. А пока мы были в Китае — в авральном режиме протолкнули в закон поправки, позволяющие превращать заповедники в национальные парки, взимать плату за посещение этих двух категорий ООПТ. Можно утверждать, что «реформирование» уникальной отечественной заповедной системы, создававшейся на протяжении 90 лет, идет по «китайскому пути». Для полного сходства остается поручить сбор

денег за посещение ООПТ предпринимателям. Впрочем, именно таковых сейчас и назначают директорами заповедников и национальных парков. Цель происходящих новаций — максимальное вовлечение заповедных земель в хозяйственный оборот, превращение природоохранных учреждений в коммерческие структуры.

На Байкале подспудно уже идет процесс превращения заповедников в национальные парки. Старейший в стране Баргузинский заповедник в 2011 г. «слили» с Забайкальским национальным парком в одно бюджетное учреждение. С осени 2013 г. этот же фокус продлевают в отношении Байкало-Ленского заповедника и Прибайкальского национального парка. Честь и хвала 25 тысячам красноярцев, подписавшим в январе 2014 г. петицию с требованием не допустить преобразования заповедника «Столбы» в национальный парк. Те, кому дорога родная природа, понимают истинную подоплеку происходящего.

... Вспоминаю первого императорского орла, встреченного в Юньнани после нескольких дней упорных поисков. Не оправдали надежд южные районы, где этих птиц отмечали в прошлом — велика вероятность, что они там были истреблены. И вдруг, уже под вечер, мы увидели орла, сидящего на вершине невысокой каменной горы. Его золотистые голова и шея резко контрастировали с черным оперением тела. Мы испытали настоящий восторг! А окружающий ландшафт показался почти родным. С байкальской лесостепью его сближали степные травы и сосновые перелески, растительность самой горы напоминала высокогорье байкальского хребта Хамар-Дабан — рододендроны, очень похожие на нашу кашкару, карликовые сосны с шишками, почти как у кедрового стланника. Давайте поможем выжить и нашим орлам, и этим последним участкам уникальной природы Юньнаньского плато!

Есть надежда, что для удивительной природы Китая еще не всё потеряно. Эта страна способна на многое. После катастрофического наводнения 1998 г. на р. Янцзы восстановление лесов было провозглашено государственной задачей. И в ходе экспедиции мы поразились: огромные площади горных склонов занимают молодые сосновые леса, появившиеся за последние 13 лет. Другой пример: буквально из небытия была возвращена замечательная птица — японский, или красноногий, ибис. Он считался вымершим, но в 1981 г. в горах Шэньси были найдены 7 птиц, последних на земле! Сейчас в природе обитает около тысячи японских ибисов! Если в Китае охраной природы займутся всерьез, то обязательно решат проблемы и охраны вод, и незаконной охоты, и недостаточно строгого режима охраны резерватов. Вот только решение этих задач не терпит отлагательств.

Первый, наблюдавшийся нами, императорский орел

Фото Бен Хана

Рога северного оленя и их использование

А. МУХАЧЕВ

У северных оленей рога имеют не только самцы, но и самки. У взрослых самцов от основания (розеток) стволы (правый и левый) поднимаются вверх, затем значительно отклоняются назад. В средней части они делают плавный дугобразный изгиб вверх и вперед. Первый — надглазничный отросток относительно длинный, направлен вперед и образует на конце вертикально поставленную широкую лопатку с несколькими короткими выростами «пальцами». Расположенный над ним ледяной отросток более изогнут, длиннее, менее расширен на конце и имеет ряд концевых выростов. Третий отросток в виде небольшой «шпильки» расположен выше на задней стороне ствола. На концах стволов образованы лопатовидные расширения, лежащие в вертикальной плоскости с заостренными отростками, часть из которых обращена вверх, остальные — назад.

У самок, по сравнению с самцами, рога существенно меньше по величине, значительно тоньше, но более компактны. При нормальном развитии, по определению большинства исследователей, рога взрослых самок северных оленей (важенок) напоминают «кустик».

Рога северных оленей, в отличие от других представителей семейства оленьих, лишены бугорчатости, шероховатости — они гладкие.

Наблюдения за северными оленями свидетельствуют, что конструкция их рогов способствует эффективной защите морды, за счет особой архитектуры нижних отростков, «пальцевидных» выростов и специфического развития вершин рогов. Рога северных оленей имеют социальный эффект, особенно усиливающий угрозу наличием «пальцевидных» выростов и выростов большой длины на вершинах рогов.

Для рогов северных оленей характерна аэродинамическая форма за счет изогнутых вперед стволов и острой форме концевых отростков. Это облегчает им движение как по ветру, так и против него.

Рога северных оленей в период гона служат самцам оружием в борьбе за самку с другими самцами. В остальное время они служат угрозой для самцов с менее развитыми рогами или носят оборонительный характер.

Что касается важенок, то они своими компактными рогами надежно ограждают корм, находящийся в вырытой в снегу лунке; кроме того, они способны успешно отогнать от кормного места сородича или защититься от тех оленей, которые имеют более слабо развитые рога, либо их не имеют вовсе. Наличие рогов позволяет важенке в пе-

Северный олень

Фото В. Малеева

риод течки вовремя приблизиться к самцу.

Жесты, выражаемые северными оленями посредством рогов, являются важным кодом в изобразительном языке данного вида животных. В отличие от полорогих животных, северные олени в определенное время освобождаются от рогов и взамен у них вырастают новые. Так, у взрослых самцов рога «оппадают» вскоре после окончания гона, у стельных самок спустя некоторое время после отела. Яловые самки сбрасывают рога в среднем на месяц раньше стельных.

Рост новых рогов у взрослых самцов начинается весной, у взрослых самок — вскоре после сбрасывания старых рогов.

В росте рога оленя участвует кожа и надкостница отростков лобной кости. В период роста рог покрыт кожей с коротким плотным волосом. Растущие ткани рога быстро превращаются в кость. Позже окостеневает верхушка рога. При прекращении притока крови рост рога останавливается, кожа омертвевает, сохнет и очищается. Очищенный рог — мертвая кость, которая прикреплена к живым тканям пенька. Время очистки кожи рогов самцов и самок совпадает с периодом их полового созревания к началу гона. Если снаружи стволы рогов имеют плотную костную ткань, то внутри рога располагается пористая костная ткань. Это придает рогам северных оленей относительную легкость по сравнению, например, с другими представителями семейства оленьих — благородными оленями.

Рога северных оленей, несмотря на высокую степень изменчивости, характеризуются определенной экологической адаптацией.

Сравнение величины рогов диких северных оленей тундровой зоны с величиной рогов северных оленей таежной зоны показало, что у самцов тундровой зоны стволы более длинные, ширина кроны (развал стволов) больше, однако обхват рогов меньше. Данные особенности характерны и для рогов самок.

Визуальная оценка архитектуры рогов показала, что если отростки и выросты у северных оленей из тундровой зоны характеризуются прямолинейностью, то у диких северных оленей из таежной зоны они загнуты внутрь, то есть имеют выраженную крючкообразную форму. Это позволяет северным оленям таежной зоны беспрепятственно перемещаться в залесенных таежных пространствах.

Экстракт из неокостеневших рогов северных оленей — пантов — является основой для производства лекарственного препарата «Рантарин». Он оказывает общеукрепляющее тонизирующее действие, повышает физическую и умственную работоспособность, укрепляет естественные защитные силы человека, понижает его восприимчивость к инфекционным заболеваниям, стимулирует деятельность желудочно-кишечного тракта, нормализует половую функцию. Он обладает противовоспалительным и антистрессовым действием. Его используют при астенических состояниях различного генеза, неврозах, органиче-

ских заболеваниях центральной нервной системы.

Из пантов северных оленей получают медицинский препарат «Велкорнин». Он оказывает стимулирующее и тонизирующее действие как на отдельные ткани, так и на весь организм. Он положительно влияет на венозную церебральную циркуляцию и способствует купированию головных болей, нормализует ночной сон, способствует стабилизации артериального давления у гипертоников, оказывает положительный терапевтический эффект при функциональных расстройствах половой сферы. Препарат обладает выраженным иммуноактивным действием и рекомендуется для профилактики лечения иммунодефицита, в том числе лиц, подвергшихся радиации.

Экстракт из пантов северных оленей входит в состав бальзама «Хейро». Он рекомендуется как тонизирующее средство при упадке сил, физической усталости, расстройстве нервной системы, нарушениях иммунной системы, хронических заболеваниях и лучевых поражениях.

Препараты «Рантарин», «Велкорнин», бальзам «Хейро» были разработаны научными сотрудниками НИИСХ Крайнего Севера СО РАСХН.

Научными сотрудниками Института биологических проблем криолитозы СО РАН, Якутского государственного университета из экстрактов пантов северных оленей получены биофармацевтические препараты «Эпсорин» и «Сибирин», которые по своим биологическим действиям близки к «Рантарину». Их успешно используют при лечении больных хроническим обструктивным бронхитом, туберкулезом. Они способствуют более быстрому выздоровлению больных гепатитом, содействуют нормализации кишечной микрофлоры.

Все названные препараты из экстрактов пантов северных оленей, бальзам «Хейро» рекомендованы Министерством здравоохранения РФ к использованию в медицинской практике.

Оленеводческо-племенное хозяйство «Суриндинский» Эвенкийского муниципального района Красноярского края производит из пантов северных оленей эвенкийской породы мелкодисперстный порошок «Эвенкорон-П», который является прекрасным тонизирующим средством.

Научными сотрудниками НИИСХ Крайнего Севера разработаны технологические схемы производства хлеба и хлебобулочных изделий, обогащенных ультрадисперсным порошком из пантов северных оленей, что необходимо человеку, то есть минеральные вещества, включая кальций, магний, железо.

В июне, во время пропуска северных оленей через кораль, некоторые особи в плотном скоплении (в общем загоне, в предварительном загоне, в рабочей камере) ломают свои окостеневшие рога. В таких случаях оленеводы перевязывают рог ниже перелома шпагатом, а обломанную часть рога обрезают ножом или ножовкой, рану обрабатывают. Собранные панты считаются деликатной пищей. Они покрыты коротким плотным нежным волосом. Поэтому панты обжигают на костре или в печке. Обожженный волос соскабливают ножом. Едят кожу панта от основания до макушки, съедают и его верхушечную часть, состоящую из мягкого хряща. Эта пища, обладая хорошими вкусовыми качествами, благотворно влияет на организм: улучшает обмен веществ, повышает общий тонус, обогащает организм минеральными веществами, витаминами.

Сегодня окостеневшие рога северных оленей используют при производстве медицинского препарата «Цыгапан». Он обладает иммуномоделирующим и антиоксидантным действием; повышает адаптогенные ресурсы; восстанавливает гематологические показатели, нормализует метаболический эффект, включающий коррекцию липидного, белкового и углеводного обмена; восполняет недостаток йода; нормализует функции эндокринных желез, уровень сахара и холестерина в крови; улучшает функцию половой системы; укрепляет и восстанавливает костно-мышечную ткань; снижает накопление остеотропных изотопов, в том числе стронция-90. Данный препарат эффективен при заболеваниях крови, печени, щитовидной железы, при сахарном диабете, иммунном дефиците, язве желудка, остеопорозе, простатите, импотенции. Из окостеневших рогов северных оленей производят качественный клей, а в Китае, Корее порошок из них используют в кулинарии, употребляют в качестве наполнителя при производстве лекарственных средств, применяют в парфюмерии.

Симметричные окостеневшие рога северных оленей весьма высоко ценятся в качестве сувениров. Из окостеневших рогов северных оленей изготавливают оригинальные вешалки, стулья, торшеры, светильники, подставки для ручек и карандашей, ножи для разрезания бумаги, брелоки, бусы, шашки, шахматы, четки и другие изделия. Рога северных оленей – неотъемлемый атрибут масок шаманов. При оформлении северных сувениров художники широко используют различные части рогов северных оленей.

Окостеневшие рога северных оленей широко используют оленеводы. Так, при изготовлении сезонных нарт чукотско-

коряцкого типа, копыльями служат дуги в количестве 6–8. Обычно их делают из оленьих рогов.

Седло, используемое для езды на оленях верхом, состоит из ленчика, подушек и подпруги. Основой ленчика служит каркас из двух луков, которые изготавливают из оленьего рога.

При обустройстве нарты оленеводы при отсутствии металлических колец изготавливают их из оленьего рога. В упряжи широко используют костяные пуговицы (челаки). Кроме костяных пуговиц, упряжь дополняют двумя деталями из оленьего рога. Так, на тасме передового оленя укрепляют специальный крючок. На него во время езды кладут вожжу. Это облегчает оленю нагрузку на голову и исключает возможность оленю заступить за нее. Кроме того, на уздечке передового оленя крепят костяной брусочек, длиной около 8 см с двумя прямыми гранями по 1,5 см, соединенными под острым углом. С другой стороны — брусочек овальной формы. На уздечке он располагается таким образом, что более острая его часть находится под основанием рога, тем самым облегчается управление оленем.

С помощью хорея оленевод регулирует ход движения оленей, запряженных в нарту, устанавливает равномерность тяги каждого животного, в целом — управляет упряжкой. На тонком конце хорея имеется костяное кольцо, которое тоже изготавливают из рога оленя.

Коряки, как и чукчи, вместо хорея используют длинный, эластичный прут. На одном конце прута находится костяная головочка, на другом костяной крючок. Головочкой частью ударяют оленя для ускорения его бега, крючком поправляют потяг, чтобы животному не натерло конечность. Головочку и крючок вытачивают из оленьего рога.

В ездовую нарту на Камчатке и Чукотке запрягают двух оленей. У правого (передового) оленя уздечка снабжена косточками, наподобие коренных зубов, с четырьмя шипами. Это позволяет легче управлять оленем. На изготовление косточек идет олений рог. Оленевод пользуется арканом, который имеет пластинку длиной около 10 см, толщиной около 7 мм, обычно сделанную из оленьего рога.

Верхнюю одежду оленеводы носят с широким ремнем из юфти, который украшают медными и костяными фигурными бляхами из оленьего рога. На поясе подвешены ножны с ножом (ручки ножа, ножны часто делают из оленьего рога), висит шило в чехле из оленьего рога, прикреплен ремешок с запасными костяными пуговицами.

Рога северных оленей, изделия из них пользуются большим спросом как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

По вине редакции в №6 допущена досадная ошибка. В заголовке очерка «Разговор со знаменитым волчатником» вместо Александр Васильевич Большов напечатано — «Большаков». Редакция приносит свои извинения Александру Васильевичу.

С. ТИШКЕВИЧ

Конечно же в камнях и скалах, ответит читатель. И я так думал, но оказывается не всегда и не везде. В этом мне пришлось убедиться, наблюдая в течение недели за жизнью семьи кекликов.

Да, эти горные куропатки, представители отряда куриных, придерживаются скалистых выступов среди редких деревьев и кустарников, растущих на горных склонах, расположенных не ниже 1000 м и не выше 3500 м над уровнем моря.

Ночной и дневной отдых кеклики проводят исключительно на земле, как правило, под отдельными большими камнями или в трещинах скал, где нет деревьев и кустарников. В местах с древесной растительностью птицы на ночь забираются в пыльные площадки под стволы деревьев и кустарников.

В нашем же случае табунок кекликов ночевал на безлесном склоне в пылевых промоинах песчаного грунта. Забирались туда кеклики перед наступлением темноты, особо не шумели и не кричали. Тихо переговаривались, вернее, кудахтали, принимая пылевые ванны и поудобнее устраиваясь на ночлег в этих нишах.

Просыпались птицы с наступлением рассвета, и тут выяснилось, что они очень любят покричать, их громкие, как в курятнике, крики, были слышны издалека.

В природе основной враг кеклика из млекопитающих — лисица. В одну из ночей хищник схватил спящую в самой нижней нише птицу, о чем свидетельствовали перья и следы крови, обнаруженные мною на следующее утро.

Кеклики сразу же сменили место ночевки и провели следующие ночи на отдельно стоящем дереве. Но коротка птичья память, через три дня я обнаружил кекликов на старом излюбленном ими месте ночевки.

...Теперь не охочусь на кекликов, хотя есть возможность и условия. Почему-то просто не поднимается рука с ружьем на эти удивительные украшения горной природы.

Перечитывая Р.Ф. Гернгросса и немного о своем

С. БЕРМАН

Каждый год, при возвращении осенью из деревни в Москву, меня знакомят с очередным проектом Правил испытаний легавых собак по болотной и луговой птице. В большинстве этих проектов предлагается изменение правил в сторону послабления требований к получению дипломов высоких степеней, утверждая, что иначе легавые собаки пропадут. И только в прошлом 2013 году мне предложили ознакомиться с новым Проектом, предложенным Е.Н. Смирновым. Это наиболее серьезный труд, который повторяет, по моему мнению, старую ошибку, уже имевшую место в отмененных правилах с отдельной графой — «Отношение к выстрелу».

Ознакомившись с предлагаемым проектом, я решил вновь перечитать Р.Ф. Гернгросса — «Доклад Всесоюзному съезду кинологов в Москве 1926 года», в котором отмечено: «Ведение породы с известными определенными и полевыми качествами не может быть успешно, если не выработан комплекс идеальных качеств, требуемых от собачьей породы, предназначенной для известного вида охоты».

Эти требования могут быть успешно выработаны только коллективным разумом, практикой и теорией, разработанной всеми интересующимися этим делом. Эти требования должны быть закреплены на некоторое более или менее значительное время и должны иметь обязательное значение для всех испытаний. Иначе дело долгое время не выйдет из сферы исканий и личных индивидуальных вкусов, с их бесконечным разнообразием, и не даст твердых общих результатов, исследование и анализ которых даст основу для дальнейшей работы. Этой общезначительностью никому не возбраняются пробы и искания, — более того, они желательны — но пока они не проверены коллективным целым, пока они не получили общего признания, сторонникам их не удалось убедить большинство в их необходимости, они должны оставаться их личным делом и не могут быть положены в основу ведения породы, как общего дела всех охотников, всего Союза».

Думаю, что не найдется ни одного любителя легавых собак, который бы не согласился со мною в том, что Г.И. Ильин испытал в поле самое большое количество легавых собак, принимая во внимание всех экспертов и все испытания, проводившиеся на территории России со дня первых испытаний. И вот, за все время знакомства с этим рекордсменом испытаний, а это более 45-ти лет, я ни разу не слышал от него

Р.М. Суфиянов со своим питомцем ястребом-тетеревятником Сашкой

мнения об изменении Правил испытаний легавых собак по болотной и полевой дичи, утвержденных в 1981 году.

Я вспомнил об этом только потому, что за десятилетия совместного судейства в поле, у меня с ним никогда не возникали разногласия по поводу толкования тех или иных граф расценочной таблицы. Даже тогда, когда отмечали так называемые «гусевские» правила из-за присутствия в них графы — «Отношение к выстрелу», **Наши мнения были идентичны — подобной отдельной графы в Правилах испытаний быть не должно.** По нашему мнению, и по мнению всех ратующих за отмену «гусевских» правил, отношение собаки к выстрелу есть чисто постановочная характеристика собаки, зависящая только от дрессировочного процесса, «т.к. легавая подружейная собака является необходимым и удовлетворяющим поставленной цели помощником человека в охоте за птицей только в том случае, если она вполне подчиняется воле охотника, то одним из самых важных природных свойств собаки является способность собаки усваивать требования охотника и склонность подчиняться им, что зависит от ума, так и от характера собаки. Прочие природные свойства могут быть очень высокими, но останутся совершенно не использованными, если собака не отдастся охотнику». (Р.Ф. Гернгросс).

Эти слова приходят на ум всякий раз, когда я начинаю размышлять о предназначении легавой собаки, начинаю вспоминать о том, кто приобрел собак легавых пород во время появления их в дореволюционной России. Это были люди, относящие себя к интеллигенции, мелкопоместное дворянство или члены императорской фамилии, т.е. те люди, которые выходили на охоту не для промысла, а для счастливого времяпрепровождения. Во время нахождения с собакой в лугах охотники растворялись в природе и в уме творили великие вещи. Наверное, поэтому некоторые владельцы легавых собак не удовлетворяются выстрелом, им нужны более острые впечатления, и они заменяют ружьё ловчей птицей.

Лучшим представителем этих людей — из тех, кого я знаю — является владелец легавых собак — дратхааров Р.М. Суфиянов. Я считаю необходимым отметить, что его дратхаары трёх поколений получали в поле при работе по птице дипломы 1-ой и 2-ой степеней. Именно поэтому с ними можно было спокойно охотиться и с ловчими птицами.

И вот однажды после совместной натаски собаки и ястреба тетеревятника, в которой я принимал участие в качестве ассистента, мне приснился великолепный сон — почти как первый сон Веры Павловны из романа Чернышевского «Что делать». Открытие охоты 25 июля. Рано утром я беру

собаку и ловчую птицу и иду в покрытые туманом поля. Пущенный в поле кобель пошел в поиск небыстрому красивым галопом, медленно поворачивая голову из стороны в сторону, т.к. не чувствовалось даже малейшего колыхания ветерка. С подъёмом солнца стал подниматься и туман, а вместе с этим появился и ветерок. Поиск собаки стал более целенаправленным и вскоре кобель прихватил запах птицы и потянул на ветер. Пройдя шагом около 5-ти метров, кобель, выразительно подняв морду, стал. Подойдя к собаке с правой стороны, я снял с ястреба клубочек и послал собаку «Вперед!» Быстрый бросок и вот коростель в воздухе. Чуть провёл руку с ястребом вперед для того, чтобы он воззрился на добычу, отпускаю должники. Мы с собакой стоим на месте и смотрим, как ястреб догоняет коростеля и с переворотом хватает его когтями, после чего падает в траву. Всё это происходит на расстоянии 50-ти метров от нас, так что место падения ястреба в не выкошенной траве определить было затруднительно. Уверенный в вежливом отношении собаки к ястребу, я посылаю собаку в поиск. Буквально через секунды собака стоит над птицами. С выпрыгивающим от волнения из груди сердцем я подхожу к собаке, наклоняюсь к ястребу и принимаю его с коростелем на руку.

Подобная картина с различными вариациями поведения птицы в воздухе повторяется несколько раз, после чего я обессиленный падаю спиной на копну сена. Закрываю глаза и в уме прогоняю увиденные сцены охоты. Сколько времени я провел в таком состоянии сказать сложно. В конце концов я открываю глаза и где-то высоко-высоко вижу парящего в небе коршуна, который, как мне кажется, тоже любовался сценами охоты и в подтверждение этому с неба доносятся слова: «Мы с тобой одной крови — ты и я». Получал ли кто-нибудь и когда такую оценку своей работы!?

После «залова» нескольких птиц я дал ястребу поклевать в «ползоба» и направился домой. Чувство гордости переполняло меня, а в ушах звенело послевоенное дворовое двустийе: «Кто сказал, что чай не пьём, не едим мы сдобного? Кто сказал морковь грызём — ничего подобного!»

Теперь немного о своем. По моему сдержанному мнению, о необходимости смягчения требований к присуждению диплома первой степени ратуют те эксперты, которые сами не имели перводипломных собак. Ни один владелец перводипломника не станет говорить, что или птицы не так пахнут, или ветер не так дует, или перемещенная не так села. Не слышал я такого никогда. А вот гордость за своего питомца, сработавшего птицу на диплом Первой степени, несмотря ни на какие-либо препятствия или обстоятельства, я слышал постоянно.

Вряд ли кто будет спорить, что собака, получившая в поле диплом 1-ой

степени, является выдающейся собакой. А выдающиеся собаки, так же как и выдающиеся натаски и вообще все выдающееся в этой жизни, явление исключительное. Вот и среди поголовья любимой мною породы дратхаар с 1964 года и по сей день было в Москве всего 16 собак, имевших дипломы 1-ой степени по полевым испытаниям по болотной и луговой дичи. И с чувством великой гордости я перечислю их. Это: Дон 1016/жл рожд.21.08.63, вл. Чернецов А.М., Граф 1052/жл рожд.09.03.68, вл. Берман С.Л., Джин 1205/жл рожд.01.02.71. вл. Сметанин Н.Н., Артус фон Хазенганг 1279/жл рожд. 29.01.79., вл. Борисов Б.И., Лайф 1319/жл рожд.20.02.80., вл. Берман С.Л., Грей II 1710/жл рожд. 02.05.87., вл. Любомудров Д.К., Рэй 1983/92 рожд. 29.04.90., вл. Запорин К.А., Бэн 2121/93 рожд.04.10.91., вл. Романов И.Е., Дези 2695/99 рожд.07.01.98., вл. Суфиянов Р.М., Рэй 2322/96 рожд.23.11.94., вл. Попков А.А., Герда-Джиральда 2762/00 рожд. 05.09.99., вл. Казаков Г.К., Арико 2858/01 рожд.03.03.00. вл. Товмасын М.А., Джокер 3210/04 рожд.26.02.03., вл. Знобишин К., Муми-Троль 3306/05 рожд.26.02.03., вл. Мещанкин М., Рон 3797/08 рожд. 14.11.06., вл. Семенов М.Д., Рэм рожд.01.02.76.. вл. Черкай С.Д. Исходя из дат рождения собак, видно, что перводипломники рождаются примерно раз в четыре года, а это не так уж и редко для выдающихся собак.

Теперь о теоретических измышлениях относительно дальности причивания. В свое время я лично слышал от Е. Смирнова очень понравившееся мне словосочетание: «Прихватила вчистую!» и стал им сам часто пользоваться. Мне кажется, что на обучении молодых экспертов именно на понимании таких тонкостей и следует обратить внимание, а не на псевдонаучных измышлениях относительно распространения запаха от сидящей птицы по мере удаления от неё. Рассмотрим гипотетический случай, часто встречающийся на испытаниях и охотах. Собака находится в поле в поиске. Ни она, ни члены экспертной комиссии, ни ведущий не имеют представления ни о месте нахождения птицы, ни о её количестве, ни о её распределении по полю. И вот на одной из параллелей собака прихватывает запах и сходит с параллели на ветер, замедляя свой ход. Голова собаки с шеей вытянута на уровне спины, глаза и уши устремлены вперед. И вдруг то ли искра пробегает по телу собаки, то ли стержень пронизывает позвоночник от носа до копчика — состояние собаки меняется — именно в этот момент собака прихватила конкретный запах, «прихватила вчистую». Именно с этого места следует начинать считать дальность. Я так думаю.

А вот совсем другой вариант работы собак в поле. Вспоминается эпизод на Московских областных межпородных состязаниях в 1975 году, когда,

работая по собственно перемещенному дупелю на росистой отаве, перводипломник Граф 1052/жл дважды прошел под точно замеченным местом посадки дупеля, «ни ухом, ни рылом», не прихватив и толики запаха птицы — за что и получил более низкий диплом. Следующим был вызван тоже перводипломник пойнтер Шнеп С.И. Кремера. Кобель пошел быстрым, легким и энергичным галопом, широкоими параллелями глубиной до 12 метров. На четвертой параллели кобель прихватил запах птицы, протянул прямо на ветер к месту посадки птицы. Протянув около 7-ми метров, Шнеп выразительно стал. Посылу ведущего собака подняла в 4-х метрах птицу на крыло, которая снялась точно из-под замеченной кочки. Такое можно объяснить только тем, что после проходов Графа птица или шевельнулась или повернулась под кочкой. Отсюда и появление запаха. А можно и ничего не объяснять — ведь никто не видел, что сделала птица. В таких случаях необходимо всё принять как должное.

«Бессспорно, когда мы занимаемся установлением каких-либо общеобязательных правил, всё должно быть обосновано, всё проверено, иметь своё основание и т.д., но есть *modus in rebus*, есть мера, дальше которой идти нельзя».

Рассуждая о разной дальности прихватки разных птиц, и В. Бедель, и Е. Смирнов исходят из догматических предположений, теоретически не проверенных, о влиянии влажности воздуха и количества запаховых частиц, попадающих собаке в обонятельный орган. Но как же тогда можно объяснить разную дальность причивания одной и той же собакой на одном и том же поле, практически в одно и то же время, дупеля и перепела. Правильно говорили древние философы — чем больше мы познаём — тем меньше мы знаем. Вероятно, только большее количество отсуженных собак и большее время, проведенное на охотах по перу, да ещё способность человека аналитически мыслить могут привести к минимизации количества ошибок при экспертизе собак в поле. Честно говоря, я не видел в поле ни одну женщину-эксперта, которая записывала бы свои наблюдения за поведением собаки, ведущего и птицы в поле во время испытаний, да и мужчины-эксперты этим не балуются. Откуда тогда взяться правильному анализу и правильным выводам? Вот и перестраховываются эксперты в присуждении дипломов высоких степеней — ведь за диплом 3-ей степени никто ругать не будет. И если вспомнить экспертов, присуждавших моим собакам дипломы 1-ой степени, то это будут — многоопытные эксперты и охотники с легавыми по перу В.В. Дубинин, В.К. Соменов, М.А. Селаври, Г.К. Казаков. Если кто их помнит или слышал о них, тот поймёт о каких людях идет речь — трое из них сами были владельцам перводипломных собак.

Ещё раз обращаюсь к Р.Ф. Гернгроссу: «Полевые испытания имеют целью:

1) выяснив природные полевые качества испытываемых собак, указать оценкой их в данных собаках степень пригодности их как производителей, т.е. произвести отбор производителей и тем развить и улучшить природные полевые качества подружейной собаки;

2) выработать и распространить наглядным путем правильные приемы дрессировки, насколько она необходима и способствует проявлению и развитию этих природных качеств... Поэтому Правила должны не только указать все необходимые свойства полевой подружейной собаки, но и определить их удельный вес, т.е. их сравнительное друг с другом значение в понятии легавой подружейной собаки, как полевого работника. Иначе это понятие может быть сильно извращено индивидуальными взглядами судей».

Так все же следует ли менять Правила испытания легавых собак или нет? Мне кажется, что в Правила можно вносить поправки, как в американскую конституцию, но менять их не следует. И верно отметил В.В. Бебель: «Следует отрицательно отнестись к пересмотру баллов расценочной таблицы. Она существует уже более ста лет и позволяет сравнивать полевые качества легавых собак за весь этот период, чего мы лишимся, изменив таблицу».

Комментарий редактора

Среди экспертов по легавым собакам разговоры о необходимости смягчения требований к присуждению диплома первой степени не возникают. Речь идет только об уточнении отдельных положений в правилах испытаний или объяснении отдельных терминов. Это было сделано комиссией собраний в МООиР квалифицированных экспертов под председательством эксперта всесоюзной категории В. Беделя в 2008—2009 гг. При этом речь об изменении расценочной таб-

лицы даже не возникала и, конечно, менять ее не следует.

Комиссия высказала свое отрицательное отношение к введению в таблицу новой графы — «отношение к выстрелу», считая, что отношение собаки к выстрелу четко записано в правилах испытаний п. 17: **«Собака снимается с испытаний... при боязни выстрела».**

Что касается собак, получающих дипломы I степени, как показал С. Берман в своей статье, то за последние 7 лет ни один дратхаар не получил такого диплома. Насколько мне известно, то и в других породах дипломы I степени практически не встречаются. И все это из-за отсутствия «точно замеченной перемещенной птицы», по которой для получения диплома I степени должна сработать легавая собака. В то же время в каждой породе имеются отлично работающие «перводипломницы», которые не получают достойной оценки своих качеств.

В последние десятилетия значительно сократилось количество охотничьих угодий, в которых можно проводить оценку работы легавых собак — лучшие низинные угодья застраиваются человеком, поймы рек — основные местобитания дупеля, зарастают кустарником и молодым лесом из-за сокращения площади сенокосов и выгонов рогатого скота. В результате остаются только незначительные участки, где можно оценить работу легавой. И на этих интенсивно эксплуатируемых участках дупель ведет себя совершенно нехарактерно — после отработки собакой птица далеко отлетает или исчезает из вида, или садится так далеко, что посадку «точно замеченной перемещенной птицы» определить невозможно. Что касается остальных птиц, используемых для определения дальности чутья (перепел, серая куропатка, коростель...), то после посадки они, как правило, не остаются на месте, а отбегают на некоторое расстояние. В результате достойные собаки не могут получить

диплом I степени, и для легавых остаются только два диплома, характеризующие их работу — диплом II степени и диплом III степени.

В то же время Ф. Гернгросс, к высказываниям которого регулярно обращаются эксперты по испытаниям легавых собак, категорично не требовал обязательной работы легавых по перемещенной птице для получения диплома I степени. В середине XX в. были утверждены правила в следующей редакции: «Для выявления охотничьих качеств легавой собаке предоставляется не менее двух птиц. Большое число необходимых работ определяется по усмотрению экспертной комиссии. В числе работ, даваемых собаке, **желательна** работа по перемещенной птице. При этом подчеркнут еще раз, **желательна** при присуждении диплома **любой** степени (В. Бебель, ж. «Охота и охотничье хозяйство», № 7, 2011 г.), но не обязательна».

Комиссия под руководством В.В. Беделя предложила вернуться к трактовке пункта правил, в котором для получения диплома I степени подчеркивалась желательность работы легавой по перемещенной птице, но не обязательность. Этот обновленный вариант правил был обсужден на заседании ВКС в 2009 г., принят с помощью голосования, но... не утвержден, поэтому до настоящего времени используются Правила 1981 г. Может быть при отсутствии перемещенной птицы дипломы I и II степени разрешить присваивать только опытным экспертам, имеющим квалификации не ниже II категории? Опытный эксперт уже за первые десять минут видит все элементы работы собаки и может даже предсказать дальность ее чутья. Но не следует думать, что без нахождения птицы можно полностью определить все элементы работы, однако лишать собак возможности получения диплома I степени только из-за отсутствия перемещенной птицы тоже неправильно.

Л. ГИБЕТ

Охоты на Кубани с ягдперьером

Сергей ДЕМЧЕНКО, Канада

Я заметался в поисках ягда. Почему?.. Не знаю, но я хотел именно ягдперьера. Перелистав море литературы, перечитав стопы журналов, я пришел к выводу, что эти бесстрашные и безрассудные бойцы смогут быть мне очень хорошими помощниками при охоте на норных животных.

Сказано — сделано. Я позвонил друзьям-собачникам и сразу же получил приятные известия. Продается ягд, рабочий, 3-х годовалый, имеет 3 диплома 1 ст. по лисе и 3 ст. по барсуку. Радости моей предела не было. Наутро я был у хозяйки. Не торгуясь забрал Чипа, так звали мою новую собаку. Но, как ни велика была моя радость, все

же у меня хватило такта спросить: «Почему же все-таки продаете?»

Явно не раскрывая душу она ответила, что хозяин недавно умер, в связи с чем держать двух рабочих ягдов ей ни к чему, да и накладно. Я попросил показать второго, сразу же получил ответ, что он не продается. Второй был явно старше. На его морде не было живого места, взгляд был серьезен и строг. Ко мне он не подошел, хватнув моего запаха из-под ветра и махнув раз, для приличия, обрубком хвоста. По внешнему виду я понял, что собачки эти нешутейные, но будучи не большим специалистом по норным я не понял насколько нешутейные.

Неделю я ждал предстоящей охоты, причуя к себе собаку. Первый же выход решил не рисковать, учитывая, что еще недостаточно хорошо знаю собаку, да и она меня, поэтому решил пройти по зайчику, попутно может встретить еще что-то из дичи.

Погода была, по-кубански, осенняя. Черная пашня струилась поднимающимися испарениями, лесополосы синели зарослями терна, усыпанного зрелыми синими ягодами в восковом налете. На них жировали дрозды, весело переговариваясь и отмечая беспокойными криками путь собаки в зарослях. Вдруг громкий взлет с характерным «ко-кок, ко-кок» и сразу же

На морде не было живого места, взгляд был серьезен и строг

Фото В. Животченко

работа собаки по фазану. Петух раскачивался на тонкой ветке, глядя на собаку, а Чип отдавал доносчивый, породный голос по сидячей птице. Классическая работа лайки по боровой птице. Я был приятно удивлен и петух, конечно же, стал нашим первым общим трофеем. Чип был очень вежлив к птице, придавив ее, сразу же позволил мне взять фазана. Пройдя немного рядом и убедившись, что дичь на месте он ушел в поиск. Я не видел его хода, но постоянно слышал впереди себя тревожные переговоры дроздов, отмечавших его ход.

Заяц вымахнул из лесополосы метрах в 60 и пошел, пританцовывая, через пахоты, как это могут делать только матерые степные русаки, то надавая и прижимаясь к земле, то, наоборот, с силой отталкиваясь и подлетая. В тот же момент я услышал гон. Чип отдавал голос и шел по следу, верно держа ходовой след зверя, но значительно отставая от него. Гон ушел вдаль к предгорью, и я заволновался: придет ли собака? Больше всего я переживал о том, чтобы ему не встретились норы вдалеке и он не ушел в них незамеченным. Но все закончилось благополучно. Вскоре Чип был с нами. Я был удивлен вторично. Что ж, начало положено, следующий выходной — норы!

Языки желтых оползней уходили с кубанских круч к воде, они топорщились безобразными глыбами обвалившейся глины, поросшими шарами пережаты-поля, релейников, польни. Все это было переплетено ежевикой и хмелем, кое-где все это покрывали тростниковые дебри, через которые человеку пробраться было невозможно, зато лисы чувствовали себя здесь комфортно, роя норы в расщелинах и проделывая ходы под всей этой буйной растительностью.

Норы располагались высоко под кручей, они были видны песчаным светлым выгребом, были и сложные, т.е.

имели 5—6 входов. Место казалось идеальным для охоты. Мы расположились над норами. Чип влетел с ходу и начал работать от входа с голосом, но почти сразу же замолчал. Мы ждали выхода зверя. Но зверь не выходил. Руки затекли от долгого напряжения, стволы начали клевать.

Я заперезживал. Прошло уже около получаса, а из норы ни звука.

Наконец я не вытерпел, пошел слушать. Во всех отнорках стояла гробовая тишина.

Что делать? Собаку жалко... Начал звать, потом стрелять. Ни звука.

Просидели мы возле норы около трех часов... Чип вышел из норы тихо и незаметно. Я увидел его уже возле себя. Морда была, как валенок, глаза заплывшие. Но смотрел он на меня с чувством исполненного долга. Я не понял, что тогда произошло.

Неделя ушла на лечение. К следующему выходному он был опять в боевой форме, строго и весело поглядывая на меня в ожидании охоты.

Я уехал в степь. Норы нашли быстро в лесополосе. Были они просты с двумя отнорками и неглубокие, что давало мне возможность хорошо слышать работу собаки.

Работать он опять начал с запуска, но почти сразу же замолчал. Я оставил свою позицию и подошел к норе. Подомной раздавался странный звук: "тук-тук, тук-тук, тук-тук". К своему ужасу я понял, что это такое... Это кобель-перводипломник, работает в искусственной норе на диплом первой степени, т.е. с хваткой по месту, а тук-тук делала голова лисицы по стенам норы, вся проблема была в том, что "крышки на норе не открывались". Холодало. Машина была далеко, но нам ничего не оставалось, кроме как ждать его. Чип вышел часа через два — три. Был абсолютно цел, что говорило о правильной моей догадке в части диплома. Лиса же осталась в норе не добытой.

Мы промерзли до костей и решили в этот день больше судьбу не испытывать, а уйти "потоптать" зайчика. С этим мы справились успешно, рядом были сады, и зайца в них водилось превеликое множество, но Чипа я с собой уже не взял, а оставил на охране транспорта. С тех пор я старался охотиться с ним только поверху.

Он прилично работал фазана, гонял зайца. В очередной раз мы шли по лесополосе, гладкой и ровной, без наносов чернозема, в котором лисы устраивали свои норы. Чип тщательно искал впереди, на правильно челноке обыскивая перед нами заросли. Потом вдруг рванул вперед с голосом и... замолчал. Мы прошли метров сто и обнаружили норы. Множество старых нор, которые устраивают звери, из поколения в поколение выводя молодь в этих местах. Вначале я слышал его работу, находясь над ним, но потом кобель ушел глубже и все смолкло. Погода была теплой. Золотисто-серые акации стояли ровными рядами на страже развивающейся под землей

драмы. Мы ждали до вечера, потом, оставив на месте стоянки какие-то вещи уехали.

Я плохо спал эту ночь. Наутро, взяв фокса, поехали на норы. Собаки не были. Оставленные нами продукты и вещи лежали не тронутыми. Мы пустили фокса и услышали его работу вдалеке от места входа в нору. Что делать? Только копать... Фокс вышел, отряхнулся, вытер морду о траву и вошел опять. Начали шурф на месте возобновившейся работы.

Первым мы увидели громадного мертвого лисовина, прокопав шурф около двух метров глубиной, вернее его хвост в открывшейся норе, но не смог его вытащить, т.к. его голова была повернута назад, туловище согнуто пополам и он заклинил проход. Решили рыть в сторону противоположную его ходу и сразу же нашли Чипа. Он еле шевелился и еле дышал, одного глаза не было, морда была прокушена. В суете мы забыли о фокстерьере, но потом услышали его рычание в норе за Чипом и выволокли оттуда еще одну лисицу и треплющего ее фокса. Она была еще жива, но примерно в таком же состоянии, как ягд. Вскоре Чип погиб.

Я позвонил друзьям и поведал им все, что случилось с собакой, за короткий промежуток времени нахождения у меня. В ответ я услышал историю этой собаки.

Эксперт-кинолог по норным Павел был заядлым норником-барсучатником. Далеко не все понимают этот вид охоты (я отношусь тоже к этой категории), когда твой основной инструмент — лопата. Норные очень быстро находят барсука, загоняют его в котел и тебе только остается вырыть шурф метра два глубиной над работающими собаками, перекидав пару тонн грунта, выдернуть их оттуда быстро и дожидаться с ружьем или лопатой, когда из норы вылезает озадаченный зверь: Куда же подевались собаки? Казалось бы очень просто.

Павел был опытным профессионалом. Норы, где окопались барсуки, он знал давно, регулярно там брал зверя, аккуратно восстанавливал их после охоты. Они располагались на возвышенности, вдалеке от населенных пунктов. Прибыв на место пешком, он спустил с поводка собак и стал слушать... Собаки прошли круг и остановились в одном месте. Для верности, постукав сверху по земле и начав копать, с целью стронуть зверя, он убедился, что зверь в тупике. Шурф получился достаточно глубоким, хотя для сильного мощного парня не составило большого труда дойти и открыть нору. Экономя свои труды, он не стал сильно расширять яму. Увидев работающих собак, он лег на край шурфа и по очереди выбросил обоих кобелей наверх, схватил ружье, в ожидании выхода барсука и... барсук не заставил себя долго ждать. Выстрел. Зверь остался на месте. Так закончилась последняя охота Чипа со своим хозяином.

Знаменитые ружья «Эдуард Кеттнер»

Юрий МАСЛОВ. Иллюстрации из архива автора

Торговый дом Eduard Kettner, Köln

Первый из семейного клана Кеттнеров, о котором сохранились упоминания — Себастьян, работал главным лесничим в охотничьих угодьях под Дюссельдорфом. Его девятый ребёнок, также лесничий, Рудольф (1683—1769) в конце XVIII столетия пережил знаменитый «олений праздник» — бунт крестьян против охотничьих прав германской аристократии. В семейной хронике Кеттнеров упоминаются нотариус и аптекарь, но большинство представителей фамильной династии так или иначе были связаны с оружейным ремеслом. Жили они в землях по Рейну, отличались жизнерадостностью, остроумием и чувством собственного достоинства. В середине XIX века Кеттнеры-оружейники оседают в Кёльне.

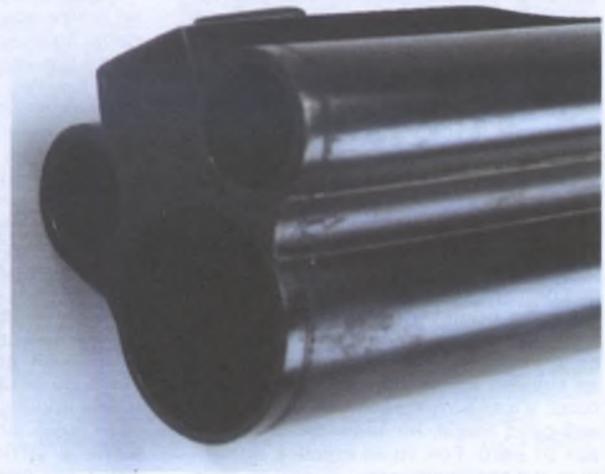
В январе 1884 г. правнук того самого лесничего — купец Франц Отто Юлиус Кеттнер (1852—1935), стажировавшийся на фабриках Кристиана Штурма и Й. П. Зауэра в Зуле, учреждает в Кёльне всемирно известную торговую компанию, названную в честь отца — Эдуарда Кеттнера (Eduard Kettner, 1811—1888).

Фирма доставляла по почте оружие, вещи и принадлежности, которые требовались для охоты. В мастерской на заказ изготавливали различные типы ружей из частей, заку-

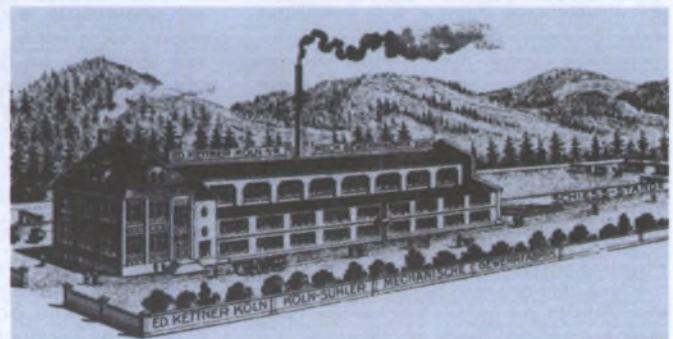
павшихся, очевидно, в Зуле. Как и многие германские оружейники конца XIX века, Франц Отто Кеттнер отдавал предпочтение трёхстволкам, причём с разной комбинацией стволов (илл. 1, 2, 3). В начале XX века он приобрёл в Зуле оружейную фабрику (илл. 4). Тогда-то и появились первые тройники с маркой ED. KETTNER KÖLN A/RN — SUHL, собранные из собственных комплектующих.

По торговому обороту предприятие уступало заводу J. P. Sauer & Sohn, и всё же, к началу Первой мировой войны фирма освоила широкий ассортимент гладкоствольных и комбинированных ружей — от самых дешёвых курковок

Илл. 1 и 2. Тройник-штуцер (около 1900 г.) с двумя верхними нарезными стволами под патроны с чёрным порохом и свинцовую безоболочечную пулю. Запирание стволов тройное с нижним рычагом Рукса, замки «в шейку» с длинными двухъярыми боевыми пружинами. Перевод правого курка с верхнего нарезного на нижний гладкий ствол осуществляется поворотом верхнего ключа. Мотивы сюжетной гравировки, техника и качество исполнения аналогичны декору на оружии J. P. Sauer & Sohn

Илл. 3. Гравюра тройника из дореволюционного прейскуранта И. И. Чижова
Илл. 4. Оружейная фабрика в Зуле (гравюра первой четверти XX века)

Ружейная фабрика и торговля И. Ф. ПЕТРОВА.
Ижевский завод, Вятской губернии.

517. Садочной ружья башуркины по системе Галланд, Голландия. Фабрика Эдуарда Кеттнера, Идель на Рейне. Ружье это рекомендуется для серьезных любителей садочной стрельбы и сильная охота. Мало распространенным у нас в России, за границей в ружья этой фабрики пользуются большой популярностью. Стволы стальные специально стали Ирунна, воль милопо три ямыла. Детали очень красивые, с изразилы «качественно», по системы Голландия для выстрели ствольной палки сильной инвентар, зенки усложнены, прекрасной работы и качества. Ложа орлямова английская, красивого рисунка. Все ружье выделано точной работой в орлямовой аска частей медянны. Высота добротности материала, и качество в бой и красная выделана отшлифована — ставит это ружье в ряд с лучшими ружьями той же системы. Стволы стальные оба чиста, длина патронника 70 см. Вязь ст. в по 9 футов. 500 р.

5

до дорогих садочных бескурковок (илл. 5), тройников и четырёхстволок. Механическая фабрика в Зуле (Suhler mechanische Gewehrfabrik) была оснащена новейшими механическими станками с электрическим приводом, поэтому продукция отличалась высоким качеством.

Удобные в обращении рабочие ружья с отличным боем пользовались популярностью и успешно конкурировали с оружием от J. P. Sauer & Sohn. По конструкции «кеттнеры» почти не отличались от зауэров, а в высших моделях выглядели даже посolidней. На самые дорогие бескурковки ставили замки на боковых досках системы Голландия, что для немецкого оружия тех лет было, в общем-то, не характерно. Двустолки среднего класса, или как тогда говорили, «среднего разбора», очень ценили и российские охотники. Рабочие двустолки и, особенно, тройники нередко передавались от отца сыну, а то и внуку. Правда, высокой живучестью большинства ружей не отличалось, поэтому так мало сохранилось действующих экземпляров. Кроме того, ресурс оружия среднего достоинства невелик, а ведь многим «кеттнерам» в условиях изобилия дичи и интенсивной охоты пришлось пережить революцию, разруху, годы гражданской и двух мировых войн.

Обычно в фабричном прейскуранте помещалось по несколько гравюр однотипных ружей с описанием внешне-го вида, характеристик, эксплуатационных качеств (илл. 6). Большинство двустолок, бьюксфлинтвов, тройников поступало на рынок под торговой маркой Rhenus, наносившейся на казённую часть стволов.

Rhenus — латинское название реки Рейн, который в период Римской империи играл важную стратегическую роль, являясь главным транспортным коридором между Средиземным и Северным морем. Очевидно, маркой Rhenus обозначали собственную продукцию, целиком разработанную и изготовленную в стенах предприятия в Кёльне. В охотничьей периодике и каталогах можно обнаружить лестные отзывы о качестве исполнения и бое «кеттнеров». К сожалению, с тех пор сохранились преимущественно садочные ружья, трепетно сберегаемые наследниками.

«Кеттнеры» высокого разбора стоили дорого. Незадолго до Первой мировой войны ижевский предприниматель И. Ф. Петров предлагал простые по отделке садочные ружья по 500 рублей за штуку, в то время как самую престижную зауэровскую бескурковку — «Модель XVIII» под названием Meisterwerk, что значит «шедевр» — за 450 рублей. Для

7

Selbstspanner-Gewehre

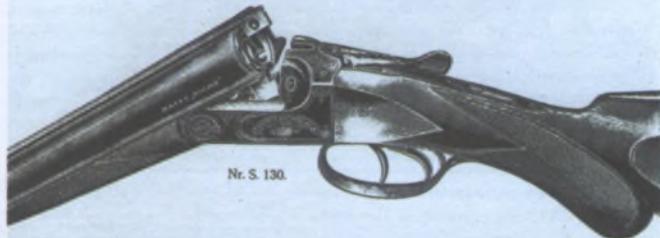
System Anson & Deeley --- Marke „RHENUS“

Auch diese Gewehre werden in größter Vollendung von mir hergestellt. Alle Teile sind als Präzisionsarbeit angefertigt, daher sauberes Passen der Verschlüsse, dauernd gute Funktion und Haltbarkeit. Alle Läufe werden sorgfältig auf Schußleistung geprüft, und gelangen nur Gewehre zum Verkauf, deren Schußleistung allen Anforderungen genügt.

Die verschiedenen Schußleistungen sind auf der zweiten Umschlagseite näher verzeichnet.

Alle Doppelflinten haben Nußbaumschaft mit Pistolengriff und Backe, auf Wunsch auch englische Schätzung ohne Backe.

Alle Doppelflinten haben die staatlich vorgeschriebene Haltbarkeitsprobe bestanden und tragen die staatlichen Beschußstempel für Schwarzpulver und rauchloses Pulver.

Nr. S. 130.

Nr. S. 130. Selbstspanner-Doppelflinte, System Anson & Deeley, Läufe aus besten Kruppischen Flußstahl, linke Wärgbohrung, vierlacher Verschluss mit Greener-Querriegel durch den übergreifenden Schienenzapfen, Verschlussstück mit Seitenblenden zum Schutz gegen seitliche Laufbewegungen, Schließe- sicherung auf dem Kolbenhals, einfach, aber in allen Teilen sauber und kräftig gearbeitet, kleine englische Gravier, ein wirkliches Gebrauchsgewehr. RM 170,—

Nr. S. 131. Dieselse Doppelflinte, aber mit selbsttätigem zweiläufigem Patronenauswerler (Ejektor), der die abgeschossenen Patronen selbsttätig auswirft. Unbedingt sichere Funktion. RM 200,—

Nr. S. 140.

6

сравнения: в те годы за такие деньги можно было купить стадо скотины. Корова, например, стоила около 25 рублей, овца — трёхку...

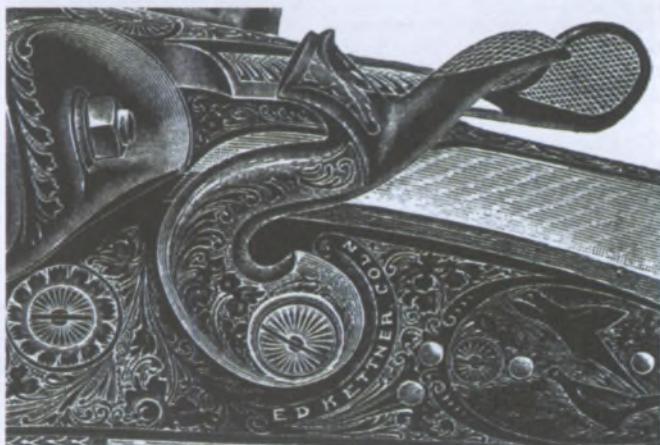
На ружьях компании конца XIX — первой трети XX века встречаются разные фабричные логотипы и надписи (илл. 7 и 8):

на правом стволе: ED. KETTNER, на левом стволе: COLN — SUHL; либо на правом стволе: MECHANISCHE — GEWEHRFABRIK, на левом стволе: EDUARD KETTNER COLN — SUHL; либо

Илл. 5. Гравюра садочного ружья из дореволюционного прейскуранта И. Ф. Петрова

Илл. 6. Гравюры и описание ружей из фабричного каталога Eduard Kettner 1920-х гг.

Илл. 7, 8. Фабричные надписи на «кеттнерах» в конце XIX — начале XX столетий

8

9

10

на прицельной планке: ED. KETTNER KOLN — SUHL; на боковинах коробок или на замочных досках вокруг курков: ED. KETTNER COLN либо ED. KETTNER SUHL.

Как видите, в одни и те же годы город Кёльн писали то через **С**, то через **К**; в фабричном логотипе в одних случаях фигурировал город COLN, в других — SUHL. С чем связана разнотипность маркировки, сейчас сказать уже трудно. Правда, в хронике Ed. Kettner упоминается местечко Порц, пригород Кёльна, в котором имелась вторая фабрика, и очевидно, в первом случае так маркировалось оружие, поступавшее на рынок из Кёльна, во втором — из Зуля.

После Первой мировой войны фирма некоторое время ещё выпускала двустволки, тройники и бьюксфлинты под маркой Rhenus, но в условиях обострившейся конкуренции со стороны мелких зульских производителей сбывать изделия стало нелегко. Гораздо более прибыльным занятием выглядела посылочная торговля, тем более, что среди основных конкурентов были только «Франкония» и «Альбрехт Кинд».

Постепенно деятельность обеих фабрик сворачивается, а летнее утро 30 июня 1943 г. стало последним существованию дочернего предприятия под Кёльном: производственные корпуса в Порце были разрушены во время очередного налёта авиации союзников.

После окончания войны была национализирована и фабрика в Зуле, которая оказалась в советской зоне оккупации Германии. На этом фактически закончилась история одного из популярных германских производителей охотничьего оружия. Но не торгового заведения.

Наступили три послевоенных года — время между концом второй мировой войны и разделом Германии. Западная часть страны находилась в оккупационной зоне английских, американских и французских войск. В восточной части прочно обосновалась Красная Армия. Летом 1945 г. из русского плена возвращается Гельмут Бюринг, бывший офицер вермахта. На этой личности стоит остановиться, тем более, что история семьи Бюринг тесно переплетается с другими производителями, ружьями которых пользовались советские охотники.

Ещё в 1925 г. компанию «Эдуард Кеттнер» приобрел отец Гельмута — Фридрих Бюринг. Вхождение семейного клана Бюрингов в оружейный бизнес случайным не назовёшь. Тесть Фридриха в те годы был совладельцем довольно крупной фабрики «Г. К. Дорнхайм», которая под маркой GECADO поставляла в Советскую Россию дешёвые двустволки оригинальной конструкции (илл. 9).

Эти ружья были разработаны в 1923—24 гг. в Зуле как бюджетные модели для малоимущих немецких охотников. В Германии они сбывались через торговые отделения GECADO и сеть магазинов «Эдуард Кеттнер».

В чём же заключалась необычность этих ружей? Замки «гекадо» ударникового типа со спиральными боевыми пружинами, но курки взводятся не при открывании, как у большинства бескурковых переломок, а при повороте верх-

Илл. 9. Двустволка фирмы GECADO, которую поставляли в СССР в середине 1920-х годов. Замки ударникового типа активировались при повороте верхнего рычага отпирания. Этот же принцип взвода курков в 1934 г. был положен в основу при разработке отечественного ружья ИЖ-БК с замками на боковых досках

Илл. 10. Двуствольное ружьё 16-го калибра фирмы Franz Kettner Suhl с замками «Энсон и Дили» и декоративными боковыми досками. Изделие собрано в 1950 г. на базе комплектующих фабрики Simson & Co S.A.G. Awtowelo Suhl

него ключа отпирания. Несмотря на дешевизну и совсем простую отделку, эти бескурковки довольно прочно сработаны во многом благодаря тому, что в подушках коробки отсутствуют пазы для взводителей курков. Стволы, при двух нижних крюках, запираются однозаходной планкой только на задний крюк. Верхнее скрепление системы Гринера.

Посылочная торговля Eduard Kettner

Возвратимся, однако, к нашему герою — Гельмуту Бюрингу. Уже в конце 1945 г. он с разрешения американского генерала, начальника местной военной администрации и страстного охотника, открывает в разрушенном Кёльне небольшое торговое предприятие. Первые, отпечатанные Гельмутом, рекламки постепенно превращались в прейскуранты, затем — в каталоги, поначалу скупо иллюстрированные, на плохой бумаге. Объясвились некоторые прежние клиенты, нашлись и новые. Возобновился контакт со спортсменами и охотниками через специализированные и охотничьи газеты и журналы, толстела картотека заказчиков. Появились оборотные средства, торговля приносила большие прибыли, на которые в 1951—61 гг. компания возводила новые постройки. Пересылка товаров почтой быстро расцветала, популярность дома с берегов Рейна росла. Гельмут Бюринг избирается президентом Союза немецких оружейников и остаётся на этом высоком посту до самой смерти в 1965 г.

В 1970-е годы торговый дом с берегов Рейна приобретает всемирное признание. Столетний юбилей фирмы праздновался в 1984 г. с большой пышностью. Сегодня эта процветающая компания только в Европе имеет филиалы в 50 городах. Её рекламу можно увидеть в 60 охотничьих и оружейных изданиях мира. В ассортименте торгового дома более 100 тысяч наименований товаров охотничьего и спортивного обихода.

Однако «Эдуард Кеттнер» — не только коммерческое заведение. Возрождаются былые традиции. В мастерских фирмы собирают неплохие охотничьи ружья. Они, возможно, в чём-то и уступают изделиям аналогичного класса от штучников Италии, Германии и Франции, но благодаря невысокой цене пользуются устойчивым спросом на внутреннем и внешнем рынке.

Производство, конечно, небольшое и только на заказ. Нет ни новейших станков с программным управлением, ни спе-

циального заводского оборудования. Здесь выполняется только сборка. Комплекующие поставляют зарубежные партнёры, главным образом испанцы.

Торговый дом, как и прежде, демонстрирует поразительное чутьё конъюнктуры рынка. Секрет успеха не только в богатом ассортименте товаров, сколько в способности быстро реагировать на изменения рыночной ситуации. Ну и, безусловно, в ежегодных красочных каталогах.

Даже люди, далёкие от спорта и оружия, слышаны об этих фолиантах. В своё время, в 1970-е годы, каталоги Eduard Kettner были неотъемлемой принадлежностью багажа советских дипломатов, возвращавшихся из ФРГ. Понятно, провозились они тайно, и тем не менее эта контрабанда ни для кого не являлась секретом. В СССР того времени шикарное издание из Кёльна считалось самой большой библиографической редкостью.

«Франц Кеттнер»

История этой семейной фирмы восходит к концу XVII века и родственными корнями неразрывно переплетается с историей компании «Эдуард Кеттнер».

Старший брат Эдуарда Кеттнера и дядя купца Франца Отто Юлиуса Кеттнера, о котором упомянуто выше, при рождении названный Францем (1808—1873), ещё за полвека до учреждения торговой компании Ed. Kettner начал мастерить охотничьи ружья в Кельне. Произошло это в 1835 г., что и считается датой основания фирмы Franz Kettner.

Его сын (1840—1913) и внук (1875—1963), также наречённые Францами, выучившись на оружейников, последовательно наследовали мастерскую отца. В 1920-х годах деятельность фирмы постепенно перемещается из Кёльна (Hohestraße, 109), в котором обострилась конкуренция между двумя семейными кланами, в Зуль (Judithstraße, 3), где «Франц Кеттнер» приобретает бывшее предприятие Christian Sturm, Suhl.

Охотничьи ружья, несущие марку Franz Kettner Suhl (илл. 10) и часто встречающиеся у наших охотников, связаны с деятельностью последнего из семейной династии оружейников с именем Франц – Эдуарда Франца Кеттнера (1908 — 2006). Именно этот мастер возглавлял перед войной предприятие в Зуле, располагавшееся в угловом здании № 33 на пересечении Schleusinger Straße и August-Bebel-Straße. В мастерской Франца собирали ружья из полуфабрикатов, поставлявшихся главным образом с завода Simson Suhl (Thuringen), позднее переименованного в Simson & Co S.A.G. Awtowelo Suhl, а с 1952 г. переименованного повторно в Fahrzeug-und Geratewerk Simson Suhl. В конце 1949 г. предприятие Franz Kettner Suhl вошло в товарищество независимых ремесленников, и с 1952 г. изготавливало бескурковые ружья под маркой BUHAG, отправлявшиеся в СССР.

По отзывам владельцев, послевоенные «францы кеттнеры» зарекомендовали себя надёжным охотничьим оружием с режим и очень кучным боем на предельные дистанции дробового выстрела.

Подготовка выпускников профиля «Охотоведение» на биологическом факультете Вятской ГСХА

Подготовка выпускников по специальности «Охотоведение» проводится с 1965 года. Наш вуз является одним из старейших вузов РФ, занимающихся подготовкой охотоведов. Учебный процесс по специальным дисциплинам обеспечивают 6 докторов и 12 кандидатов наук, имеющих учёные степени по научной специальности «Звероводство и охотоведение».

Вятская ГСХА занимает одно из ведущих мест среди российских вузов по подготовке охотоведов и вносит значительный вклад в охрану природы, в развитие охотоведения, охотничьего хозяйства, заповедного дела. Наши выпускники работают в ведущих охотничьих хозяйствах и органах управления Российской Федерации.

В последние годы биологический факультет ВГСХА ежегодно набирает на бюджетные места 45 студентов по очной форме обучения со сроком обучения 4 года. Сверх этого количества осуществляется платное обучение. Зачисление ведётся по результатам сдачи ЕГЭ по биологии, математике, русскому языку.

С 2010 года открыта магистратура по авторской программе «Научная и управленческая деятельность в области устойчивого использования ресурсов охотничьего хозяйства».

По договорам с охотничьими организациями органами управления отраслью возможна целевая подготовка студентов. Для этого выделяются бюджетные места, проводится отдельный конкурс. В период целевого обучения студенты проходят практику в направивших их организациях, изучают специфику работы и после получения диплома остаются здесь работать. Целевое обучение расширяет возможности органов управления в подборе кадров, позволяет повышать квалифи-

кацию специалистов, а студенты получают дополнительный стимул к учёбе и уверенность в завтрашнем дне.

Для имеющих высшее образование, на его базе, организована переподготовка специалистов по 1120 часовой программе «охотоведение» с выдачей диплома государственного образца о присвоении дополнительной квалификации. Обучение заочное, срок обучения 1,5 года.

На факультете действуют 72 и 108 часовые курсы повышения квалификации госслужащих и работников охотничьих хозяйств с выдачей удостоверений государственного образца.

ПИЛИП Лариса Валентиновна,
и.о. декана биологического факультета

Производим и реализуем ГУМАНИЙ КАПКАН КА-2

для отлова соболя, куницы,
белки, хоря, колонка.

ЗАО «СКВИРЭЛ»
610014; г. Киров,
ул. Пугачева, 35
8(8332) 56-22-28;
8-922-668-10-09
squirrel.kirov@mail.ru

ЗАКУПАЕМ ПУШНИНУ

ФОТОКОНКУРС

Редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство» проводит фотоконкурс

под девизом «Охота и природа»

Подробная информация о фотоконкурсе – в № 1 за 2014 г.

Охотничьи патроны второго поколения

А. БЛЮМ

Несколько лет назад наш журнал уже давал материал об охотничьих патронах с разделённым зарядом пороха. Позволю себе напомнить читателям суть этих разработок. В конце восьмидесятых годов прошлого века конструктор из Новосибирска Михаил Александрович Кислин разделил в дробовом патроне пороховой заряд на две неравные части, увеличив при этом общую массу заряда на треть. Порох был разделён следующим образом. Большая масса заряда — 2 г (порох «Сокол») засыпалась в донную часть гильзы на капсюль, на нее ставилась картонная прокладка с отверстием диаметром 1,8 мм посередине, вторая меньшая часть засыпалась уже на эту прокладку. Дальше все шло обычным путем: картонные и другие пыжи, дробь или пуля, завальцовка. Конструктор вполне обоснованно предположил, что воспламенение пороха будет растянуто во времени, а значит, максимальное давление будет меньше, чем если бы вся трехграммовая масса заряда воспламенилась одновременно и, самое главное, должна заметно вырасти начальная скорость снаряда. У большинства тех людей, кто пробовал стрелять этими патронами, не сложилось однозначно положительного мнения о новых патронах — заметно более сильная отдача и невысокая кучность не давали возможности реализовать преимущества, полученные от высокой скорости снаряда. Но работы продолжались, совершенствовалась технология, появились новые компоненты патрона — пороха, капсюля, пыжи, пули, а, значит, можно было ожидать и улучшения характеристик выстрела. И результат не заставил себя ждать. Новый патрон получил название «Искра М».

Конструктору удалось добиться значительного повышения скорости как пулевого, так и дробового снарядов, т.е. стало понятно, что путь выбран правильный. Однако выстрел с лучшими характеристиками не стал окончательным результатом. Было ясно, что производство патронов с зарядом, разделённым диафрагмой на два объёма, технологически сложно, требует второй дозаторной линии, удорожает производство и замедляет процесс. Как уже говорилось, суть идеи разделённого заряда состоит в замедлении процесса воспламенения всего объёма пороха и в плавном нарастании давления в патроннике. А в силу того, что одновременно с замедленным горением порохового заряда растёт и запульное пространство, то даже больший, чем обычный заряд пороха не создаёт критической величины давления. Поэтому было решено попробовать отказаться от диафрагмы-прокладки совсем, а постараться добиться того же результата путём подбора порохов с разной скоростью горения, закладывая в патроны уже гото-

вую пороховую смесь соответствующей пропорции. Но это работа хотя и близкого, но, всё-таки, будущего. В продолжение развития идеи были проведены эксперименты с разделением порохового заряда на три части и получены хорошие результаты. Кстати, в процессе работы над патронами с «разделённой» за ними закрепились названия — «бинарный» (с двойным разделением) и «тринарный» (с тройным).

Всё вышесказанное, как мне кажется, подвело теоретическую базу под расчёт на получение выстрела более высокого качества. Какие же результаты были получены на практике в процессе испытаний и пробных стрельб? Когда конструктор или производитель представляет новый охотничий патрон, не новый по названию, а новый по своей сути, то возможного потребителя интересует прежде всего два параметра, которые непосредственно влияют на результат выстрела — это кучность боя и резкость, т.е. пробивная способность снаряда или его элементов. В журнальной статье нет возможности отследить весь процесс заводских испытаний и их результаты, да это, наверное, и не нужно. Остановимся на тех, с которыми современный «Искра М» вышел в «свет». А «свет» — это весьма уважаемый в среде любознательных охотников журнал «Калашников» из Санкт-Петербурга.

В конце 2013 г. М.А. Кислин прибыл в редакцию журнала «Калашников» с предложением провести отстрел партии высокоскоростных патронов «Искра М». Ниже наш журнал приводит данные, предоставленные автором разработки М.А. Кислиным.

В зависимости от условий снаряжения предназначенные для испытаний патроны были разделены на 5 групп:

1. Условия снаряжения: «Искра М» 12/76. Тип — «гусь», капсюлированная гильза 12/76 фирмы Нобель Спорт; масса пороха «Сунар 42» 1,9 г 1-я часть + 1,05 г — вторая=2,95 г; пыж-контейнер (марка Н 14); масса дробин №3 — 42 г; завальцовка. Данные условия обеспечивают начальную скорость (2,5 м/с от дульного среза) 456 м/с.

2. Условия снаряжения патронов «Искра-М» 12/70 повышенной мощности: капсюлированная гильза 12/70 фирмы Шеддит; масса пороха «Сокол» 1,65 г+ «Вектан А0» 1,0 г=2,65 г; пыж-контейнер Н 14; масса дробин № 3 — 33 г; завальцовка. Условия заряжания обеспечивают начальную скорость 488 м/с.

3. Условия снаряжения патронов «Искра +» 12/70 повышенной мощности: капсюлированная гильза 12/70 фирмы Шеддит; масса пороха «Сунар 42» 1,7 г+ «Сокол» 1,2 г=2,9 г;

пыж-контейнер Н 14; масса дробин № 3 — 33 г; завальцовка. Условия заряжания обеспечивают начальную скорость 499 м/с. («Искра +» — обозначена маленьким плюсом «+», чтобы отличить в тексте от патронов 2-й группы).

4. Условия снаряжения патронов «Искра-М» 12/76 с пулей ППСт (пуля Полева подкалиберная стальная), масса пули 31 г; капсюлированная гильза 12/76 фирмы Нобель Спорт с капсюлем-воспламенителем № 688; масса пороха «Сунар 42» 2,0 г+«Вектан А0» 1,0 г=3,0 г; завальцовка. Условия заряжания обеспечивают начальную скорость 556 м/с.

5. Условия снаряжения патронов «Искра-М» 12/76 с пулей Полева ППСв, масса пули 26 г; капсюлированная гильза 12/76 фирмы Нобель Спорт с капсюлем-воспламенителем № 688; масса пороха «Сунар 42» 1,2 г+ «Вектан А1» 1,1 г+«Вектан А1» 1,0 г=3,3 г; гильза патрона не завальцована. Условия заряжания обеспечивают начальную скорость 596 м/с.

Стрельбы проводились на стрельбище ССК «Невский» (пос. Песочный Ленинградской области) из самозарядного итальянского ружья марки «Breda» с прицелом калибратор марки Aimpoint Micro 2MOA. Для дробовых патронов использовалась дульная насадка с сужением 1,0 мм, а для пулевых — дульная насадка с сужением 0,25 мм. При обсуждении программы испытаний и стрельбах присутствовали: главный редактор журнала «Калашников» М. Дягтерев, зам. главного редактора С. Морозов, научный редактор Ю. Понамарев, редактор отдела охоты и спорта Р. Норейка и сотрудник редакции Д.Тарасов.

Часть высокоскоростных дробовых патронов была отстреляна на определение кучности на дистанции 35 м и 50 м из самозарядного итальянского ружья марки «Breda» с дульным сужением 1,0 мм, а также для определения резкости боя на дистанции 50 м. Резкость боя определялась по величине углубления дробин в сухую сосновую доску.

На дистанции 35 м средняя кучность стрельбы дробью составила:

- «Искра+» 12/70: 55 %;
- «Искра-М» 12/70: 52 %;
- «Искра-М» 12/76: 47 %.

На дистанции 35 м среднее количество дробин № 3, попавших в круг диаметром 750 мм, составило:

- «Искра+» 12/70: 72 штук;
- «Искра-М» 12/70: 67 штуки;
- «Искра-М» 12/76: 76 штук.

На дистанции 50 м среднее количество дробин № 3, попавших в круг диаметром 750 мм, составило:

- «Искра+» 12/70: 30 штук;
- «Искра-М» 12/70: 34 штуки;

— «Искра-М» 12/76: 37 штук.
 На дистанции 50 м средняя глубина утопания дробин № 3 в доску составила:

- «Искра+» 12/70: 2,24 диаметра дробины;
- «Искра-М» 12/70: 2,96 мм диаметра дробины;
- «Искра-М» 12/76: 2,4 диаметра дробины.

Необходимо отметить, что давление в патроннике патрона «Искра М» 12/70 на 27% ниже максимально допустимого эксплуатационного 1050 бар (825 бар), а у «Искры+» — на 14 % (905 бар).

По возвращении на завод (г. Новосибирск) был проведён отстрел «на резкость» стандартных дробовых патронов «Искра», с замерной начальной скоростью дробы в 2,5 м от дульного среза 420м/с, с дистанции 50 м в доску, предоставленную ж. «Калашников», аналогичную той, в которую стреляли в С.-Петербурге. Эти патроны показали худшую резкость (глубину проникания в доску) по сравнению с патроном «Искра М» 12/70 на 48 %, с патроном «Искра +» — на 20% и с патроном «Искра М» 12/76 — на 18 %.

Теперь информация о пулевых патронах. Предоставим опять слово работчику.

Результаты стрельб пулевыми патронами из итальянского самозарядного ружья «Breda» с дульным сужением 0,25 мм. (Температура воздуха на полигоне — 14 °С. Температура выдержки патронов в течении 4 часов — 14 °С.)

Дистанция 50 м.

1. Патрон «Искра-М» 12/76 в исполнении «тринар» с пулей ППСв*. Начальная скорость 600 м/с.

Одна группа. Поперечник рассеивания — 40 мм.

2. Патрон «Искра-М» 12/76 в исполнении «бинар» с пулей ППСт. Начальная скорость — 556 м/с.

Одна группа. Поперечник рассеивания — 35 мм.

Дистанция 100 м.

1. Патрон «Искра-М» 12/76 в исполнении «тринар» с пулей ППСв (26г). Начальная скорость 600 м/с.

Поперечник рассеивания:

- первая группа 70 мм;
- вторая группа 110 мм;
- третья группа 85 мм;
- четвертая группа 80 мм.

Средний поперечник рассеивания — 86 мм.

2. Патрон «Искра-М» 12/76 в исполнении «бинар» с пулей ППСт (31 г). Начальная скорость 556 м/с.

Поперечник рассеивания:

- первая группа 110 мм;
- вторая группа 50 мм.

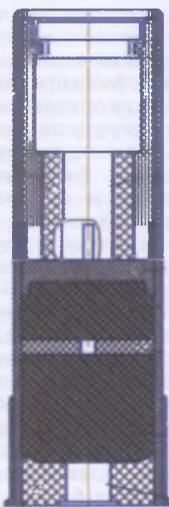
Средний поперечник рассеивания — 80 мм.

Для свинцовой пули Полева (26 г) выстрел практически без понижения на дистанции 50—100 м. Для стальной пули Полева (31 г) получилось понижение траектории на дистанции 50—100 м равное 120—150 мм.

Судя по результатам испытательных отстрелов, патроны «Искра М» обеспечивают качественно новый выстрел из гладкоствольного оружия.

Журнал «Охота и охотничье хозяйство» считает, что опубликованный материал заслуживает внимания наших читателей, а мы, в свою очередь, постараемся держать их в курсе движения интересных разработок по направлению к охотнику.

* ППСв — пуля Полева свинцовая, масса 26 г; ППСт — пуля Полева стальная, масса 31 г.

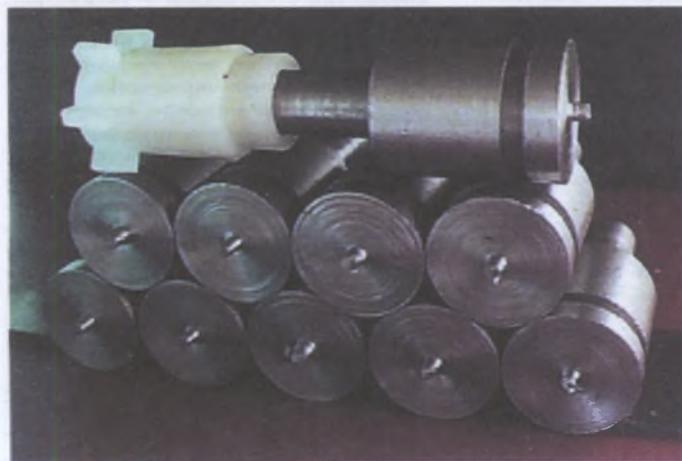
Бинар

Тринар

Кучность на 100 м

Сердечник ППСт

ППСв

«Войлочный день», или сколько весит счастье

Игорь АЛЁХИН

лет, проверенное место на границе района.

Отправился один, потому как обстоятельства сложились так, что ни то что компании, а даже единственного компаньона в тот раз мне не нашлось. Кому-то помешала работа, кто-то просто давно не звонил, кого-то течением жизни прибило к другому берегу, а кто-то просто постарел и утратил интерес к охоте. Прибиться к одному из коллективов, использующих для охоты на перепела электронные манки и именно поэтому выезжающих на охоту с вечера, чтобы поставить свое чудо-средство на ночь, было просто, однако меня это никогда не прельщало. И даже не потому, что манки эти были под официальным запретом (на это в нашем крае не обращал внимания никто), а хотя бы из-за своего Джека, который жил у меня во дворе и ждал охоты не меньше своего хозяина. Охота с электронным манком, когда в течение всей ночи на сравнительно небольшой участок поля, скажем люцернового, с ближайшей округи сманиваются общительные птички-перепелки, а потом с рассветом на них устраивается коллективная охота гаем, с частой пальбой и множеством одновременно взлетающих птиц, совершенно не предполагает применение легавой собаки, тем более молодой или легко возбудимой. Охота с подружейной собакой в таком «котле» совершенно предсказуемо может только испортить вашего помощника. Если, конечно, ваш пес не обладает способностью не обращать внимания на частую пальбу вблизи, поднимающихся рядом «шумовых» птиц, беготню за сбитыми перепелками и крики участников охоты, с появлением манков враз ставших страстными любителями перепелиной охоты. Охота таких компаний прекращается, как только птицы на данном участке поля оказываются выбитыми и разогнанными, и их концентрация уже не устраивает охотничков, не желающих тратить время на розыск одиночных птичек. Скучно им это.

Мой Джек как раз не обладал указанными выше способностями и даже наоборот был, как мне кажется, типичным продуктом селекции российских охотников, которые из немецкого дратхаара, собаки изначально сангвинистического характера, призванной спокойно и тщательно обыскивать уголья непосредственно перед хозяином, вывели собаку с широким поиском — якобы именно для наших бедных дичью угодий с огромными площадями. Вначале я не совсем понимал, что зас-

твляет эту маленькую лохматую лошадь нестись по полю с бешеной скоростью, за пару минут обыскивая участки в несколько футбольных полей (не всегда, конечно, тщательно и добросовестно, но всегда чрезвычайно азартно). Но как-то посмотрел по ТВ передаче про испытания дратхааров по утке, услышал слова эксперта об особенностях национальной селекции этой породы, и немного успокоился. Выходило, что мой Джек был типично российским дратхааром. С его энергией и стремлением скакать по открытым местам, которые составляют девяносто процентов наших угодий, на дикой скорости я ничего поделаться не мог. Самым интересным было то, что на чок-корде мой дратхаар мгновенно превращался из русского в немецкого и спокойно и деловито работал в пределах ее длины, особо не заботясь ограничением своей свободы. Так могло продолжаться час, два, а то и полдня. Все было прекрасно. Кобель был образцом подружейной собаки. Но стоило отстегнуть веревку — и через минуту он становился практически неуправляемым. Запах дичи, неважно какой — перепела, фазана или зайца — восстанавливал в нем русский характер, и если дичь эта пару раз не выдерживала стойки и удирала из-под его носа, пес превращался в холерика. С высунутым языком и безумными желтыми глазами он начинал носиться по полю среди дурманящих его собачью голову соблазнительных запахов, мало обращая на меня внимания. А теплая погода, не говоря уж о жаре и палящем солнце, практически сводила его с ума. Со стороны казалось, что он бежит ради того, чтобы бежать. Как можно быстрее. Если мне удавалось сбить перепелку, он летел на выстрел изо всех сил, но, подбежав, мало что делал для поиска упавшей птицы. Случилось как-то раз, что он на полном ходу перепрыгнул через меня, стоявшего на коленях и разгребавшего траву. А потом носился вокруг, по-моему, не совсем понимая, что от него требуется. Жара действовала на него убийственно, он распаялся до невозможности. Не помогли ни обильное питье, ни обливание водой. Что говорить про август, если зимой, набегавшись на заячьих или фазаньих набродах, он распластывался в любой подходящей луже и опрочметью кидался в январскую воду речки или ставка. Снег был для него теплой пуховой перинкой. А в летний или раннеосенний зной я просто не понимал, почему он до сих пор не умер от теплового или солнечного удара.

Э то был не совсем обычный день, а именно такой, что запоминается надолго или навсегда. Я несколько раз перебирал в памяти длинную череду охотничьих зорь, множество солнечных, пасмурных и дождливых видеороликов, записанных на флэш-карту головного мозга, и все-таки не нашел ничего похожего. Это было довольно забавно, потому что чем больше ты живешь, тем труднее казалось бы находить в своем ближайшем окружении что-то новое. И тогда, чтобы не заскучать, остается единственный способ — пуститься в путешествие. Другими словами — сменить обстановку.

Но в том-то и была странность ощущения необычности того дня, а вернее, пары дней, что ни в какое путешествие я тогда не пустился, а просто в конце лета, в канун открытия охоты на степную дичь, как обычно отправился в свое «насиженное» за много

Было два способа умерить дикий пыл Джека: применить электрошейник, или при помощи поводка не давать ему «заводиться». Первый я отвергал, потому что управление собакой электротокотом казалось мне какой-то роботизацией. А Джек был моим другом, порой единственным, к тому же он был очаровательной, здоровенной лохматой рожей с немного дурашливыми желтыми глазами, на которую я долго злиться не мог.

Второе средство — чок-корду, длинный поводок, — я все же применял, но долго на охоте это продолжаться не могло, ибо было утомительно для меня и быстро наскучивало. За час-полтора работы на веревке мы добывали несколько перепелов, после чего я позволял псу действовать самостоятельно. Почувствовав, что сдерживающего поводка больше нет, Джек сначала без особого азарта, а потом все более энергично начинал искать дичь в своей собственной манере, переходил на галоп и в результате делал стойки по дичи в сотне метров от меня, а иногда и дальше. Несмотря на темперамент, стойка у него была абсолютно «мертвая», и, если птица западала на месте, я успевал приблизиться и выстрелить. Но нередко перепел долго не выдерживал, и взлетал. Или бежал из-под стойки, чего мой дратх вытерпеть не мог и, начав преследование, поднимал птицу на крыло.

Вот так обстояли дела с моей перепелиной охотой, когда в очередной раз подошло ее открытие, и я, зарядив патроны самодельной «восьмеркой», задумался о том, как же оно будет проходить на этот раз.

Дело в том, что на несколько дней я остался без машины — мой сын Константин с невесткой арендовали ее у меня для поездки на море. Так что ситуация сложилась довольно необычная: на открытие сезона я оказался не только без компании, но и без средства передвижения. Однако это не казалось мне слишком трагичным. Компания Джека вполне устраивала, а на охоту меня могла отвезти дочь.

И вот в пятницу после обеда, усадив собаку в багажник и разместив на заднем сидении машины охотничьи пожитки, я уселся сам и благодушно скомандовал Насте, которая была за рулем: «Поехали!»

По дороге я думал о том, что неделя была довольно дождливая, что вообще-то нетипично для кубанского августа, и хотя все же было лето, и земля после очередного дождика просыхала на глазах, где-нибудь в «тенечке-закуточке», на грунтовой дороге наш одноприводный французский «седан» может забуксовать, что машина не моя и вымазывать ее грязью совестно.

Через два десятка километров нужно было сворачивать с асфальта. Некоторое время мы не спеша, осторожно ехали по влажной луговине по продавленным колесами машин в травянистой почве мелким колеям. Небо над

нами хмурилось, бугрилось серо-лиловыми клубками туч, и на стекле появлялись редкие, крохотные капли дождя. «Пап, а если дождь, я выеду отсюда?» — с беспокойством спрашивала дочь, не отрывая взгляда от дороги, как это делают неопытные водители. Она водила машину первый год. И, возможно, еще вообще не съезжала с асфальта. А мне было смешно смотреть на нее, видя ее напряженность, скованность и испуг от этой казавшейся ей очень сложной дорожной обстановки. Я прекрасно видел, что по этой дорожке мы проедем без проблем сколько угодно, но скомандовал «стоп».

Выпустив дратхаара, который мгновенно вымахнул из надоевшего ему багажника, и выгузлив на траву луговины пожитки, я попрощался с дочерью, подождав пока она старательно и боязливо развернет машину в сторону дома. Она все же не доверяла этой траве.

— А как ты потом назад? — спросила Настя в окно. — Вдруг дождь? Я как приеду? Как застряну!

Я улыбнулся:

— Настюша, мы же не в тайге. Приеду, не сомневайся, позвоню кому-нибудь — заберут меня. Или Костя с моря вернется.

Настя посмотрела вперед.

— А вдруг я застряну сейчас?

— Настюш, — я чуть не рассмеялся. — Ты мне веришь?

— Да-а, — улыбнулась она. — Но я же одна поеду теперь...

— Так вот, я тебе говорю: езжай совершенно спокойно, как ехала сюда. Ты же видишь — мы ни разу нигде не буксовали. И вот что. Видишь эту кучку травы?

Я показал на небольшую копешку скошенной травы рядом с колеями. Вся луговина была покрыта такими копешками темно-серой, почти черной от влаги травы, которая лежала на ней и кучками, и длинными, прибитыми дождями валками-полосками. Они были словно из старого, грубого войлока.

— Вижу, — кивнула Настя.

— Я сейчас сяду здесь и попью пивка. И буду ждать, пока ты мне не позвонишь, когда выедешь на твердую дорогу. Идет? Если что — прибегу на помощь. Но никакого «если что» не будет, поверь. Езжай. Пока.

Дочь помахала мне рукой и уехала, а я действительно уселся на копешку, провалившись в ней почти до земли, и смотрел вслед машине, прихлебывая прохладное пиво. Я сидел, приятно расслабившись, на маленькой копне сена, ощущая через куртку и штаны летнего армейского костюма влажность скошенной и неубранной травы. Стебельки ее слегка покалывали тело, так, что у меня снова возникло ощущение, что я лежу на старом колючем войлоке. Вся луговина была усыпана пучками и полосками этого темного, грубошерстного войлока, который от влаги стал мягче и глаже, но все равно остался грубым.

Я задумался о том, что мне совершенно некуда спешить, что впереди у меня целых два дня счастья, и даже вздрогнул, когда в кармане куртки, надетой на голое тело, ожил телефон. Моя дочь благополучно выехала уже на асфальт. Я пожелал ей удачи и стал глазами искать Джека, которому было наплевать на пиво, на уехавшую машину, да и на меня скорее всего тоже. Он, очертя голову, тараща свои желтые полубезумные глаза, носился вдоль камышей в страшном возбуждении, длинными, быстрыми галсами, ловил своей лохматой мордой, большой пипкой влажного носа тысячи запахов, и некоторые из них заставляли его забыть про все остальное.

Я знал, что делает моего дратха почти сумасшедшим. Это запах дичи. В таком месте мог быть и заяц, и перепел, и коростель, и фазан, и даже утка. Ну, конечно! Сначала я услышал взлет, пулеметный грохот крыльев, а потом характерное удряющее «кэ-кэ-кэ». Крупный фазан-петух ракетой поднялся над камышами и, словно малень-

кая С-300, резко изменив вертикальный полет на горизонтально-наклонный, унесся за зубчатый забор тростника. Гордый и довольный собой Джек, болтая ушами и длинным розовым языком, продолжал рыскать у кромки зарослей, а когда сунулся в них опять, с того места вновь с лопотом крыльев вылетел петух. Все-таки что ни говори, а чутье у кобеля отличное. Ума не очень, а вернее, нет совсем, но чутье — то что надо. Если бы он еще понимал, что работать надо в непосредственной близости от хозяина! Как ни пытался я ему это объяснить — ничего не получилось. Чок-корду в камышах не наденешь, и поэтому при фазаньей охоте приходится приспосабливаться, поспевая за мощной быстроходной собакой.

Но сейчас до этой охоты еще месяца два-три, и я только посмотрел на длиннохвостых красавцев, улетевших в заросли камыша. Они, видимо, собирались выйти из саги на луговину, и Джек налетел на них с великой радостью и страстью. Петухи старые, прошлогодние. Молодежь сейчас величиней чуть больше скворца.

По всему светло-серому небу, на котором почти не просматривалось солнце, ползали неспешные темно-серые тучи. Небосвод тоже поэтому напоминал большое войлочное покрывало, сырое и совсем не летнее.

В это время в полях обычно жарко, душно и пыльно. Пахнет перебитой тракторами хлебной стерней, шершавыми листьями подсолнухов, раздавленными колесами в муку кукурузными початками. В знойном мареве над землей плавают ширококрылые канюки и висят, треща крыльями, маленькие соколы — пустележки. Пылят вдаль бороны, в шлейфах пыли за ними перелетают чайки, ленивые грачи и вороны.

Но в этом году день открытия летней охоты больше напоминал середину осени. Было совсем не жарко, даже прохладно. Этой прохлады, впрочем,

было как раз столько, чтобы заставить на секунду беспокоиться — а не замерзну ли ночью в своей легкой одежде? — и потом сразу успокоиться, вспомнив, что сейчас все-таки лето, да к тому же — на юге России.

Я поднялся, навьючил на себя поклажу и пошел своей дорогой, которая двумя темными полосами, выданными в траве колесами машин, тянулась вдоль камышовой балки. Справа от меня горизонт был закрыт зеленым зубчатым гребнем саги, а слева подступали поля, нарезанные небольшими лоскутами местными арендаторами. Мне нравились эти небольшие прямоугольнички люцерны, кукурузы и подсолнухов. Нравились именно из-за своих размеров. На такие лоскутки не обратят внимания «маночники» — охотники с электронными манками. Малые размеры угодий их не устраивают, им подавай большие массивы монокультуры, чтобы была возможность стянуть с большой площади к определенному месту достаточное количество перепелов.

А меня, наоборот, устраивали небольшие «клинышки», на которых вполне могла состояться моя с Джеком охота. Меня в принципе устраивало все, но больше всего то, что на моих «лоскутах» не будет шумных многочисленных компаний. Хотелось побыть в тишине, не раздражаемой хохотом, бранью, многочисленными выстрелами и громким разговором.

Я знал, что скоро моя дорога закончится в прямом смысле. Две не очень набитые по луговой траве колеи выведут к заросшей кустарником и камышом дамбе безымянного ставка и оборвутся. На ближнем конце дамбы, в посадке огромных старых ясеней, пару лет назад появилось что-то вроде карутого частного хозяйства: два вагончика, самодельные пристройки-сараяшки и загон для коз. Рядом, на самом углу поля, был разбит маленький огород с парой виноградных шпалер.

Вначале это явление меня огорчило — что хорошего в том, что уголок природы, ставший за много лет знакомым и дорогим сердцу, освоили неизвестные люди? К чему вообще в таких местах организовывать подворья, лезть в природу? Разве мало у нас земли вокруг хуторов и станиц? Да подавиться можно! Так нет, как только появляется возможность, кто-то всегда старался выбить себе кусок земли под «дачу» подальше от населенных пунктов.

Но через пару лет я свылся с «гостями» в моем любимом уголке, тем более что, как я мог видеть, степной ставок, образовавшийся когда-то после возведения дамбы в балке, ничуть не страдал от этого соседства. На его гладко летом так же плавали чомги и красноголовые нырки, вдоль камышового обрамления сновали черные лысухи, в зарослях вскрывали болотные курочки, в самом конце плеса, на разводах куширя кормились выводки кря-

ковых уток, а белые и серые цапли постоянно дежурили на мелководье или большими лоскутами плавали над озерцом. По берегам ставка росли большие кудрявые вербы, и дикие голуби часто присаживались в тень их густых крон. Место для горлиц и вяхирей было самое подходящее — со ставком всегда соседствовали подсолнечники. А что больше всего любит голубь? Семечки и воду.

Лоскутные арендаторские поля слева закончились, и вплотную к моей балке подступил подсолнечник. Я время от времени подходил к этой мощной зеленой стене и осматривал корзинки, плотно набитые антрацитовыми крупными семечками в обрамлении нежных желтых лепестков. Голубиных поклевов я не увидел. Да, еще слышком рано. Семечки, чтобы заинтересовать голубей, должны созреть и подсохнуть. Желтые лепестки на корзинках явно свидетельствовали о недозревших семенах. Голубей видно не было нигде, по подсолнухам лишь перепархивали полевые воробьи, да в камышах саги безостановочно скрипели и чокали камышанки.

Дорога моя превратилась в узкий тоннель между стенами камыша и подсолнуха, и я неспешно и беззаботно шел в этом зеленом коридоре, видя, как приближается ко мне справа огромная копка старой вербы. Джек рыскал то в камышах, то в подсолнухах, выскакивая впереди меня на дорогу, а потом громко затрещал сухими ветками у подножия дерева. Проходя мимо, я посмотрел на толстый, причудливо изогнутый и разветвленный ствол и вспомнил, как много лет назад, охотясь здесь на уток, закатывал под шатер серебристых листьев свой мотоцикл, с волнением слушая сытое кряканье уток, доносившееся из-за зарослей камыша...

Но вот и лесополоса. Она подходила слева, и камышовая грива обрывалась, уткнувшись в тенистые куццы высоких кленов и акаций. Подсолнечниковое поле здесь имело проплешины, и на ней был разбит огород. Я заметил, что нынче он сильно зарос травой. Даже виноградные шпалеры до половины были скрыты высоким разнотравьем, сквозь которое проглядывали тяжелые сине-черные грозди «Молдовы». Такое впечатление, что огородом давно не занимались...

Я повернул вправо и пошел к дамбе, чтобы перейти ее и определить место своего табора. В самом ее начале, в подступившей ясеневой посадке, находилось «хозяйство». Что-то мне показалось странным. Строения — пара вагончиков на сваях, сарайчик и загон для скотины, спрятавшиеся в тени деревьев, были на месте, однако в глаза сразу бросалось запустение. На двери маленького жилого вагончика — закрытая щеколда, вокруг все разбросано, не прибрано, загон для скотины пустой. Никого... Только вдруг резко, испуганно залилась на крыльце дворняжка, видимо, спавшая и про-

зевавшая наш подход. Подбежавший Джек напрягнул тело, вытянул обрубок хвоста и потянулся к собаке знакомиться. Но она озлобленно, истерично оскалилась и нырнула под вагончик, взбредившая и подвывая. «Собака прячется, — подумал я, — значит хозяев нет. И, что странно — похоже, их нет давно... Что бы это значило?»

Это третье открытие охоты, которое я встречаю здесь с тех пор, когда появилось «хозяйство». Первый раз был на машине, проехал мимо спрятавшейся в тени посадки «дачи», поприветвовав копавшегося на огороде мужичка, и разбил свой нехитрый лагерь на другом конце дамы, на углу маленького люцернового клина. До этого я много раз бывал здесь, радуясь тишине и покою, но то был год, когда появилось «хозяйство». В тот день ко мне скоро пришел мужичок с огорода, представился Юркой, сторожем «дачи». О хозяине я его не расспрашивал, он сказал только, что тот возит сюда девчат, иногда «кентов» на шашлыки... в общем, все было понятно.

Юрка был весельчаком. Привезенная мною водка оказалась не лишней, и сторож частного хозяйства скоро пригласил двух жареных карасей, несколько вареных початков кукурузы и большой арбуз.

«Я, — говорил Юрка, — тут как у раю. У мэнэ ситка у ставку стоять, колы захочу потрусю — ось тоби и рыба. И огород же ш — картошка, то, сё... А поля кругом? Та!»

Он рассказал, как на службе попал в перделку где-то не то в Бангладеш, не то в Зимбабве, как их отряд то ли морских пехотинцев, то ли десантников попал в засаду повстанцев и полностью погиб. В живых остался он один, раненый, истекающий кровью. Он задирает выцветшую рубаху и показывает шрамы от пуль: видны были страшные светло-багровые полосы от касательных ранений и две круглые кляксы от прямых попаданий...

— Как же ты выжил, Юрка? — спрашивал я его, качая головой, понимая, что он не врет. — Тебя ж очередь, считай, перерезала!

— Да! — весело кивал он. — Меня почти убило! Ребро с одной стороны торчало перебитое. А тут наши, на двух вертолетах, а потом меня везли... я плохо помню короче. А остальные все, все погибли, понимаешь?

Он улыбался, выпивал водку, приносил еще то дыню, то недозрелый виноград и обещал, что вечером «труханет» сетку и будет жарить карасей...

К ночи я отвел его под руку в вагончик. Шагов за двадцать до него он протрезвел и сказал:

— Все, дальше я сам. Там овчарка — Дик, тебе лучше не ходить...

На следующий год я приехал с товарищем. Хозяйство было на месте, в загоне толпилось десятка полтора белоснежных козлят, а возле вагончика что-то мастерили из жердей два дедка. Они были похожи друг на друга, оба приветливо улыбнулись, когда я

притормозил.

— Мы на охоту, на том углу станем, хорошо? — спросил я.

— А, давайте! — ответил один из них. — На ставке лыски плавают, утки е..

— Та нет, — улыбнулся я, — на утку еще рано. Можно только голубей и перепела.

— А! Кричать, кричать перепелка, — кивнул дедок. — А голуби ось тут, у посадки, часто бувають...

Я вспомнил и спросил:

— Тут в прошлом году Юрка был... Есть он, нет?

Дедки засмеялись:

— А! Нэма. Кажуть, до жинки вернунся. И пить бросьв. Дэсь у Сергиевке вин, чи в Ныжнем...

И вот теперь, проходя мимо хозяйства, спрятавшегося в сумраке густой лесополосы, я не увидел никого. Ни коз, ни людей. Только перепуганная, явно оставленная собака...

Это было неплохо. Соседство с «дачей» не тяготило, но то, что здесь теперь нет никого и, возможно, не будет в ближайшие дни — меня обрадовало.

Я прошел по заросшей травой и камышом дамбе на другой ее конец и оглядел место своего табора. Люцерновый клин по-прежнему примыкал к камышам и дамбе, противоположным краем упирался в стену подсолнухов, а слева, посреди небольшого напханого закрайка с высокой и густой желтой травой росли два небольших грецких ореха. Я ездил в это место, наверное, лет двадцать или больше, а они так и не выросли до нормальных размеров, оставаясь косоствольными недомерками. Впрочем, меня это устраивало, потому что, оглядевшись, я не нашел для своего табора ничего более подходящего, чем два маленьких ореха. У меня с собой был тонкий непромокаемый тент размером три на три метра, который мог послу-

жить подобием палатки. Но прилагаясь к этому корейскому изделию алюминиевые разборные стойки я не взял, не хотел тащить на себе несколько километров лишнюю тяжесть. Думал, что обойдусь чем-нибудь на месте. И сейчас, глядя на эти приземистые деревца, топорщившие свои ветви из зарослей высокой сухой травы, решил, что это как раз то, что мне надо.

И еще, выйдя на зеленый люцерновый клин, я сразу заметил прямоугольные тюки прессованного сена, лежавшие возле камышей. Они лежали уже давно, так как скошенная люцерна успела прилично отрасти, и, очевидно, были потеряны при транспортировке. Тюков было пять штук, и они послужат мне и стульями, и столом. Это была большая удача.

Только я осмотрелся, наметил план действий и сделал пару шагов в направлении орехов, как увидел зайца. Крупный русачище, высоко подпрыгивая, не очень спешно удирает от меня по люцерне. Мне показалось, что на зайце тоже войлочная попона — темная, шерстистая, влажная. Несколько прыжков — и он скрылся в стене подсолнухов. Джек, вылезший неподалеку из камышей и отряхивающийся от воды, зайца не заметил, но, пробежав вперед, причуя запах и начал рыскавать по люцерне. «Успокойся, болван! — ласково сказал я ему. — Зайчик уже погулять вышел и покушать, а тут мы премся. Перебили зверю ужин...»

Возле орехов я сгрузил свои пожитки, а потом довольно долго возился, привязывая расправленный тент к веткам так, чтобы в случае дождя остаться под ним сухим. Потом я перенес тюки люцернового сена, которые тоже на ощупь казались сделанными из грубого влажного войлока, и разместил их под своим навесом так, что они стали стулом, столом и низенькой стенкой с западной стороны, откуда мог

прийти дождь. И еще для подстилки я принес пару охапок серо-черного люцернового сена, собрав его на неубранных кое-где валках. Разложил на «стол» провизию, уселся на «стул» и почувствовал себя на седьмом небе. Теперь, если не будет сильного дождя, мне гарантированы чудные вечер и ночь. От моей мебели, подстилки и единственной стены пахло сеном, летом, охотой. Джек, который к тому времени успел обследовать все вокруг в радиусе трехсот шагов, влез ко мне под навес и уселся посреди «комнаты», тяжело, запалено дыша. От него шел легкий парок. Наверняка он за вечер несколько раз испугался.

«Ну, и какого черта надо было носиться как придурку? — спросил я его, глядя в бесшабашные желтые глаза. — Что из того, что ты язык вывалил? Что толку? Пошли лучше вдоль ставка походим, погуляем. Вечер-то какой, а?»

Вечер, действительно, наступал редкостный. Войлочные тучи грудились и кучились на натянутом сером сукне небосвода, ползли на восток, а там, где должно было быть заходящее солнце, это серое сукно порвалось, и в узкие прорехи просачивался яркий желтый свет.

С полей полетели чайки. Они летели ровным, не чайчьем полетом, а целенаправленно и равномерно, однообразно взмахивая крыльями, похожие этим полетом на длинокрылых белых ворон. Две выпы взвились темными силуэтами над невидимой отсюда гладью ставка, и тотчас сверху долетел их гнусавый крик: «Ва-а!» Пропищал, пикируя со страшной скоростью в сторону ставка, переваливаясь с крыла на крыло какой-то кулик. Где-то в вышине отчетливо крикнула утка. Я поднял глаза, ища в небе стремительный силуэт, и вдруг мурашки побежали по спине: совсем рядом, на «хозяйстве», вдруг сиплым, гнусавым голосом завывла собака. В этом вое было столько дикой тоски и одиночества, столько безнадежности и отчаянья, что я содрогнулся. Джек тоже восторженно завопил, замер, ткнувшись мне в ногу лобастой головой, и уставился в ту сторону. Похоже и ему стало не по себе.

«Ну, что, Джексон-Шмексон, — сказал я, погладив его бархатное ухо. — Пошли отнесем псине что-нибудь покушать. А то что она? Одна, и жрать-то ей нечего. Что добудет? Мышей, наверное, и то ловить не умеет...»

Джексон-Шмексон, такое прозвище дала драхту Настя. Она вообще мастерица называть наших животных смешными именами. У нас была кошка Маня, переименованная дочерью в Ханю-Маню. Еще одна — Мурка, ставшая Мурой-Чапурой. Лиза стала Лизаветашной. Но больше всего именных интерпретаций получил Джек. Он был последовательно Джекушонком, Джеком-Потрошителем, Джеки-Псом и Джеконом-Шмексоном. Кобель откликнулся на любое из этих имен.

Мы сходили к нашему становищу, и я отломил от булки белого хлеба половину, взял пару вареных яиц и отрезал кусок сала. Все это сложил в пакет и понес в «хозяйство».

Был уже поздний вечер, и в посадке стояла почти непроглядная тьма. С трудом различались контуры построек. Заслышав наши шаги, собака залилась из-под вагончика тоскливым, безнадежным лаем. Я голосом постарался успокоить ее и одновременно уговаривал Джека не лезть к собачонке, раз она не хочет с нами зняться. Потом бросил ей во тьму хлеб, слегка раздавленные яйца и сало. «Ешь, бедолага, — сказал я собаке, которую не было видно. — Пусть и у тебя будет маленький праздник».

Когда мы шли обратно по сыро шуршащей люцерне, в совсем уже темном небе просвистели утиные крылья, и опять сверху раздалось сытое негромкое покрякивание. Потом со стороны ставка послышался едва слышный всплеск. Но я заметил, что утиная вечерка была очень слабой. А то ли было здесь лет пятнадцать — двадцать назад! Утки начинали лететь еще на свету, заходили на посадку без облета, большими стаями и сыпались в вершину ставка, как горох. Что случилось, почему не стало птицы?

Я вздохнул и, наклонившись, влез под свой уютный навес. Туда же тотчас забрался и Джек, бесцеремонно прислонившись к моему боку. Ужинали мы в полной идиллии: наступившая ночь была беззвучна, как космическое пространство, и мой фонарик в этой влажной, теплой темноте долго светил одиночим глазом.

В отдалении, в той стороне откуда я пришел, стучал одинокий перепел. Может, манок? Нет, живая птица — покрякал и смолк. А манок будет орать беспрерывно, до самого утра, черпая силы из бездушного аккумулятора. А перепел в отдалении смолк. Вот тоже — не слышно перепела! А ведь в этих местах двадцать лет назад вечером перепелиный крик сотен птиц сливался в сплошной булькающий поток. Умирает охота...

Засыпая, я сказал Джеку, который как обычно привалился ко мне своим железным телом: «Ну что, брат, дай бог чтобы не было дождя...» Джексон-Шмексон на это ничего не ответил, а лишь глубоко и шумно вздохнул. Он немного устал за этот вечер, обшаривая окрестности без всякой нужды.

Проснулся я, когда услышал звон первого утреннего комара. Как странно — с вечера комаров не было, а вот под утро появились. Подумалось — и комаров в моих местах стало много меньше, чем прежде. Когда-то от них и в поле, и в посадке или возле водоема не знали, куда деваться. Теперь — все. Не стало комара. Вроде хорошо, приятно без этой надоедливой братии, а подумаешь, и не спокойно как-то: куда комар делся, и почему он исчез? Ведь это неправильно....

Я, не вставая, повернул голову и на

востоке увидел посветлевший край неба. Пора вставать. Чай не будет — нет ни газовой плитки, ни чайника, ни даже кружки. Из посуды только стеклянная рюмочка, из которой вечером пил водку. А теперь — глотнуть лимонаду, и может пожевать чего-нибудь, хотя есть не хочется.

Я вылез из спальника, к которому привалился Джек, и потянулся всем телом. Хорошо! Хорошо спалось, спокойно. Никто не потревожил нас — ни зверь, ни птица, ни человек. Я отлично высался и прекрасно себя чувствовал. А помнишь, как бывало в компаниях? М-да...

Светало медленно, как бывает в пасмурную погоду. Тусклый свет зари вяло очертил горизонт на востоке. Вверху послышался свистящий нарастающий шорох — стая чирят, словно крохотные истребители, без взмахов крыльев, тормозя, прошла над ставком и исчезла за камышовой стеной. Прогнусавила выпь. Резко вскрикнула камышица. Джек, деловито сопя и фыркая, лазил с треском в зарослях камыша, а потом с грохотом прыгнул в воду, видимо, стараясь кого-то поймать. Кого он может поймать, этот громадный неуклюжий пес? Однако старается...

Пока я не спеша, нога за ногу, прошелся вдоль прудочка, как-то незаметно рассвело. Из-за лесополосы, сделал «горку», на бреющем полете выскочили четыре краковые и, положа пикируя, унеслись в сторону вершины ставка. Вспугнутый Джеком из осоки вжикнул и заполошно замелькал светлым подхвостом бекас.

Вернувшись к стоянке, я достал из подголовья самодельный деревянный футляр с ружьем, собрал легонькую вертикалку 20-калибра, потом вытащил из рюкзака и надел патронташ, туго набитый аккуратными маленькими патронами, получилше зашнуровал кроссовки и напялил панаму камуфляжной расцветки. Для дичи у меня была охотничья сетка с никелированными колечками, на широком ремне. Вот и все сборы. Воды с собой не беру — будет не жарко, да я и не «водохлеб», потерплю. Вот Джексон — другое дело. Без воды он страдает, особенно летом. Но я не случайно выбрал для охоты такое место, где вода недалеко. Запалится собака — всегда можно вернуться к ставку, пусть поплавают и попьет водички.

Сначала мы решили дать небольшой кружок по люцерновому клину. Он слишком маленький, но перепел здесь быть может. Или коростель. Проверить надо в любом случае.

Джек замахал по люцерне широко, быстро, я посвистывал ему, стараясь остепенить. На середине зеленого клина он засуетился, заискал, быстро-быстро виляя обрубок хвоста, я поспешил к нему, но не успел. Крупный коричневый перепел поднялся в стороне от собаки, далековато от меня, и полетел в направлении подсолнухов. Я на бегу стал вскидывать ружье, тормозя, никак не мог поймать мушковой

птицу и выстрелил, когда она была уже над подсолнухами. Нет, летит. Не удержался и выстрелил еще раз, уже совсем далеко. Была надежда, что собака найдет сбитою. Нет, промах.

Досадно промазать, и вдвойне досадно — первую в сезоне птицу. Получается — несколько месяцев ждал этого взлета, готовился, думал, и — промазал. Закралось легкое нехорошее чувство, основанное на примете: какой будет первый выстрел, такой будет и весь сезон. Кто придумал эту примету, и с чего я должен в нее верить — не знал, но мысль такая появилась.

Джек сунулся в подсолнухи, раскачав несколько тяжелых шляпок, но быстро вылез на зеленый клин люцерны, где в высокой люцерне на земле чернели войлочные полосы не подобранных валков.

В самой вершине клина, зажатой с одной стороны стеной подсолнечника, а с другой густыми камышами, Джек поднял еще одну перепелку. Она была светлой, охристо-желтой, и маленьким пропеллером унеслась за камыши. До нее было шагов тридцать и стрелять над такими зарослями я не стал. Больше на маленьком люцерновом поле мы ничего не нашли.

Когда вышли назад, к дамбе, и проходили мимо «хозяйства» с одинокой собакой, я увидел ее — псина, ужимаясь возле вагончика, одновременно скалилась на сунувшегося к ней Джека и виляла для меня хвостом, очевидно, в знак благодарности за ужин. Проходя, я еще раз удивился запустению, царившему на становище. Видимо, что-то случилось у хозяев... Или с ними самими.

Тут же оказалось, что неудачи на сегодняшний день еще не закончились. Неожиданно над моей головой раздались громкое хлопанье крыльев, и четыре вяхиря, пробив густую листву нависающих над тропинкой кленовых

веток, замельтешили белыми пятнами оперения совсем близко. Очень легко было свалить одного и даже двух. Но я от неожиданности растерялся, сорвал с плеча ружье, задергал стволами, ловя виляющих в воздухе птиц на мушку, и совершенно бездарно послал два заряда в сторону ставка. Было слышно, как дробь зашипела, падая в воду в отдалении. Я покачал головой. Все, тут уж никакой отговорки быть не могло, и вместо пары тяжелых сизоголубых птиц, просто просившихся в мою сетку, в ней — полный ноль. Я даже повернул голову и посмотрел на охотничью сетку двойного плетения, висевшую на кожаном ремне у меня на плече. Она была сиротливо пуста.

Это уже хуже. Намного хуже. Если так стрелять, то в принципе и на охоту ходить не стоит. Вернее, ходить можно, а стрелять обязательно. Чего зря патроны жечь и стволы пачкать.

Я вздохнул и перезарядил ружье двумя патронами в блестящих латунных гильзах. Почему так бывает? Почему, когда чего-то очень ждешь и оно приходит, иногда не можешь его взять, хотя для этого надо всего лишь протянуть руку? Сколько я стрелял на стенде! Сколько призов брал! И что с этого толку? Сколько я стрелял на охоте! Сколько трудных, почти невозможных выстрелов сделал! И каков результат? Только что промазал вернейших вяхирей. Хоть бы перышко выбил... Вон Джек лазит в камышах, над которыми только что летели птицы, трещит и плещет водой. Не знает, что нечего там искать. Тьфу-ты...

Пройдя в обратном направлении вдоль саги пару километров, я вышел на луговину, к которой примыкало небольшое люцерновое поле в форме прямоугольника шагов триста — четырехста на двести. Вначале я хотел проверить поросшую дикой травой луговину — почему-то мне казалось, что

перепелки на ней быть должны. Камыши примыкали к этому длинному лугу, а они могли быть убежищем для птиц. Хотя и люцерна с противоположной стороны упиралась в поле кукурузы — не менее, а скорее всего даже более перспективное место. Но я помнил, как несколько лет назад шел с сыном по этой луговине, а перепела поднимались один за другим из кошенной травы и, сыто «чакая», летели в сторону камышей. Мы тогда удачно стреляли, и... я хорошо помнил тот счастливый день, поэтому меня тянуло сначала проверить луговину. Однако я вчера прошел по ней с собакой и не поднял ни одной птицы... Я-то шел по дороге, но Джек-то рыскал вокруг и должен же был... а где, кстати, Джек?

Я осмотрелся и увидел собаку в полусотне шагов от себя. Дратх застыл на самом краю люцернового поля в классической стойке, поджав переднюю лапу, вытянув мощную шею с крупной ушастью головой, направленную в некую точку впереди. Это было завораживающе красиво! Не знаю, возможно, правильно считать, что самая красивая и правильная стойка — у островных легавых, у пойнтера и сеттера, но я так не считаю. Фигура дратхаара, немецкой жесткошерстной легавой, на стойке, кроме того, что классически красива, поражает своей мощью. И еще мне очень нравится окрас дратха, эта кофейно-седая богатая шерсть... А Джек мой вообще просто красавец.

Я сдернул ружье с плеча и поспешил к собаке. Я забыл о своих сегодняшних промахах, забыл все, что было до этого момента. В голове билась одна мысль: «Только бы не взлетел раньше времени, только бы...» Перепел не взлетел. Он продолжал сидеть в густой траве даже тогда, когда я подошел к собаке вплотную и скомандовал: «Дай!» Джек сосунулся вперед на какие-то пару сантиметров, но тут же замер, словно кофейно-седая скульптура, не сводя желтых, внимательных и почти безумных глаз с ведомой только ему точки. Я вновь выдохнул: «Дай!», но на этот раз собака не сдвинулась и на миллиметр. Кобель в этот момент, кажется, вообще не видел и не слышал меня. Поэтому я топнул левой ногой, стараясь испугать затаившуюся птицу, и даже подался в ее сторону телом.

Трава перед мордой Джека взорвалась резким фырчаньем, из образовавшейся воронки вырвался перепел и полетел над зеленым ковром, словно брошенный камень. Я вскинул невесомое ружье, закрыл мельтешащие крылья мушкой, взял еще чуть выше и выстрелил. Птица кувыркнулась в полете и нырнула в люцерновую пену. Джек не был приучен ждать команды «Подай!» (я не был уверен, возможно ли вообще было его научить этому, учитывая его бешеный темперамент) и уже летел в направлении упавшей добычи. Подскачив к месту падения, он вновь застыл, но уже с поднятой головой и выгнутой, словно у шахматного коня, шеей. Так он делал, когда не

чуял, но слышал дичь. Видимо, сейчас он слышал в траве трепетанье крыльев. Потом прыжок — и вот дратх уже держит в пасти птицу, и ее желтые ножки выглядывают у него из-под усов. Я прошу: «Отдай, Джексон, отдай!» — и он с сожалением выпускает перепела, а потом, пока я кладу добычу в сетку, в возбуждении прыгает рядом. Я доволен. Нет, я счастлив. Перед этим добытым так классически, стограммовым перепелом меркнут улетевшие полукилограммовые вяхири. Ну, что такое пара крупных голубей, взятых «с подъема», по сравнению с этим охристо-коричневым красавцем с черными пестринами, похожими на котки волшебной птицы, добытым из-под умопомрачительной, мертвой стойки самой лучшей в мире собаки? Да практически ничто. Ерунда.

Я заменил патрон, как мог успокоил жарко дышащего пса и, забыв про луговину, двинулся убористым, частым челноком по люцерновому платку, к которому примыкало кукурузное поле, чувствуя, что найду свое маленькое Эльдorado именно здесь. Так и оказалось на самом деле.

Птиц на этом небольшом зеленом прямоугольнике мы подняли десятка три, половина стала нашей добычей. Промаживался я мало, но не всех перепелов взял из-под стойки собаки. Джек увлекался, уходил за пределы выстрела, иногда спарывал птиц и пытался гнать. Я начинал жалеть, что забыл взять с собой чок-корду, но дратх тут же опять делал стойку, перепел подпускал, и я вновь принимал из пасти собаки нашу добычу. А Джек жмурился от наслаждения, держа птицу в пасти, и шумно дышал носом.

Когда мы дошли до конца поля — там было боронованное пространство, и по моему воображению те перепела, которые видели нас и бежали от опасности, могли скучиться на краю травы. Это было не совсем обычно, но очевидно так и случилось. Потому что, когда мы пошли вдоль этого края люцернового лоскута, птицы начали подниматься сразу по две — три, а всего здесь их было с десяток. Я успел, правда, выстрелить всего пару раз.

Все перепела летели в сторону кукурузного поля, и на обратном пути мы пошли вдоль высокой, шелестящей длинными листьями стенки, чтобы перехватить не успевших забежать в нее птиц. В один момент, когда я, совершая небольшой поворот «челнока», повернулся к кукурузе спиной, сзади послышалось неясное «фр-р-р», и, резко оглянувшись, я увидел летящую уже над кукурузой перепелку. Наверное, ее не стоило стрелять — у Джека не было достаточного опыта поиска дичи в таких местах, — но я выстрелил, и желтоватобурый комочек упал в высокие заросли. Я крикнул летевшему на выстрел дратху: «Пойдем искать, друг!» — и вломился в кукурузу, подняв сверху ружье, тяжело дыша, Джек ломал стебли рядом.

Перепел мог оказаться подранком, и

тогда у нас были все шансы не найти его. Но в этот день, если не считать его начала, нам везло. Когда я, уже начав отчаиваться в поисках, остановился перевести дух, вдруг заметил, что не слышу собаку. В высоких зарослях, в том числе и камышах, я часто специально время от времени останавливался и слушал. Джек, найдя битую дичь или придавив подранка, прижимал их к земле и не трогался с места. Крупную птицу — утку или фазана, — он выносил из зарослей на чистое, а с мелочью вроде перепела оставался на месте. Мелкую дичь выносить он почему-то не считал нужным.

Не услышав собаку, я огляделся, насколько позволяли густые стебли кукурузы, и в просвете неподалеку заметил неподвижный кургузый зад своего помощника с виляющим обрубок хвоста. Подойдя, забрал у него тяжеленького и такого желанного перепела.

После этого, пятнадцатого по счету перепела, я решил закончить охоту. Сетка с добычей ощутимо потяжелела, хотя, если подумать, добычи в ней было килограмма полтора, не больше. Но для нашей охоты это было совсем не плохо. Я мог припомнить многие охоты с результатом более скромным. И они тем не менее приносили удовлетворение. А сегодня, как и весь вчерашний день, меня не покидало ощущение счастья. И покоя. А для счастья ведь не обязательно обильная, тяжелая добыча. Счастье невозможно взвесить.

День так и остался мягким, сырым и прохладным. Было очень необычно, что солнце не показывалось из-за клокостых серых туч уже вторые сутки, но и дождь похоже не решался пролиться на летние поля. Он попробовал это сделать позавчера, и словно понял свою ненужность.

Я шел по заросшей травой полевой дорожке между двух стен: левая была могучим, крупноголовым подсолнечником, а правая — тростниковой зубчатой лентой с метелками серебристых бунчуков. В зарослях тростника без умолку кричали камышанки, с пруда иногда доносились хныканье лысух и звонкие отрывистые вскрики курочек-камышниц. На подсолнухах, перепархивая, деловито чирикали мелкие полевые воробьи. В стороне лесной полосы гудел вяхирь и перекликались кольчатые горлицы. Джек неутомимо рыскал вокруг, и мне было слышно его запальное дыхание. Наконец в камышах он заплескал, и стало слышно, как он жадно и долго лакает воду. Когда дратхаар в очередной раз выскочил впереди меня на дорожку, шерсть его от купания в мелкой воде была всклокоченной и потемневшей, так что мне опять показалась, что Джек одет в старый, мокрый и колючий, войлок. И я понял, что для всего этого дня, суток, проведенных в компании с самым верным другом, у меня появилось и осталось определение: войлочный.

Рисунки А. Кулешовой

С. КОРЫТИН

Удивляют и умиляют

На гусином пролете после первых выстрелов у охотника сломалось ружье. Охота была испорчена не только ему, но и симпатичному спутнику — трехлетней спаниельке.

— Артур, возьми, пожалуйста, собаку, жалко мне ее лишать удовольствия. А я пойду досыпать, потом обед приготавлию.

«Как начнет бесноваться, распугает всех гусей и уток», — подумал Артур Петрович. Но отказаться было неудобно, и он согласился. Малоизвестная собачка улеглась с ним в шалаше.

Через некоторое время показались гуси. Дуплет не принес успеха, но собачка стрёмглавы выскочила из скрадки и кинулась в ледяную воду. Спустя несколько секунд она вернулась. Неся в зубах одно из резиновых чучел уток, расставленных заранее вблизи шалаша.

Чучело подавала с таким выражением мордашки, словно говорила: «Ты сомневался в моей воспитанности, а я даже сделала вид, как это принято в приличном обществе, что не заметила твоего промаха и принесла тебе твою «добычу»».

Артур с улыбкой погладил спаниеля и, зарядив ружье, стал ждать. На этот раз повезло: не оплошал и сбил крупного гуменника. Пока он падал, собачка уже мчалась к воде. Она проплыла мимо резиновых чучел, совершенно не обращая на них внимания, в зарослях осоки нашла грузную птицу и, вытащив ее, еще бьющуюся, на сушу, принесла восхищенному и растроганному охотнику.

Карат — так звали лайку охотоведа Бориса Михайловского — носил поноску из воды, но делал это неохотно. Однажды на озере их постоянный спутник Юра выстрелом сшиб крякву, да так, что она упала на сушу почти у ног. Борис решил воспользоваться и потренировать свою собаку, на глазах которой это произошло. Взяв утку у Юры, он бросил ее в воду: «Карат, по-

Собаки-умницы

дай!» Пес послушно выполнил команду хозяина. Борис опять кинул птицу. Карат еще раз сплавал за ней. Потом все повторилось в третий раз. После четвертого заброса Карат, выбравшись из воды на берег и отряхнувшись, направился с уткой в зубах не к хозяину, а к Юре и подал ему злополучную птицу. Казалось, что сейчас он скажет: «Забери свою утку наконец, а то хозяин совсем меня замучил».

Удивленный сметливостью пса, Юра выполнил молчаливую просьбу и спрятал добычу в ягдташ.

Находчивость Гейды

Человеческое тщеславие беспредельно. Какие только формы оно ни принимает. Каждая медаль, полученная псом на собачьей выставке, — величайший праздник для души хозяина.

А если к медалям за красоту и стройность прибавляется полевой диплом — свидетельство, что его любимец соображает кое-что в охоте, гордость так распирает, что пиджак становится тесен. Чтобы получить диплом, нужно пройти полевые испытания. Они бывают разные: по белке, утке, кабану, по болотной дичи и другие.

Мы в дороге к дупелиному болоту, где должна показать свое умение Гейда — родовитый пойнтер, принадлежащий Бережкову. Впереди следует она с хозяином, затем эксперт-кинолог, судья первой категории со свитой: два помощника и несколько легашатников, собак которых будут судить чуть позже. Они преданно заглядывают в глаза Боброву: правила правилами, а благоволение собачьего «прокурора» немаловажно.

Болото еще далеко, но Гейда вдруг остановилась с высоко поднятой головой и стала прихвливаться, медленно поворачивая голову влево. Это называется — «прихватила запах». Судья приказал спустить красавицу с поводка. Прямо от ноги она пошла на «потяжку» влево от дороги.

Вы когда-нибудь видели пойнтера на потяжке? Красота неопиcуемая: стройная, как балерина, полная страстного ожидания, собака крадучись подбирается к причудливой птице. Вот она прошла шагов десять, но ей преградила дорогу широкая, с отвесными берегами, глубокая канава.

Оглядевшись, Гейда увидела переход — примитивный мостик через

канаву, который находился метрах в ста. И тут собака, бросив потяжку, теперь уже без всякой вычурности движений, деловито побежала к переправе, перешла на другой берег и быстро вернулась по нему к невидимой ниточке запаха, за которую зацепилась носом.

Опять преобразилась красавица в коварную, крадущуюся хищницу. Пружинисто преодолев еще шагов сорок, Гейда медленно подняла переднюю лапу, но не опустила ее, а так и замерла в этой позе, превратившись в живое изваяние. Это была стойка — чудное зрелище, апогей эстетики охотничьего поиска породистой легавой.

Восхищенные судьи и зрители, перебежав канаву по мостику, указанному Гейдой, приблизились к ней, и найденный бекас был «доработан». Талантливой аристократке единодушно присудили искомый диплом.

Еще бы. Сообразительность, какую проявили Гейда, преодолев непредвиденную канаву при выполнении своего ритуала поиска длинноносой птицы, — великая редкость, показатель несомненной смывленности собаки.

Съевший свою собаку

Во времена Советской власти таких охотников именовали «знатными». За свои заслуги промысловик Нагорского района Кировской области Афанасий Зиганов удостоился всех мыслимых в те времена почестей. Одних грамот хватило бы оклеить стены его таежной избушки. И эта тайга, которую он знал и понимал, как близкого человека, неожиданно взяла его за горло. Болезнь застала Зиганова в дальнем зимовье. Сильный, своенравный человек долго сопротивлялся ей, крепился, как мог. А осьь обойдется, да и не хотелось упускать охотничий фарт. Придуманная им выстраданная технология, особое сочетание приманки с капканом, приносила обильные плоды: шкурки куницы сыпались как из рога изобилия.

Но сейчас силы угасали с каждым днем, и однажды утром Зиганов не смог встать. Что же делать? Как сообщить в деревню о своей хворобе, чтобы вызвать подмогу? Остался один путь — послать собаку с письмом. Но как втолковать Лапке, что нужно идти домой, ведь никогда он не учил ее этому?

Дрожащей от слабости рукой Афанасий написал жене записку. Завернул ее от сырости в полиэтиленовый мешочек, примотал к ошейнику и приласкал собаку. Привыкшая к суровому обращению, Лапка немного растерялась, даже и растрогалась, стало радостно-жалобно поскуливать от переполнявших ее благодарных чувств, нахлынувших от касания руки своего повелителя.

— Домой иди, в деревню, домой, — говорил хозяин слабым голосом, —

Марью зови, Ваську, Настю зови... — перечислял домочадцев Афанасий. Лапка заволновалась.

Зиганов все-таки встал пошатываясь, держась за стену. Дошел до двери и открыл ее: — «Домой, домой, Марью, Ваську зови...»

Лапка выбежала, опять заскулила, вопросительно глядя на хозяина, а потом, словно осененная, плаксиво взвыла и побежала занесенной лыжной к родному починку. Закрыв дверь, Зиганов добрался до нар и, окончательно обессилив, рухнул на них, погрузившись в забытие.

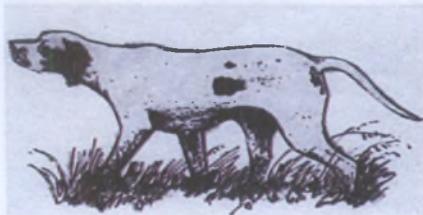
Лапка правильно поняла хозяина и прибежала домой. Записка переполошила деревню, и через день в дальнее село приспела подмога. Еле живого, но еще живого Афанасия вынесли — вывезли из тайги, спасли человека от неминуемой смерти.

Почему-то вспомнилась другая подобная история. Студент-охотовед, назовем его Анатолием, на полевой практике также вот заболел в далекой таежной избушке. Не имея возможности добыть себе пищу, он убил свою собаку и тем спасся. Подпитался собачьим мясом, выздоровел и вышел из тайги. Вернувшись в институт, честно рассказал о своем невеселом приключении. Никто его в глаза не осудил, но потом много поколений студентов говорили: «Ах, тот самый, что свою собаку съел в тайге».

Шли годы. Толя процветал, стал чемпионом по горнолыжному спорту, поступил в аспирантуру, и вдруг что-то сломалось в его благополучной судьбе. Загулял мужик, запил. Назанимал денег у многих институтских профессоров и, бросив жену и дочь, пропал...

Через много лет кто-то видел его за Полярным кругом в стойбище ненцев-оленьеводов. Он женился на их женщине, кочевал вместе с ними, а потом, говорят, спился окончательно.

Третий в первой пятерке

Елена ГОРБУНОВА. Фото Е. Горбуновой, А. Асташенкова

Большая африканская пятерка — так называют пять видов животных, которые являются самыми почётными трофеями в африканском охотничьем сафари. Согласно ценности трофея, располагают их так: слон, носорог, буйвол, лев, леопард.

Я расскажу немного о буйволе.

Итак, третьим по ценности среди всех африканских трофеев является черный, или африканский, буйвол — крупнейший на планете из рода быков. Зоологи даже выделили его в отдельный род и отдельный вид. Но обычно охотники называют его просто — баффало, иногда добавляя — африканский или же капский. Вес взрослого самца баффало достигает порой 900—1000 кг, но до сих пор можно встретить и экземпляр весом под 1200 кг. Высота в холке у взрослых самцов — до 1,8 м, но чаще 1,5—1,6 м, при длине тела 3—3,5 м.

Несмотря на интенсивную охоту и сильное давление со стороны человека, популяция буйволов в Африке, по сравнению с поголовьем других крупных животных континента, сохранилась достаточно хорошо, и вымирание им не грозит. В африканской культуре буйволу отведено важное место в фольклоре. У большинства народов он олицетворяет силу, мощь и неуязвимость, иногда — слепую ярость. Храбрых и сильных воинов принято было сравнивать с буйволами.

Что касается рогов — главного охотничьего трофея, то они достаточно сильно отличаются от привычных нам. От основания рога расходятся в стороны, затем заггибаются вниз, а потом плавно изгибаются вверх и внутрь. К 5—6-летнему возрасту основания рогов срастаются и образуют сплошной мощный костный щит на лбу животного. Далеко не каждая пуля способна этот щит пробить. Поэтому стрельбу по буйволам ведут из мощного оружия, с высокой останавливающей способностью пули. В законодательном порядке даже прописан минимальный калибр оружия — это или .375 N&N Magnum, или его аналог 9,3x64 мм. А для охоты на крупных самцов лучше применять более тяжёлый калибр с весом пули 23—32 г и энергией 6—7 кДж (.416 Rigby, .458 Lott, .470 Nitro Express и т. д.).

Оценивают трофей так — чем больше расстояние между концами рогов, тем ценнее трофей (50 дюймов, или 127 см, считается

превосходным результатом). Учитывается также толщина основания, общая длина рогов (может превышать 2,5 м) и их форма.

Африканский буйвол — животное стадное. Живет группами по 20—30 особей. Наиболее многочисленные популяции обитают в богатых осадками саваннах, где круглогодично есть достаток в воде, травах и кустарниках. Там буйволы образуют стада, насчитывающие сотни животных. Из года в год они предпочитают держаться в одном районе, который пересекают по неизменным маршрутам.

Лучше всего баффало сохранился на юге и востоке Африки, приспособившись к разнообразным биотопам, от густых тропических лесов до открытых саванн. В горах его можно встретить вплоть до высоты 3000 м. С вечера до рассвета буйвол обычно пасется, а день проводит, стоя в тени дерева или лёжа в болотной грязи, или в зарослях тростников. В самые жаркие часы он почти не двигается — лежит неподвижно на одном и том же месте, спит или пережёвывает жвачку.

Поскольку ему необходим ежедневный водопой — в день взрослое животное выпивает 30—40 л воды, то стадо живет всегда поблизости от водоема. Есть наблюдения, что буйволы никогда не

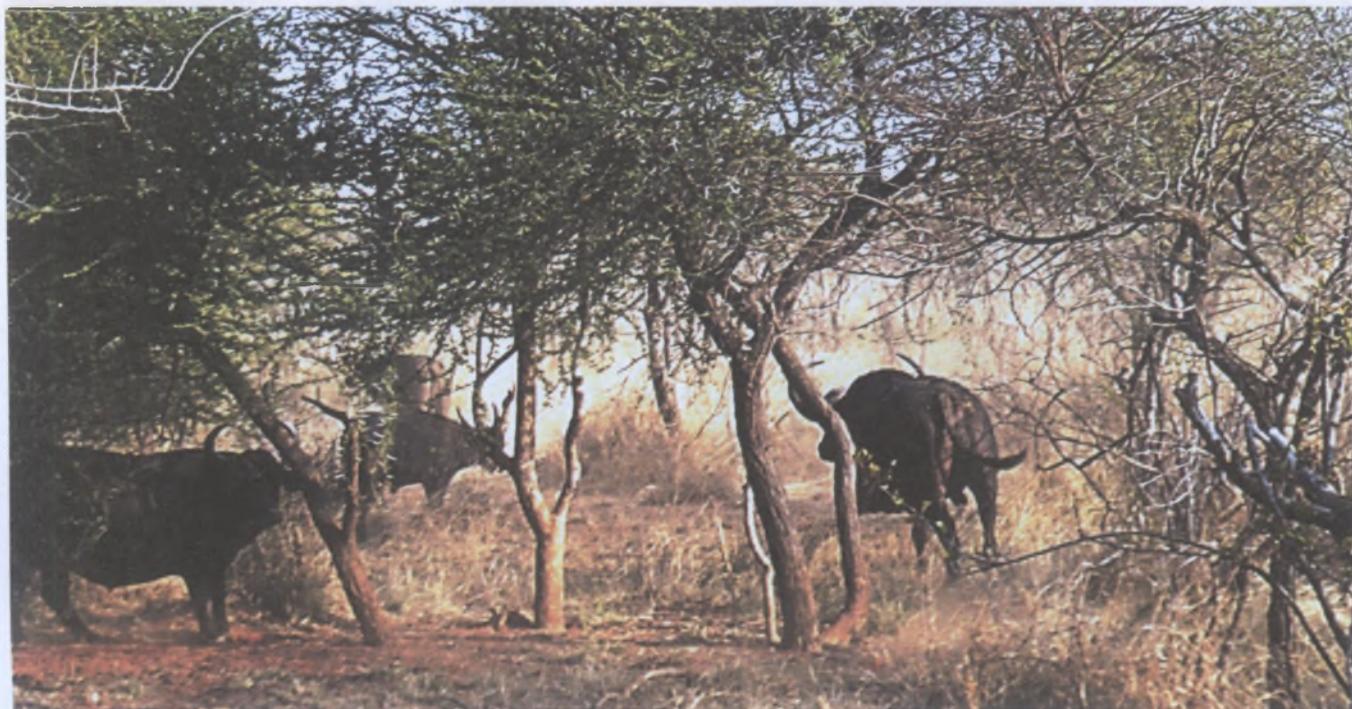
отдаляются от воды больше, чем на 4 км.

Буйволы — очень осторожные животные. Насторожившийся буйвол принимает характерную позу тревоги, подняв голову и запрокинув рога. В такой момент достаточно малейшего подозрительного звука, чтобы стадо бросилось наутек. Потребованные буйволы бегут обычно довольно медленно, но в случае серьёзной опасности или в атаке могут развивать очень большую скорость — по некоторым данным, до 57 км/ч.

Услышать голос баффало большая редкость. В спокойной обстановке зверь лишь фыркает или хрюкает, но, будучи раненым или попавшим в затруднительное положение, ревет или мычит, как домашняя корова. Но при этом специалисты считают, что буйволы общаются посредством звуков, ибо насчитали десятки различных голосовых сигналов, означающих самые разные эмоции.

Буйвол весьма разборчив в еде. Обычно он отдаёт предпочтение нескольким конкретным видам трав, которые и поедает в течение года, переходя на другой корм лишь вынужденно. Отсутствие качественного зелёного корма зверь переживает плохо — быстро теряет в весе.

Из всех представителей «Большой пятёрки» буйвол считается са-

мым опасным. Даже невредимый взрослый бык, завидев человека с ружьём, часто атакует первым, не дожидаясь выстрела, а раненый — переходит в нападение во всех случаях без исключения. Остаться живым после нападения буйвола почти невозможно, ведь помимо огромной силы, бык ещё и очень хитёр. Нередко, уходя от преследования, буйвол делает в зарослях крюк и, затаившись, поджидает охотников на собственном следе. Может притвориться мёртвым и внезапно броситься на приблизившегося стрелка.

Самый распространенный способ охоты на буйволов — скрадывание пасущегося стада. Зверь видит плохо — обстановку оценивает в основном с помощью тонкого обоняния и отличного слуха и поэтому подойти к стаду с наветренной стороны можно относительно близко.

Несмотря на то, что одомашниванию африканские буйволы поддаются крайне трудно из-за своего неуживчивого злобного нрава и непредсказуемого поведения, их иногда содержат в вольерах или в полудомашних условиях. Удавалось людям приручать и маленьких телят. Но в целом местное население относится к ним с большой опаской — от буйволов в Африке погибло людей больше, чем от львов и леопардов. По этому показателю буйвол стоит на третьем месте после крокодила и бегемота.

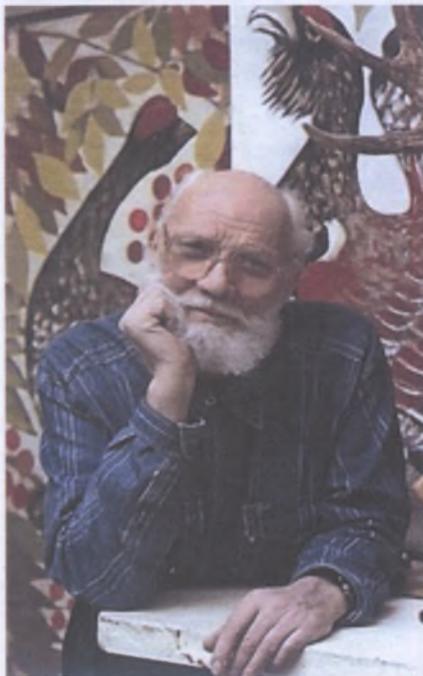
В настоящее время охота на баффало в Африке строго регламентирована, хотя разрешена практически повсеместно.

Художник-анималист Олег Отрошко

Олег Павлович Отрошко — известный художник-анималист, живописец, график, монументалист и рисовальщик. Он участвовал более чем в ста художественных выставках, в двадцати персональных. Его картины украшают частные коллекции в США, Индии, Китае, Германии, Италии и во многих городах России.

«Этот мощный, но необычайно подвижный человек с серыми глазами и внимательным взглядом, с пышной белой бородой, — пишет член Союза писателей Е. Гусев, — обладает фантастической притягательной силой, простотой в общении, ясностью и чистотой мысли, скромностью и добросердечием. Вся его фактура излучает доброту, теплоту и приветливость, несет в себе какую-то сказочность, былинность. Мне иногда кажется, что художник Отрошко носит в себе тайну познания того, как изобразить запах талой земли или зыбкую предвечную тишину, голос токующего глухаря или полет вальдшнепа, вкус родниковой воды или тревогу лосихи-матери, какие краски нужны для написания весеннего ветра, летнего дождя и февральского снега, шапкой накрывшего одинокий стожок на краю деревни».

Главное направление в творчестве Олега Отрошко — анимализм. Жанр этот нелегок. Просто похожесть животного мало. Нужны характер и выразительность. Художнику в полной мере это удается. По его картинам можно позна-

вать животный мир России. На них и олени, и лоси, и кабаны, и барсуки, и глухари, и совы, и соколы... И не только познавать, но и учиться понимать красоту и ценность ее.

Охота — пожизненное увлечение Отрошко. Впечатления, полученные на природе, питают творчество художника. Кисть, резец и ружье не противоречат, а дополняют друг друга. Олег Павлович —

ружейный охотник, держал гончих, легавых, норных собак, у него была классная длинношерстная такса.

Сколько верст прошел художник по лесам и болотам, он и сам не скажет. А уж сколько зверей и птиц повидал в дикой природе, да в такие моменты, которые доступны лишь заядлому охотнику! Не случайно его любимый образ — токующий глухарь.

Сейчас дом художника — его мастерская в Ярославле. В мастерской — сотни, если не тысячи различных эскизов, портретных зарисовок, графика. Рядом с чучелами глухарей, тетеревов, сов, кабанов висят роскошные трофеи — шкуры бобра и рыси.

*Художнику Отрошко О.П.
—своему земляку — посвящаю*
Т. ПАУТОВА

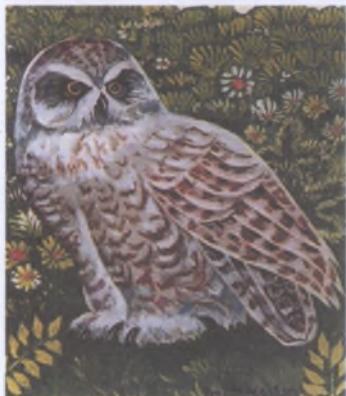
Его кисти волшебной сюжеты:
То рассветная даль, то — закат.
Его красками щедро согретый
Потеплеет у зрителя взгляд.

И душа встрепенется, как
птица,
Что притихла на этом холсте.
Он к гармонии вечной
стремится,
Распиная себя на кресте.

И того, может, сам он не знает,
Дар его словно светоч во мгле.
Свое сердце художник сжигает,
Чтобы стало светлей на Земле!

В этом году О.П. Отрошко исполнилось 75 лет. Редакция и читатели журнала поздравляют Олега Павловича с юбилеем и желают крепкого здоровья, сил для творчества и новых интересных охот!

ГУРОВ В. На весеннюю охоту вновь нападают . . .	1
ДИГИЛЕВИЧ А. Самая любимая осенняя охота	4
УСИКОВ С. Охота на кулика на Камчатке	6
КАЛИНИН М. Коварство красоты	9
ФИЛЬ В. Соболя напасть	10
КОЖЕЧКИН В., СМИРНОВ М. Хищническое поведение буроого медведя в горах юга Сибири . . .	12
РЯБЦЕВ В. В Юньнань на поиски зимующих орлов	18
МУХАЧЕВ А. Рога северных оленей и их использование	22
ТИШКЕВИЧ С. Где ночуют кеклики?	24
БЕРМАН С. Перечитывая Р. Ф. Гернгросса и немного о своем	26
ДЕМЧЕНКО С. Охоты на Кубани с ягдтерьером	28
МАСЛОВ Ю. Знаменитые ружья. «Эдуард Кеттнер»	30
БЛЮМ А. Охотничьи патроны второго поколения	34
АЛЁХИН И. «Войлочный день», или сколько стоит счастье	36
КОРЫТИН С. Собаки-умницы	42
ГОРБУНОВА Е. Третий в первой пятерке	44
ОТРОШКО Олег — художник-анималист	46
ЦЕЛЫХОВА Е. Словарь русского охотничьего языка	48

На первой странице обложки:
Кеклик — еще один представитель фазановых
Фото С. Тишкевича

На второй странице обложки:
Типичные места обитания кекликов
Трещины на крутых склонах, результат водной и ветровой эрозии, часто служат убежищами для кекликов
Фото С. Тишкевича

На третьей странице обложки:
«У бобровой плотины»
Художник О. Отрошко

На четвертой странице обложки:
«Кругом бормочут теревара»
«Поющий глухарь»
Художник О. Отрошко

Издатель: ООО Издательский дом «Охота и охотничье хозяйство»

Генеральный директор Т.А. Волжина
Главный редактор А.М. Блюм

Редакционная коллегия:
М.В. Булгаков, Л.А. Гибет, А.А. Данилкин,
И.А. Домский, А.П. Каледин, А.М. Лаврова,
В.К. Мельников, В.Г. Сафонов, К.П. Савельева,
А.А. Севастьянов, Е.К. Целыхова, В.Б. Чернышёв

Главный бухгалтер Н.М. Видулина
Художественный редактор М.Л. Кнерцер
Зав. отделом Н.В. Дервиз
Корректор З.М. Данилова
Фотокорреспондент А.Ф. Дигилевич

Сдано в набор 05.06. 2014 г. Подписано к печати 03.07.2014 г.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Заказ 3144. Тираж 18 000. Цена 105 руб.

Адрес редакции: 101990, Москва,
Милютинский переулок, д. 18А, офис 13
Тел.: (495) 628-25-57
Электронная почта ohot.a.ohothoz@mail.ru
Сайт: www.ohothoz.com

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru. 8(495)988-63-76,
8(496)726-54-10.

В случае обнаружения полиграфического брака
обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452

Словарь русского охотничьего языка

Е. ЦЕЛЫХОВА

Полаз — поиск у гончих собак. (Хорошая гончая должна **идти широко в полаз**, достаточно далеко от охотника, обследуя все плотные, подозрительные места; но все же **полаз** ее должен сообразоваться с направлением охотника, для чего последний должен изредка **порскасть**. Широта и глубина **полаза** должны быть осмысленны, должны иметь границы, и гончие, отбивающиеся или пропадающие на целый день из глаз, чрезвычайно неудобны (Н. П. Кишинский «Ружейная охота с гончими».); **полазистая** — обладающая хорошим **полазом** (Старинные русские гончие были **полазисты** и **добычливы**, потому что искали очень широко и быстро, но наездка их трудна; они грубы и непослушны, то и дело надо употреблять **арапник** (Н. П. Кишинский «Ружейная охота с гончими».); **короткий полаз**, **широкий полаз**, **копотливый полаз** (Т. П. Томилова «Зайцы и охота на них»); в **полазе** — в поиске **идти в полаз**; **обымать полазами** (устар., просторечное); возможна следующая версия происхождения: с одной стороны, слово связано с общеславянским «лазитъ»: болгарским «лазя», сербохорватским «лазити», словенским «laziti, lazim» — и может основываться на наблюдениях за гончей, находящейся в **полазе** — она «лазает» по крепям и мелочам в поисках залегшего зверя, который «в силу природного инстинкта, ложиться, приблизительно, в одних и тех же местах, например, более крепких, т.е. густо заросших травой, кустарниками или мелким ельником...» (Н. Н. Челищев «Как самому нагнать гончих»); с другой стороны, оно связано со словом «лаз» — входное отверстие норы; естественный путь, тропа или излюбленное зверем место перехода из одного места в другое или внутри угодьев; предполагаемое место прохода зверя; место, по которому он выходит из крепи или острова: «пройти **лазом**», «становиться на лазу», «верный лаз». Действительно, гончая в **полазе** исследует и **лазы** зверя, ища, к примеру, путь с жировки на лежку. Само слово «лаз» связано с диалектным «лазина» — раскорчеванное место, просека в лесу, сербохорватское «лаз» тропинка, лаз; небольшая нива; порубка в лесу, словенское «laz» просека в лесу; расчищенное место, новый луг, а соответственно — со значением «свободный, пустой» (М. Фасмер «Этимологический словарь»).

Полайка — 1) голос лайки, обнаружившей на дереве птицу или пушного зверька (Н. Ф. Реймерс «Словарь охотника»); 2) лай норной собаки перед остановившимся зверем. (Среди лисиц встречаются особи, охоту убегающие от собаки, тем самым способствующие закреплению у норника чувства превосходства, а бывают и не желающие отступать, останавливающиеся в трубе норы и принимающие бой. В таких случаях можно дать щенку короткий урок облаивания, а затем извлечь его из норы в момент злобной полайки, быстренько вновь перепустить в нору через главный вход (В. Г. Гусев «Легавые собаки и охотничьи терьеры»)).

Полати — помост на дереве для охоты на медведя на овсах. (Иногда для этого медведь выбирает вырубку или мелкую чащу. В таком случае засада приходится устраивать либо на полатах, сооружаемых из вбитых в землю кольев, либо в шалаше на земле. Однако чаще всего медведь относит труп задранный скотины в лес. Поэтому здесь наиболее возможно устройство лабаза. И шалаш, и полати, и лабаз должны быть сооружены так, чтобы не выделяться на фоне окружающей местности и достаточно надежно — хотя бы только со стороны падали — скрывать засевшего охотника (Г. Е. Рахманин «Ружейно-спортивная охота».); в охотничий язык слово пришло в результате функционального переноса при общезыковом значении «широкие нары для сна, устраиваемые в избах под потолком между печью и противоположной ей стеной» («Толковый словарь» Д. Н. Ушакова).

Продолжение следует

